9(5)
С-71

Л.Д.Спекторов

Феодальные отношения в КАМБОДЖЕ

накануне установления французского протектората

Л. Д. Спекторов

Феодальные отношения в КАМБОДЖЕ накануне установления французского протектората

(ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ
ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
В СЕРЕДИНЕ XIX в.)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1979

9(М)3
С71

Ответственный редактор
Л. Б. АЛАЕВ

Работа посвящена исследованию форм собственности в Камбодже середины XIX в. Автор раскрывает феодальный характер земельной собственности и воссоздает структуру двух ее форм — государственно-феодальной и частнофеодальной. Рассмотрены специфические методы эксплуатации непосредственных производителей и выявлены формы феодальной земельной ренты. Содержится типологическое сопоставление отношений феодальной собственности на землю в Камбодже с феодальными земельными отношениями в Индии и в некоторых других странах.

С $\frac{10605\text{-}192}{013(02)\text{-}79}$ 77-79. 0506000000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1979.

ВВЕДЕНИЕ

Фундаментальное значение для выявления и анализа реальных отношений феодальной земельной собственности в различных обществах имеет данная К. Марксом общая характеристика присвоения земельной ренты как экономической формы реализации собственности на землю: «Какова бы ни была специфическая форма ренты... присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность...» [5, т. 25, ч. II, с. 183]. Рассматривая феодальную земельную ренту, К. Маркс отмечает, что она «представляет... единственный прибавочный труд или единственный прибавочный продукт, какой непосредственный производитель, *владеющий* условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, должен доставить *собственнику* того условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, то есть собственнику земли» [5, т. 25, ч. II, с. 357—358].

Феодальный земельный собственник в политико-экономическом смысле является субъектом присвоения феодальной земельной ренты — отчуждаемого им прибавочного труда (или прибавочного продукта) непосредственного производителя, который с точки зрения политэкономической является владельцем земли, выступает как непосредственный производитель, владеющий условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства, он работает «на фактически ему самому принадлежащем поле производства» [5, т. 25, ч. II, с. 358], «всегда предполагается действительным земледельцем и владельцем земли» [5, т. 25, ч. II, с. 367].

Феодальная земельная собственность означает экономическую зависимость непосредственных производителей от собственников земли. Но наряду с экономическим принуждением феодальной земельной собственности присуще внеэкономическое принуждение. Именно то, что непосредственный работник в социально-экономическом отношении является владельцем земли, «вла-

деет здесь своими собственными средствами производства, предметными условиями труда, необходимыми для осуществления его труда и для производства средств его существования; он самостоятельно занят своим земледелием» [5, т. 25, ч. II, с. 353], обусловливает необходимость также и внеэкономического принуждения для отчуждения феодальным собственником прибавочного труда или прибавочного продукта у ведущего самостоятельное хозяйство владельца земли. «Та специфическая экономическая форма, в которой неоплаченный прибавочный труд выкачивается из непосредственных производителей, определяет отношения господства и порабощения, каким оно вырастает непосредственно из самого производства, и, в свою очередь, оказывает на последнее определяющее обратное воздействие» [5, т. 25, ч. II, с. 354]. «...Во всех формах, при которых непосредственный работник остается „владельцем" средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель — как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства» [5, т. 25, ч. II, с. 353]. «При таких условиях прибавочный труд... можно выжать... только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее» [5, т. 25, ч. II, с. 353].

В. И. Ленин также указывал на значение внеэкономического принуждения в системе феодальной земельной собственности: «Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, „внеэкономическое принуждение", как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим... Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина» [15, с. 185].

Раскрытие К. Марксом феномена присвоения феодальной земельной ренты и квалифицирование этого присвоения как экономической формы реализации соответствующей собственности на землю имеет ключевое

значение для определения самого феодального характера земельной собственности в различных обществах. Выявление специфически феодальных методов отчуждения прибавочного труда (или прибавочного продукта) непосредственных производителей в земледелии имеет определяющее значение для соответствующей характеристики земельной ренты и земельной собственности в ее реальной форме: «Феодальной земельная собственность становилась лишь там и лишь постольку, где и поскольку на земле складывались специфически феодальные способы присвоения. Первым общим признаком всякой феодальной собственности... является именно то, что эта собственность обеспечивает получение отработочной, продуктовой или денежной ренты» [191, с. 58—59]. Субъектом феодальной собственности на землю является лицо или группа лиц, осуществляющие «присвоение чужого неоплаченного труда в виде феодальной ренты... Без ренты нет присвоения, а, следовательно, нет и собственности на землю. При феодализме собственником земли может быть только получатель феодальной ренты» [102, с. 156—157; 124, с. 30; 125, с. 100].

Предпринимая попытку возможно более полной реконструкции структуры рассматриваемой в данной работе феодальной собственности на землю в Камбодже [1] середины XIX в., следует предварительно обратить внимание на некоторые различия в общих определениях собственности, имеющие место в советской науке.

Ряд ученых считает, что собственность — это не отношение людей к вещам, к средствам производства, а только отношения между людьми — производственные отношения. Такая точка зрения была выражена, в частности, одним из видных теоретиков собственности А. В. Венедиктовым: «Собственность — всегда общественно-производственное отношение, отношение между людьми по поводу средств и продуктов производства, но не между людьми и принадлежащими им средствами производства» [116, с. 36]. Это мнение разделял и Б. Ф. Поршнев: «Неправильно рассматривать собствен-

[1] Нынешнее официальное название страны «Кампучия» нам не представляется правомерным вводить в данную работу, посвященную истории кхмерского позднего средневековья, и мы сохраняем наименование «Камбоджа» как традиционно принятое в исторической литературе.

ность как отношение тех или иных людей к материальным благам, вещам... Собственность, рассматриваемая как экономическая категория, не есть отношение людей к вещам, голое „присвоение“ людьми вещей, а есть отношения между людьми...» [159, с. 29].

Другие ученые не склонны, как замечает один из них, крупный исследователь проблематики собственности В. П. Шкредов, «недооценивать, а тем более игнорировать ту сторону отношений собственности, которая заключается в господстве человека над вещами» [192, с. 23]. По определению этого автора «собственность как форма проявления объективных отношений производства представляет собой единство фактически осуществляющихся отношений людей к вещам и их общественных, производственных отношений друг к другу» [192, с. 23]. Подход к собственности как к категории, заключающей в себе обе стороны такого единства, в котором решающее значение принадлежит производственным отношениям людей и их выражению в области присвоения, характерен и для А. Л. Шапиро: «Собственность нельзя рассматривать только как отношение людей к вещам... следует исходить из сущности собственности, т. е. из отношений, в которые люди становятся друг к другу в процессе производства и которые выражаются в тех или иных общественных формах присвоения материальных благ» [191, с. 58].

Трактовка собственности, данная в приведенных определениях А. В. Венедиктова и Б. Ф. Поршнева, выражает ее социально-экономическую сущность, но имеет несколько ограничительный характер, не ориентируя на исследование отношения людей к вещам, к средствам производства. Поэтому оценка собственности, содержащаяся в формулировках В. П. Шкредова и А. Л. Шапиро, также исходящих из определяющего значения производственных отношений при характеристике политико-экономической сути собственности, но не сводящих ее структуру только к этим отношениям, а включающих в нее также и отношение людей к вещам, к средствам производства, представляется весьма плодотворной для наиболее объемного изучения структуры собственности, выявления всех ее составных элементов.

Задачей настоящего исследования является анализ характера, форм и структуры собственности на занятые

лично свободными подданными земли, составляющие основной обрабатываемый фонд в Камбодже середины XIX в. Некоторые виды земель, закрепленные за кхмерским монархом, правителями округов и буддийскими пагодами, остаются за рамками данной работы.

Кхмерские земельные отношения середины XIX в. могут быть рассмотрены достаточно подробно на большой группе правовых и нарративных источников, относящихся к кануну и к начальному этапу протектората Франции, установленного в Камбодже в 1863 г., и характеризуют кхмерскую систему собственности на землю, еще не затронутую вмешательством французских властей в аграрную систему страны.

Реконструкция основ камбоджийского аграрного строя середины XIX в. будет способствовать выявлению сходных и отличительных черт земельных распорядков в предшествующие периоды средневековья, изучение которых затруднено недостаточностью источников.

Решение задач раскрытия феодального характера, выявления форм и воссоздания структуры земельной собственности в Камбодже середины XIX в. следует начать с рассмотрения правового отношения подданных к средству производства — земле, согласно фиксации в кхмерском земельном законодательстве того времени. На основании этой части анализа можно будет судить лишь о юридической собственности на землю в камбоджийском позднесредневековом обществе. На вопрос же о том, насколько данная юридическая собственность на землю была адекватна тем правовым отношениям, в которые оформлялись действительные — с точки зрения политико-экономической — формы кхмерской феодальной собственности на землю, возможно будет ответить только после раскрытия этих форм и выявления структуры собственности.

Главной задачей представляется реконструкция наиболее важной части структуры каждой формы феодальной земельной собственности Камбоджи, состоящей из общественно-производственных отношений собственников, присваивавших ренту, с непосредственными производителями, у которых ее изымали, т. е. части структуры, выражавшей экономическое содержание кхмерской феодальной собственности. Эта задача должна быть решена посредством раскрытия методов отчуждения при-

бавочного труда (или продукта) у непосредственных работников в земледелии.

Существенной задачей является также воссоздание другой, менее значимой части структуры каждой рассматриваемой формы феодальной собственности в Камбодже, которую составляли фактически осуществляющиеся отношения собственников к земле. К решению этой задачи нужно подойти не столько при посредстве рассмотрения принадлежности земель в соответствии с нормами камбоджийского земельного права, сколько с позиций оценки действительного присвоения земли, оформляемого как на основе земельного законодательства, так и помимо него. Интересно будет соотнести эти выявленные реальные отношения феодальных собственников Камбоджи к земле как к объекту их собственности с рассмотреннным первоначально правовым отношением подданных к земле и, отмечая случаи тождества тех и других, установить также случаи их несоответствия, когда кхмерские феодально-собственнические экономические отношения не фиксировались в юридически-собственнической форме.

Предусматриваемые в данной работе методические принципы раздельного, а затем комплексного анализа правовых и общественно-производственных отношений должны способствовать преодолению трудностей исследования весьма сложного и внешне противоречивого материала по аграрным отношениям камбоджийского позднего средневековья, характеризуемых личной свободой основной категории непосредственных производителей, их полной свободой перемещения и правом приобретать в частное владение незанятые земли, а также таким оформлением их юридического статуса на фактически занимаемые ими земли, которое было тождественно правам крупных и средних привилегированных обладателей земли.

В процессе анализа общественно-производственных отношений в Камбодже середины XIX в. при рассмотрении собственности в ее реальной, сущностной форме (в экономическом смысле) для характеристики субъекта этой собственности в работе употребляются термины «феодальный собственник», «частный феодальный собственник», «действительный (фактический, реальный) собственник», или просто «собственник», а термин «вла-

делец земли» (также в экономическом смысле) применительно к непосредственному производителю в системе данной собственности.

В ходе анализа правовых земельных отношений употребляется термин «верховный юридический собственник земли» для выражения верховных прерогатив кхмерского государя на землю, а при характеристике правового статуса подданных на земли, которыми они владели под эгидой верховных прав монарха, применяется термин «частный владелец земли» (или же термины «владелец земли», «землевладелец»,— в тех случаях, когда юридический аспект рассмотрения сомнению не подлежит и контекст изложения не допускает смешения данного значения термина «владелец земли» с указанным выше значением его в экономическом смысле). Заметим, однако, что оба значения термина «владелец земли» могут быть совмещены в одном и том же субъекте, как мы убедимся при исследовании кхмерского крестьянского землевладения лично свободных подданных.

Глава I

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Характеристика источников по аграрным отношениям

Источники данной работы подразделяются на правовые и нарративные. К первым относятся тексты камбоджийских законов середины XIX в. и французско-камбоджийских договоров, навязанных Камбодже в начальный период протектората Франции, т. е. в 60—80-е годы. Нарративные источники составляют описания Камбоджи, принадлежащие европейцам, преимущественно французам, побывавшим здесь в 50—80-х годах XIX в. и зафиксировавшим кхмерские земельные отношения до действенного вмешательства французской администрации в аграрную сферу страны.

Правовые источники

Акты земельного законодательства середины XIX в. включены в двухтомный Свод законов Камбоджи XVII—XIX вв., представляющий собой собрание 54 отдельных кхмерских текстов в переводе на французский язык, изданное в конце прошлого века А. Леклером [81]. Это издание было осуществлено на основе сбора камбоджийских сатра, т. е. рукописных оригиналов текстов законов или их копий, также выполненных от руки, которые хранились в королевском дворце и у крупных сановников. Большая часть текстов вошла в Свод законов с преамбулами, указывающими на год принятия данного законодательного акта, но остальные тексты, преамбулы к которым были опущены, оказались недатированными. Назначение преамбул состояло в том, что они освящали законы, провозглашаемые в настоящем, авторитетом «мудрых» и «справедливых» законодателей прошлого, стремясь представить составление нового или пересмотр прежнего текста как возрождение «древнего» «забытого» закона.

Примером подобной преамбулы может служить следующая выдержка, предваряющая крам похулла теп (закон о сельских правонарушениях) от 1853 г. [81, т. II, с. 384—450], которую следует процитировать также и потому, что она вводит нас в круг ведения основного земельного закона Камбоджи: «... государь... повелел издать крам похулла теп, содержащий законоположения относительно рисовых полей, садов, посадок, лесов, равнинных и возвышенных земельных участков, вод, рек, речек, прудов, ручьев, каналов. При составлении закона учеными были использованы судебные тексты... существующие с древних государей, которые были столь мудрыми, что создали также нижеследующие статьи для применения их в будущем» [81, т. II, с. 384].

Однако некоторые преамбулы законов середины XIX в. представляют собой отход от традиционной законодательной манеры кхмерской монархии в сторону признания намерения дать прежним текстам действительно новое содержание. Ярким примером этого является преамбула из крам прэах реатьеа кхант (закона из отдельных пунктов, т. е. разрозненных законоположений) от 1850—1853 гг. [81, т. II, с. 611—619]: «Государь Анг Дуонг... вместе с сановниками... подумал о том, что Книга древнего закона, восходящая ко времени, когда не было еще ни государей, ни сановников, ни министров, ни ученых советников, должна быть пересмотрена и ее статьи приведены в соответствие с правосудием» [81, т. II, с. 611]. Идентичность основных пунктов аграрной регламентации крам похулла теп и крам прэах реатьеа кхант с положениями некоторых недатируемых законов делает правомерным использование совпадающей их части как источника, освещающего те же черты земельных отношений более объемно или в несколько ином ракурсе. В первую очередь это относится к тексту, включенному в Свод законов без преамбулы и под условным названием «закон о земельных участках» [81, т. I, с. 382—385]. При сходстве их содержания с законодательными текстами середины XIX в. некоторые статьи более ранних или несколько более поздних законов можно рассматривать как дополнительный источник. Так, крам прэах реатьеа прапдапхисек (закон о коронации, о посвящении в государи) [81, т. I, с. 37—64] и крам реать нити саттх (закон об искусстве управления)

[81, т. I, с. 65—88], относящиеся к началу XVII в., в ряде положений о королевских правах на землю сходны с крам тьор (законом о злоумышленниках), принятым в 1860 г. [81, т. II, с. 287—301] и с крам окня луонг (законом о посланных государя) от 1873—1877 гг. [81, т. II, с. 250—286]. А крам пуок саупхэа (закон о группе судей) [81, т. II, с. 557—610], восходящий к XVII в., восполняет пробелы законодательства середины XIX в. в определенных пунктах, применимость которых к действительности интересующего нас периода засвидетельствована нарративными источниками.

Выделение указанной части камбоджийского законодательства как источника изучения земельной собственности в Камбодже середины XIX в. имеет принципиальное значение. Оно помогает преодолеть традиционный подход французских буржуазных исследователей ко всей массе актов разного времени, включенных в Свод законов Камбоджи, как к источнику по «дофранцузским» кхмерским аграрным отношениям без стремления выявить их развитие и изменение до установления протектората. Не проводя никакого разграничения между камбоджийскими законами, отстоящими друг от друга иногда на два или на два с половиной столетия, французские авторы (некоторые указывали на дату их издания, а иные не делали даже этого) использовали материалы Свода законов фактически недифференцированно (в качестве источника, наряду с законами середины XIX в., ссылались на крам похулла теп от 1693 г. [81, т. II, с. 357—383], что приводило их к созданию асинхронной модели аграрного строя Камбоджи).

Помимо трудностей, связанных с датировкой текстов, работа над Сводом законов Камбоджи как источником по земельным отношениям таит в себе ряд других сложностей, справиться с которыми — задача не из легких. Это неоднократно констатировали весьма компетентные в кхмерском законодательстве французские ученые Э. Эмонье и Р. Клейнпетер: «Основные черты теряются в массе частных случаев, и синтез нелегко сделать» [28, т. I, с. 80]. «Положения (земельного законодательства.— *Л. С.*) разбросаны, часто далеко отстоят от вопросов, связанных с земельной собственностью, и требуют многочисленных сличений, сопоставлений, сравнений» [237, с. 115]. Действительно, чтобы быть уверенным в пра-

вильности понимания и толкования текстов камбоджийских законов, надо по многу раз обращаться к ним, прибегать к методу сравнительного анализа законоположений и комплексного анализа их данных со сведениями нарративных источников.

Мы хотели бы выделить несколько моментов, затрудняющих исследование земельной проблематики при работе над Сводом законов Камбоджи как источником, и одновременно обратить внимание на то, преодолевали их или нет французские ученые.

Во-первых, одна группа текстов Свода законов — крам прэах реатьеа прапдапхисек, крам тьор, крам окня луонг и другие — рассматривает прерогативы монарха на землю и определяет их как его право собственности, не упоминая о земельных правах подданных. Другая группа текстов (крам похулла теп, крам прэах реатьеа кхант, закон о земельных участках и др.) трактует вопросы права подданных, часто (но не всегда) называя его их правом собственности, без упоминания здесь земельных прерогатив государя. Большинство французских исследователей отдавали предпочтение либо одной, либо другой из этих групп текстов, что вело их к односторонним выводам об исключительно королевском праве собственности на землю или же о праве земельной собственности одних только подданных. Обе группы текстов должны быть соотнесены, и на основе их комплексного разбора установлен действительный объем собственнических прав монарха и подданных на землю.

Во-вторых, группа текстов, посвященная земельному праву подданных на обрабатываемые ими земли, квалифицирует его то как право собственности, то как право занятия. Это право обусловливается необходимостью обработки земли, оставление которой ведет к его полной утрате. С точки зрения многих французских авторов, неоднозначное наименование подданных как земельных собственников и особенно аннулирование их прав на необрабатываемую землю свидетельствовали в пользу отсутствия земельной собственности подданных. Решение данного вопроса возможно лишь с позиции подхода к праву собственности как к такой категории, черты которой, ограничивающие полноту права, выражают его своеобразие, но не лишают самого характера права собственности.

В-третьих, вопросы земельной регламентации, рассматриваемые обычно в плане разбирательства претензий на участок земли двух юридических лиц, прямо не связываются в статьях Свода законов с социальным положением той или иной стороны. За исключением редких случаев установления льгот для лиц, покинувших свои земли в связи с государственной службой или участием в военных действиях, конфликтующие стороны упоминаются без учета их общественных функций. Они всегда именуются просто так: «какое-либо лицо», «кто-либо», без всякого указания на привилегии при наличии чина, ранга и т. п. Единственное ограничительное условие — распространение земельного права только на тех подданных, которые имели статус лично свободных,— также прямо не оговаривается, но оно со всей определенностью подразумевается и подтверждается тем, что категории зависимых, когда о них идет речь, обязательно называются (см., например, крам теаса камокар — закон о работе теаса, лично зависимых работников) [81, т. I, с. 386—427].

Все без исключения французские авторы при рассмотрении круга вопросов, связанных с земельными правами подданных Камбоджи, никак не дифференцировали последних (независимо от того, считали ли они их земельными собственниками или нет), идя в этом отношении вслед за Сводом законов. Некоторые французские ученые XX в. считали возможным говорить о распространении земельного права также и на категории зависимых, ссылаясь на отсутствие в текстах определенно выраженных соответствующих ограничений и на содержащееся в некоторых статьях о зависимых разрешение на обладание ими разного рода имуществом. Задача исследователя заключается в том, чтобы выявить разное реальное наполнение номинально одинакового земельного права у различных категорий подданных и на этом основании решать вопрос о возможности причисления или непричисления той или иной их категории к действительным собственникам земли.

В-четвертых, следует констатировать ряд «белых пятен» в освещении Сводом законов Камбоджи комплекса вопросов, относящихся к земельной собственности. Тот факт, что статьи законов не касаются некоторых черт аграрного строя или говорят о них весьма неясно, с не-

домолвками, может вызвать тем большее недоумение, что другие черты земельного распорядка, в особенности положения, связанные с занятием и оставлением земель, излагаются с большим числом подробностей, разъяснений, повторов. Подобные недоумения рассеются, если мы подойдем к камбоджийскому Своду законов не как к полному и исчерпывающему правовому кодексу, а как к некоему писаному праву, назначение которого состояло в том, чтобы формально подтвердить, раскрыть или дополнить положения обычного права, не имевшего письменного оформления. Факт наличия в Камбодже обычного права, регламентирующего вопросы земельных отношений наряду с писаным, признавали некоторые французские исследователи XX в., например, Р. Моризон [252, с. 30]. Нормы обычного права могут быть реконструированы, исходя из живой практики аграрной действительности, отраженной в нарративных источниках, в ряде звеньев существенно дополняющих законодательные тексты.

Сделанные замечания не умаляют исключительной ценности Свода законов как важнейшего кхмерского правового источника по многим вопросам, раскрывающим характер и своеобразие земельной собственности в Камбодже середины XIX в.

Другая категория правовых источников — тексты французско-камбоджийских договоров первых десятилетий протектората,— напротив, имеет минимальную ценность для исследователя кхмерских аграрных отношений. В Договоре от 11 августа 1863 г. [95, т. II, с. 625] вопросы земельной собственности не поднимаются. Одна из статей Договора, правда, предоставляла французам право обладать собственностью на территории Камбоджи. Комментируя ее, первый резидент протектората Франции Д. де Лягре, писал, что статья «оставляет открытое поле для толкования», которое он стремился представить как право французов владеть земельной собственностью вопреки праву короля на земли Камбоджи, понимаемому как право его исключительной собственности на землю [100, с. 162]. Оставшись за рамками этого Договора, последнее положение было сформулировано в статье 9-й Конвенции от 17 июня 1884 г.: «Земли королевства, до настоящего времени представлявшие исключительную собственность короны, перестают быть

неотчуждаемыми. Французские и камбоджийские власти приступят к установлению собственности в Камбодже» [95, т. II, с. 671].

Данная статья дает полностью искаженную картину кхмерских аграрных отношений, в ней все неверно: и то, что все земли представляли исключительную собственность монархии, и то, что собственность подданных лишь предстояло создать — т. е. признание того, что раньше их собственности вовсе не было. Такая официальная оценка призвана была обосновать вмешательство властей протектората в режим кхмерской земельной собственности с целью его «улучшения» путем реформ, «которые правительство Французской Республики сочтет полезным ввести в будущем» [95, т. II, с. 671]. Тексты последующих французско-камбоджийских соглашений, например от 1887 г. о частичном отчуждении земель в Камбодже и от 1890 г. относительно изменений в порядке взимания налогов, не отошли от подобной точки зрения на систему аграрных отношений в дофранцузской Камбодже. Вследствие этого вся данная группа актов как источник имеет скорее отрицательное значение и представляет, в основном, историографический интерес.

Нарративные источники

Первыми писавшими о Камбодже европейцами были португальцы и испанцы (XVI—XVII вв.), затем голландцы (XVIII в.). После этого вплоть до середины XIX в. страну кхмеров посещали лишь католические миссионеры. Один из них, француз Биссашер, издал в начале XIX в. книгу о положении в ряде стран Юго-Восточной Азии [30], в которой о Камбодже почти ничего не сообщалось. В работе португальца Калдейра (о его путешествии в Китай), опубликованной в Лиссабоне в 1852 г., содержалась констатация того факта, что в Европе середины XIX в. «о Камбодже было известно очень мало» [цит. по: 83, с. 361].

В такой ситуации несколько французов и англичан совершают в 50-е годы XIX в. новое «открытие» Камбоджи (и памятников Ангкора) для Европы.

Нарративные источники по земельным отношениям в

Камбодже середины XIX в. делятся на две категории. К первой относятся работы побывавших на кхмерской земле в 50—70-е годы XIX в. французских и отчасти английских авторов — миссионеров, дипломатов, путешественников, военных, участников специальных исследовательских экспедиций (чаще всего военно-географического или археологического характера). Их сообщения, отчеты и другого рода публикации отличает начальный уровень знакомства со страной вообще и с аграрной тематикой в частности. Содержащиеся в них сведения часто носят слишком общий, неясный, или отрывочный характер, и их точность должна быть удостоверена поздними источниками.

Вторую категорию составляют работы, публиковавшиеся преимущественно в 80—90-е годы XIX в., как правило, должностными лицами протектората на основе их более длительного пребывания в Камбодже или более тщательного изучения кхмерской действительности. Эти труды отмечены пристальным интересом к аграрным отношениям и содержат немало конкретных данных по связанным с ними вопросам.

Мы рассматриваем работы второй половины XIX в. как источник по интересующему нас периоду времени, ибо земельные порядки в начальный период протектората в принципе оставались такими же, как в канун его установления. Начинания французской администрации в первые два десятилетия протектората (как, например, попытки видоизменить систему налогообложения земледельцев), нашедшие отражение в январских указах 1876 г., остались «мертвой буквой» [95, т. II, с. 667]. Кардинальные изменения в аграрной и иных сферах внутренней жизни страны, предусматриваемые франц-ско-камбоджийской конвенцией от 17 июня 1884 г., были полностью заторможены восстанием 1885—1887 гг. и затем, в течение еще некоторого времени, оставались почти безрезультатными вследствие устойчивости системы кхмерской земельной собственности.

Рассмотрим наиболее типичные и значимые для изучаемой темы источники обеих групп. Наиболее объемное первоначальное представление о Камбодже середины XIX в. дают работы двух ее «первооткрывателей» — миссионера Ш. Буйво, прибывшего сюда в 1850 г., и естествоиспытателя А. Муо, посетившего страну в 1859—

1861 гг. Данные, которые Ш. Буйво приводит в первом издании своей книги [33] и несколько подробнее — во втором [34], весьма элементарны с точки зрения изображения им природных условий, сельского хозяйства, социальной жизни Камбоджи. Прямой интерес представляют для нас сведения о культурах, выращиваемых камбоджийцами [33, с. 196—198], и особенно о регламентации, относящейся к занятию земель, оставленных прежними землевладельцами [34, с. 100].

В журнальной публикации [85] и в отдельном издании работы А. Муо [86] даются беглые зарисовки увиденных им живых картин кхмерской действительности, проливающие свет на такие факты, как, например, переход в личную зависимость («рабство», как пишет А. Муо) вследствие неуплаты долга [86, с. 139].

Однако отрицательные стороны работ обоих авторов, пожалуй, превосходят положительную ценность содержащейся в них конкретной информации. Ш. Буйво изобразил Камбоджу как «дикую страну» и утверждал, будто кхмерский крестьянин трудится лишь столько, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду [33, с. 199]. А. Муо называл Камбоджу «несчастной страной» [85, с. 268] и явно перехлестнул через край, описывая угнетение земледельцев «мандаринами, губернаторами, министрами, принцами, королями» [86, с. 176]. Эти негативные оценки положения крестьянства и всего камбоджийского общественного строя в целом в разных вариациях были повторены последующими французскими авторами, так или иначе сказываясь на их подходе к вопросам земельной собственности.

Первый пример подобного искажения фактической картины дал Ш. Буйво, писавший, что Камбоджа является «страной, павшей так низко, что земельная собственность не имеет здесь сколько-нибудь значительной ценности» [34, с. 100].

Некоторые черты камбоджийской действительности самой середины XIX в. нашли отражение в кореспонденции французских миссионеров, доступной нам в публикациях более позднего времени [83, с. 354—355, 374—375; 95, т. I, с. 389]. В одном из писем миссионера Мишá (от 1856 г.) ростовщичество и долговая кабала («рабство») в Камбодже упоминаются в контексте его общего отрицательного отношения к кхмерскому народу,

об «апатии» и даже «вырождении» которого он берется судить [83, с. 374].

В опубликованных позднее материалах о миссии французского дипломата Монтиньи, попытка которого заключить в 1856 г. договор между Францией и Камбоджей оказалась безуспешной, весьма поверхностное описание ситуации в стране также отличается общим негативным фоном восприятия автором кхмерской действительности [83, с. 353—478; 45, с. 679—697; 95, т. I, с. 387—389].

Некие элементарные сведения о Камбодже, ее населении, сельскохозяйственных культурах и т. д. содержатся в одной из глав труда о Таиланде английского историка Дж. Боуринга [39, т. II, с. 22, 43]. Сам автор в Камбодже не был, но в его распоряжении имелась публикация о трехмесячном пребывании в стране одного английского офицера в 1854 г., почти полностью воспроизведенная Дж. Боурингом [39, т. II, с. 26—42].

Ориентированные более всего на сообщения об ангкорских памятниках, статьи английских исследователей Д. Кинга [63] и Дж. Форреста [41], Г. Кеннеди и Томсона [62] (первые два посетили Камбоджу в 1857 г., а вторые — в 1866 г.), а также один из томов труда немецкого ученого А. Бастиана о его изысканиях в Юго-Восточной Азии [29], побывавшего в Камбодже в 1864 г., содержат отрывочные данные о положении в стране и заслуживают упоминания лишь как нефранцузские источники по Камбодже середины XIX в.

Записи капитана Д. де Лягре, сделанные им во время службы в Камбодже (1863—1866 гг.) на посту первого резидента протектората Франции, опубликованные А. Вийемереем [100], представляют значительную ценность непосредственно для изучаемой темы. Он приводит конкретные данные о «свободном» и находящемся в личной зависимости («рабстве») земледельческом населении, о налоговой системе, распределении взимаемой продукции, трудовой повинности и т. д. [100, с. 160—169]. Но факты освещаются им с тенденциозных позиций рассмотрения Камбоджи как страны, у которой «не осталось шансов возродиться собственными силами», и где «мандарины» сверх всякой меры угнетают «несчастный эксплуатируемый народ» [100, с. 141].

В 1866—1868 гг. возглавленная Д. де Лягре фран-

цузская экспедиция занималась исследованием Индокитая. Публикации об экспедиции принадлежат ее наиболее деятельному участнику Ф. Гарнье, написавшему о ней самостоятельно [54; 55], а затем выпустившему в свет двухтомное собрание материалов всех участников экспедиции [56]. Записи самого Ф. Гарнье были затем переизданы и прокомментированы его братом Л. Гарнье [57]. Экспедиционная деятельность де Лягре была описана также в издании А. Вийемерея [100]. Особый интерес к аграрному и другим аспектам камбоджийской действительности проявил Ф. Гарнье. Подметив ряд ее характерных черт, он преподносит их в крайне тенденциозном плане. Так, Ф. Гарнье делает верные наблюдения по поводу соотношения обрабатываемых и покинутых земель в Камбодже, но высказывается в том духе, что большое число оставленных рисовых полей является следствием «нерадения и беспечности» кхмерских земледельцев. Обрушиваясь затем на «систему управления», которая делает Камбоджу «несчастной страной», «убивает всякую инициативу» крестьян и т. д., Ф. Гарнье ратует за вмешательство французских властей во внутренние дела страны [55, с. 38; 57, с. 70]. Весьма полезен для понимания цикла рисоводческих работ на разных категориях земель очерк, написанный другим участником экспедиции, Торелем [56, т. II, с. 352—407]. В изданных отдельно публикациях по материалам еще одного члена экспедиции Л. Карне [42; 43] содержатся интересные сведения о разных категориях лично зависимых («рабов»), о несении трудовой повинности и т. п.

Одним из примеров описания путешествия по Камбодже после установления протектората могут служить записки побывавшего в стране в 1871 г. Б. Корбиньи [44], зарисовки которого содержат лишь отдельные штрихи кхмерской жизни.

Выделяя из трудов участников археологических и других исследовательских миссий работы Л. Деляпорта [48] и Ж. Харманда [58] об ангкорских памятниках и многотомное издание А. Пави [91; 92] об истории, этнографии, литературе Камбоджи, Лаоса, Таиланда, следует отметить, что их авторы ограничиваются редкими замечаниями о современном им положении в стране [см. например, 48, с. 7—8].

Из работ военных упомянем относящиеся к началу

80-х годов записи П. Бранда (адмирала Ревейера), отличающиеся крайне негативным отношением к «абсурдным» камбоджийским социальным институтам, якобы «запрещающим» «персональную территориальную собственность» [40, с. 9].

Несмотря на слишком общий описательный или фрагментарный характер и тенденциозность источников данной категории, содержащиеся в них сведения имеют для исследования кхмерских аграрных отношений немаловажное значение. Для ранних из этих источников оно определяется не столько абсолютной, сколько соотносительной ценностью их содержания, раскрывающегося путем сопоставления с более достоверными поздними источниками (по некоторым замечаниям, сделанным первыми европейскими наблюдателями, мы можем судить о том, имели ли тогда место явления, описанные позже точно и детально).

Труды двух французских авторов, опубликованные в 70-х годах, отличаются такой глубиной наблюдений и систематизацией материала по Камбодже середины XIX в., что мы относим их ко второй категории нарративных источников. В работе Г. Жанно [60], одного из первых французских исследователей языка и страны кхмеров, приведены очень интересные данные о процедуре сбора налогов с сельскохозяйственных культур, о мобилизациях на трудовую повинность, об утрате фактического права на оставленные земли, о ряде категорий зависимых и т. д. Однако Г. Жанно явно преувеличил отрицательные стороны камбоджийской действительности, подчеркнув «безграничный неконтролируемый грабеж чиновников» и т. п. [60, с. 407].

Ранние работы крупнейшего исследователя Камбоджи Э. Эмонье [26; 27], написанные в ходе его первоначального изучения страны, характеризуются сдержанностью в оценке кхмерской системы управления. Данные Э. Эмонье о сановно-бюрократической иерархии и о функционировании различных кромов (служб) центрального чиновничьего аппарата освещают государственный характер эксплуатации «свободного» крестьянства в Камбодже. Эта эксплуатация предстает со страниц его трудов не как произвольный грабеж власть имущих, а как совокупный результат детально описанных им норм налогообложения и методов неофициальных

взиманий, воспроизведенных Э. Эмонье более точно, чем у большинства последующих авторов.

Публикации А. Буинэ (морского офицера) и А. Полю (преподавателя) о Камбодже [36] и их книги об Индокитае [37; 38] отличаются значительным охватом различных сторон кхмерской жизни, но меньшей, чем у Э. Эмонье, детализацией при рассмотрении интересующих нас вопросов (различных категорий населения, фискальной системы, земельных порядков и т. д.). Эта характеристика относится также к труду Ж. Лянессана [65], посетившего Камбоджу в конце 80-х годов (с 1891 по 1894 г. он был генерал-губернатором Индокитая). Указанные авторы негативно воспринимали многие аспекты социального строя в Камбодже до установления протектората Франции. Их отрицательное отношение к земельному режиму камбоджийцев заметно повлияло на описание ими фактов аграрных отношений в стране.

Труд Ж. Мура [87] (резидент в Камбодже с 1868 по 1879 г.), характеризующийся значительно менее выраженным негативным подходом, содержит большой фактический материал по самым различным сторонам кхмерской действительности: государственно-административным порядкам, чиновничьей иерархии, статусу разных слоев населения и т. д. Особенно ценными являются для нас приведенные им сведения относительно категорий лично зависимых, эксплуатируемых на землях привилегированных лиц. Однако как в этом, так и в ряде других случаев Ж. Мура свойственна несколько общая манера описания фактов, их конкретизация часто возможна лишь путем сопоставления с данными других авторов, чья информация в той или иной мере также нуждается в уточнении (и конечно, проверке) посредством сравнительного анализа.

В минимальной степени подобный упрек может быть адресован А. Леклеру и Э. Эмонье. А. Леклер (проведший немало лет на скромной должности резидента Франции в городе Кампоте) в своих трудах [68; 72], явно выходящих за рамки их тематики исследования частного и публичного права в Камбодже, нарисовал буквально всеохватывающую и наиболее детализированную картину общественного строя и земельной регламентации в стране. Им описаны звенья центрального и местного аппарата управления на всех уровнях иерархии,

фискальная система во всех ее ответвлениях и практика дополнительных взиманий, производимых сверх установленных налогов. Он подробно останавливается на юридическом и фактическом положении различных категорий земледельцев, как «свободных», так и зависимых, показывая формы эксплуатации тех и других. Приведенные им сведения отличаются точностью и обстоятельностью. Негативные реакции на кхмерские установления ему не присущи, земельный режим (в частности, обусловленность права на землю обязательной ее обработкой) представляется ему весьма целесообразным. Все это делает труды А. Леклера самыми ценными из нарративных источников. Однако факты упорядочены и интерпретированы им таким образом, что истинная картина дифференцированного положения в системе аграрных отношений лиц, обладавших правами на частные земли, воспроизводится на базе изучения этих трудов А. Леклера лишь в результате полной перекомпоновки его материала и сопоставительного анализа с данными других авторов.

Интересующая нас тематика представлена также в фундаментальном произведении о Камбодже Э. Эмонье [28]. Поскольку приведенные им сведения относятся к кхмерской действительности середины XIX в., что подчеркивает сам автор, более концентрированно изложивший в этом труде, подготовленном в конце XIX в., данные своих прежних работ, то мы относим этот материал Э. Эмонье к категории источников. Ценность его определяется тщательной выверенностью фактов прекрасным знатоком Камбоджи, сумевшим их экономно сгруппировать. Однако обобщения Э. Эмонье не всегда правомерны, и часто затруднительно уяснить, какое именно конкретное содержание они заключают, не зная детализации, данной им в ранних работах и имеющейся у других авторов.

Таким образом, для источников второй категории характерно уменьшение негативного отношения их авторов к общественным институтам в Камбодже, систематическое изложение материала и насыщенность фактическими данными по всему комплексу вопросов, относящихся к кхмерским аграрным отношениям в середине XIX в.

В целом, нарративные французские источники весь-

ма удачно сочетаются с камбоджийскими правовыми, взаимно дополняя друг друга во всех кардинальных пунктах исследования проблем кхмерской земельной собственности.

Переходя к историографическому анализу, следует отметить, что мы будем вновь обращаться ко многим из уже рассмотренных трудов, ибо граница между источником и литературой часто проходит внутри одной и той же работы и определяется выходом автора за рамки фактических сообщений — в область теоретических построений, интерпретации им характера собственности на землю.

Анализ литературы по проблеме земельной собственности

Выдвижение трех типов концепций французскими авторами второй половины XIX в.

Критический разбор историографии камбоджийской земельной собственности, равно как и дальнейшее исследование ее реального содержания и форм, строится на базе теоретического осмысления трудов советских ученых о собственности — как историков, так и специалистов по политэкономии и правоведению [см. список использованной литературы: 101—193]. Обзор этих трудов не входит в задачу настоящей работы, тем не менее в ее вводной и заключительной частях мы высказываем определенные соображения по самым кардинальным вопросам, по которым данная работа соотносится с трудами, созданными на материалах ряда других стран и регионов.

Разработка проблематики кхмерской земельной собственности, осуществляемая (почти исключительно) французской востоковедной историографией начиная с 60-х годов XIX в., представляет собой довольно пеструю картину точек зрения многочисленных исследователей. Формирование у французских авторов различных, даже противоположных, концепций собственности на землю в Камбодже середины XIX в. объясняется рядом факторов. Первым из них было то, что они находились в русле противоборствующих тенденций по вопросу вме-

шательства протектората Франции в кхмерскую аграрную сферу — от лобовой атаки, без учета исторически сложившихся местных земельных порядков, до все более осторожной, предусматривающей такой учет, постепенной их перестройки. Оставаясь в течение ряда десятилетий почти безуспешными, попытки их изменения наталкивались на удивительную устойчивость камбоджийской системы собственности на землю, становившейся вследствие этого объектом более тщательного изучения и продолжавшейся около столетия полемики французов (оправдывающих или критикующих аграрную политику протектората, исходя из оценки формы собственности, накануне его установления).

Другим фактором являлось то, что в качестве предмета исследования французские ученые имели перед собой весьма своеобразный земельный режим, правовые формулы которого далеко отстояли от его истинной картины. Находясь на различных ступенях ознакомления с кхмерской аграрной действительностью и ее юридическим оформлением, они придавали определяющее значение то одним, то другим последовательно открывающимся их взору сторонам реальных отношений и прав, причем доминирующую роль в выборе ими предпочтительного материала для анализа и аргументации концепций часто могли играть мотивы, продиктованные указанным выше фактором политической ориентации.

Третий очень существенный фактор состоял в том, что французские исследователи основной критерий земельной собственности видели в праве имущественного распоряжения землей (явно тяготея к неограниченному характеру последнего по примеру норм европейского буржуазного права), то учитывая, то не учитывая при трактовке собственности уплату налога земледельцами. Принимая во внимание второй фактор, такой критерий мог быть для них отправным моментом при создании противоположных концепций, ибо составляющие основной обрабатываемый фонд земли, занятые подданными на основе норм частного права, были объектом имущественного распоряжения как сдатя (государя), так и самих подданных, и в разных случаях, когда авторское предпочтение по тем или иным причинам отдавалось правам одной из сторон за счет умаления другой, получался различный итог.

Главным камнем преткновения для многочисленных исследователей кхмерской земельной собственности было именно наличие двух сфер права — монарха и подданных — зафиксированных по отношению к указанным землям на верховном и низовом уровнях. При этом большинство авторов вообще не выделяло земли, которые мы квалифицируем как частновладельческие (см. гл. II), из всей массы обрабатываемых (а часто и необрабатываемых) земель страны, и в их анализе системы собственности на землю в Камбодже поэтому имело место фактическое отождествление отношения государя к фонду частных земельных владений с его отношением ко всем землям в целом (в качестве домениальных обычно выделяли только тьамкары — береговые земли Меконга). Лишь А. Леклер и Э. Эмонье, отметив наличие в Камбодже других видов домениальных земель, а также «полей должностей» и земель пагод, отделили от них частные земли.

Решение вопроса о кхмерской земельной собственности шло во французской востоковедной историографии по трем основным линиям, в соответствии с чем можно выделить три типа концепций относительно системы собственности на землю в Камбодже середины XIX в. Большинство авторов придерживалось концепций первого типа. Они защищали тезис о собственности сдатя на землю за счет непризнания или умаления земельных прав подданных. Сторонники концепций второго типа, напротив, утверждали факт существования собственности подданных на землю и отрицали право собственности короля на занятые и обрабатываемые ими земли. Создатели концепций третьего типа исходили из разделенной собственности на основе признания того или иного соотношения прав на землю государя и подданных Камбоджи.

Французские авторы второй половины XIX в. в основном выступали с концепциями первого типа:

«Собственность — исключительная — на все земли государства принадлежит действительно монарху, личность может обладать землей лишь временно...» — писал Дудар де Лягре [100, с. 162].

«Земля обычно рассматривается как неотчуждаемая часть королевского владения, которую жители держат лишь в качестве арендаторов»,— говорится в материа-

лах о Камбодже участников экспедиции 1866—1868 гг., опубликованных Ф. Гарнье [56, т. II, с. 388].

«Земля принадлежит королю»,— отметил Ш. Буйво во втором издании своей книги [34, с. 100].

«Король является... единственным собственником королевства»,— писал в ранней работе Э. Эмонье [26, с. 21] (впоследствии изменивший этот тезис).

Персонифицируя камбоджийское государство в монархе, «абсолютным собственником земли» провозглашал его Ж. Мура: «Это он является исключительным обладателем земли... предоставляющим ее частным лицам на условиях, которые он пожелает потребовать» [87, т. I, с. 221].

Положение о государе как об «единственном собственнике» страны и об отсутствии «индивидуальной собственности» в Камбодже фигурирует в работах А. Буинэ и А. Полю [36, с. 528].

«Действительно, король является единственным собственником всех земель своего королевства; никто не может сказать, что король не заберет у него завтра его поле и его дом»,— утверждал П. Бранда (Ревейер) [40, с. 9].

О монархе как «собственнике всей земли» и о подданных как «держателях наделов обрабатываемой земли» высказался Ж. Лянессан [65, с. 241].

Следует констатировать тождественность или близость таких взглядов официальной точке зрения по данному вопросу об «исключительной собственности короны на земли в Камбодже», зафиксированной в статье 9-й франко-камбоджийской Конвенции от 17 июня 1884 г. [95, т. II, с. 671]. В своих трудах упоминаемые выше авторы предвосхищали, разрабатывали и защищали доктрину колониальных кругов, рассчитанную на вмешательство в систему кхмерской земельной собственности, юридическую основу которого могла составить передача в руки властей протектората права собственности на земли страны, принадлежавшего раньше якобы только монарху.

Вместе с тем тезис этих авторов об исключительно королевской земельной собственности в Камбодже закономерно вытекал из их критериев собственности и уровня изученности ими кхмерского аграрного строя. Каждый из них, будучи до некоторой степени знаком с рас-

пространенным в Камбодже представлением о правах сдатя на землю и с его полномочиями жаловать, предоставлять своим подданным земли и иногда отбирать предоставленные земли, рассматривал их как признаки его земельной собственности. В сочетании с другим, также отмечаемым ими фактором,— в принципе существующим налогообложением земледельцев в пользу королевской казны — этих признаков с их точки зрения было достаточно для того, чтобы квалифицировать короля как «абсолютного», «единственного» или «исключительного» собственника всех земель страны, а подданных как временных арендаторов, держателей, пользователей земли.

При этом упомянутые авторы, во-первых, не видели качественно иного отношения монарха ко всей земле в целом и к отдельным ее категориям, выделяя только тьамкары и вовсе не замечая ни остальных видов домениальных земель, ни должностных наделов, ни земель пагод. Во-вторых, они проходили мимо индивидуальных прав на имущественное распоряжение обрабатываемыми частными землями, которыми обладали подданные, несмотря на королевские прерогативы. Эти частные владельческие права не были ими раскрыты либо потому, что в то время были еще недостаточно известны французам, либо вследствие того, что у них складывалось искаженное представление об их сущности, так как они фиксировали свое внимание больше на утрате права земельного владения посредством прекращения обработки земли (см. гл. II). В-третьих, указанные авторы совершенно не учитывали то обстоятельство, что сдать реально выступал в разных качествах по отношению к одному виду частных земель, определенные доходы с которых поступали ему в форме налогов, и к другому виду этих земель, с которых он никаких доходов не получал, ввиду существования у их частных владельцев соответствующих иммунитетов, хотя сам факт их наличия был уже известен французам. В-четвертых, в своей оценке монарха как «единственного» земельного собственника они не принимали во внимание принятой в Камбодже системы отчисления долей налогов его близким родственникам, духовенству и многочисленным чиновникам, вследствие чего сдатю поступала только часть налоговой продукции облагаемых част-

ных владельцев земель, хотя сама эта система была отражена уже во французских работах 70—80-х годов. В-пятых, тезис о кхмерском короле как об «исключительном» земельном собственнике игнорировал тот известный этим авторам факт, что, помимо налогов, с земель непривилегированных частных землевладельцев взимались дополнительные поборы носителями административной власти в результате полуофициальных и «незаконных» актов как в процессе налогообложения, так и в ходе привлечения к ежегодной государственной трудовой повинности (см. гл. III).

Возникновение в последнем десятилетии XIX в. концепций второго и третьего типов было вызвано, в частности, необходимостью учета своеобразия кхмерских земельных порядков и выработки более осмотрительных методов их перестройки.

Зачинатели концепций этих типов — А. Леклер и Э. Эмонье — были крупными знатоками Камбоджи и располагали несравненно большим, чем их предшественники, материалом по аграрным отношениям. Они предложили совершенно различные тезисы по вопросу о королевской земельной собственности, но были едины в оценке частных земель как индивидуальной собственности подданных.

А. Леклеру, первому из французских исследователей, открылась широта владельческих прав камбоджийских подданных на возделываемые ими в соответствии с нормами частного права земли. Для него это явилось одним из факторов, на основании которых он отказывал монарху в праве собственности на данные земли, видя их собственников единственно в подданных. Для объяснения же имущественных прав сдатя на землю и его доходов с нее этот автор объявил собственником земель страны кхмерскую «нацию» в целом, а государя — распоряжающимся и пользующимся землей как «узуфруктом» [68, с. 256; 72, с. 32], т. е. не принадлежащим ему земельным имуществом. Представляется, что обращение А. Леклера к понятию «узуфрукт» (обладатель которого извлекает из него пользу, не будучи его собственником) понадобилось ему прежде всего для преодоления и объяснения не укладывающегося иначе в его концепцию факта получения сдатем дохода от земли, не являвшейся объектом его собственности.

Такой подход к данной проблеме, с нашей точки зрения, является совершенно неправомерным, ибо отстраняет монарха от всякой причастности к собственности на землю в Камбодже и затушевывает классовый характер этой собственности, необоснованно распространяя право на нее на всю «нацию».

Другой фактор, исходя из которого А. Леклер отвергал собственность государя на землю, заключался в особенностях камбоджийской системы престолонаследия, согласно которой корона переходила отнюдь не к прямому наследнику сдатя, а к тому из его родственников (не далее, чем по пятую степень родства с ним), который становился избранником специально созываемого совета сановников и священнослужителей [68, с. 256; 72, с. 19—20].

В подобной точке зрения проявилась оценка А. Леклером собственности как такой категории, которая всегда должна обладать всеми признаками собственности буржуазного типа, что не может быть применимо к феодальной земельной собственности.

Положение о наличии в Камбодже частной или индивидуальной земельной собственности А. Леклер аргументирует объемом прав лиц, обеспечивающих регулярную обработку занимаемой земли, на владение ею и совершение таких операций, как передача земли по наследству и завещанию, предоставление ее в дар, купля-продажа, сдача в аренду, отдача в залог [68, с. 275—287]. При этом он утверждал, что уплата налога является такой же обязанностью кхмерского собственника как обязательное для него возделывание земли и «ничем больше», что эта «простая обязанность» перед государством «не разрушает» земельную собственность тех, кто ею обладает [68, с. 263].

Данная характеристика налога в Камбодже вызывает у нас самые серьезные возражения, ибо у подлежащей налогообложению категории частных владельцев земли изымали большую часть произведенного ими прибавочного продукта, что исключает возможность их квалификации как собственников в экономическом смысле этого слова. В то же время другая категория частных владельцев действительно представляла собой собственников в указанном смысле, вследствие обладания налоговыми иммунитетами и контингентами зависимых ра-

ботников или арендаторов, чьим трудом обрабатывались эти земли.

В самом конце XIX в. Э. Эмонье, обобщив итоги своих прежних работ и последующего изучения Камбоджи, выступил с новым осмыслением системы кхмерской земельной собственности. Он представил собственность монарха Камбоджи на землю лишенной того исключительного характера, который приписывало ей большинство французских авторов, и определил ее как верховную, существующую наряду с индивидуальной собственностью подданных на занятые и возделываемые ими земли.

Одновременное наличие земельной собственности кхмерского государя и его подданных Э. Эмонье формулировал в их неразрывном единстве: «Согласно древним установлениям государства монарх Камбоджи — владыка земли, воды, имущества и жизни — является, очевидно, верховным собственником всей страны. Таким же образом обстоит дело в большинстве абсолютных монархий Азии, где не различают то, что мы называем разными терминами: верховная власть и право собственности. В действительности же, нигде, ни в какой стране, король не мог самолично вещественно обладать землей своего государства; и он получал, следовательно, пользу, которую его подданные приносили ему как доход с земли, предоставляя ему его часть в виде налогов; следовательно, его подданные владели землей и распоряжались ею по своему усмотрению при условии права монарха или верховного собственника» [28, т. I, с. 80—81].

Аргументация Э. Эмонье, исходящая из правовых установлений кхмерского государства, представляется нам совершенно обоснованной в плане выявления двух уровней юридической собственности на землю. Однако в построениях этого автора правовой аспект собственности явно смешивается с ее сущностной оценкой посредством введения в его концепцию понятия о налоге как доказательстве и проявлении верховной земельной собственности государя. Ограничившись лишь общей констатацией факта принципиального получения камбоджийским королем его части доходов в виде налоговых поступлений, Э. Эмонье не дифференцировал качественно различное фактическое отношение сдатя к тем част-

ным землям, доходы с которых он получал, и к другим частным землям, все поступления с которых шли их «индивидуальным собственникам», не вскрыл и принципиально отличное положение разных категорий частных владельцев данных земель. Кроме того, Э. Эмонье не включил в свою характеристику системы земельной собственности положения о наличии в Камбодже других, помимо монарха, получателей доходов с земель, частные владельцы которых подлежали обложению как вследствие отчислений из формально причитающихся сдатю налогов, так и в результате дополнительных «незаконных» изъятий продукта чиновниками фискального аппарата и лицами, ответственными за сборы на трудовую повинность. Не обладая такой методологией, которая предусматривала бы включение всех этих элементов в рамки его концепции (хотя многие соответствующие сведения разбросаны по его работам, очевидно, вне связи с нею), Э. Эмонье в действительную сущность кхмерской собственности на частновладельческие земли проникнуть не смог.

Разработка трех типов концепций во французской историографии XX в.

В XX в. ученые французской востоковедной школы продолжали разрабатывать проблемы земельной собственности в Камбодже по тем же трем основным направлениям. Несколько продолжателей концепций первого типа — П. Дельхумо, А. Руссо, А. Сильвестр — представили в качестве собственника всех земель страны кхмерского монарха, по отношению к которому его подданные квалифицировались как арендаторы земли: «...Земля принадлежала королю. Индивидуальной собственности не существует... Каждый земледелец является лишь арендатором, и налог, который он уплачивает за свои земли, превращается в настоящую арендную плату» [218, с. 58]. «Монарх рассматривался как собственник страны, и его подданные держали свои земли лишь в силу некоего рода договора об аренде... Индивидуальной собственности не существует» [259, с. 83]. «Король, собственник земли, рассматривал своих подданных как съемщиков и как с таковых требовал с них арендную плату» [262].

Положение о всеобъемлющем распространении аренды в плане отношений между сдатем и подданными не соответствует реальному положению вещей в Камбодже, где аренда имела место только на одной из категорий домениальных земель (тьамкарах). Сведение же к арендной форме земельных отношений между королем и всеми подданными равнозначно концепции об исключительной земельной собственности сдатя, в адрес которой нами уже высказаны определенные критические замечания.

Объектом соответствующей критики должен быть также А. Брюэль, последний во французской историографии защитник тезисов о кхмерском государе как об «единственном обладателе исключительного права собственности на землю» и его подданных как «простых пользователях земель, занимаемых из поколения в поколение» [208, с. 44]. Отвергая наличие индивидуальной земельной собственности, А. Брюэль акцентирует внимание на утрате прав на земельный участок в случае его оставления: «Право собственности, которое угасает вследствие невладения, не есть право собственности в настоящем смысле слова, это право занятия» [208, с. 44]. Эта формула, игнорирующая все владельческие права подданных на их частные земли на основании одного только признака — потери земельного права в случае прекращения обработки земли, является иллюстрацией подхода к изучаемой собственности с позиций европейского буржуазного права.

В труде И. Анри [233] освещение вопросов кхмерской земельной собственности получило иную, чем у прежних защитников концепций первого типа, интерпретацию. Тезис о королевской собственности на землю провозглашался этим автором в чисто правовом аспекте и был лишен исключительного характера, который приписывали ей его предшественники, а земельные права подданных он, в отличие от них, квалифицировал как владельческие, приближающиеся к собственническим: «В соответствии со старинным кхмерским правом вся земля королевства принадлежала королю. Здесь не было индивидуальной собственности в строгом смысле слова, но по обыкновению установилось „владение длительное, всем (в округе.— *Л. С.*) известное и по совести", которое фактически приближалось к настоящей собственно-

сти. Владелец земли, действительно, имел право ее отчуждения и передачи. Это право было признано кодексом и обычаем, и лишь в случае его утраты осуществлялось королевское право отобрания земли» [233, с. 63].

К взглядам И. Анри очень близко понимание проблем кхмерской земельной собственности Ж. Дельвером, выраженное им в его капитальном исследовании о сельском хозяйстве и аграрных отношениях современной ему Камбоджи: «Согласно старинному камбоджийскому праву земля королевства принадлежит королю... тогда не было индивидуальной собственности как таковой: установилось по обычаю „владение длительное, всем (в округе.— *Л. С.*) известное и по совести", которое в действительности сводилось к собственности: крестьянин, владелец земли, действительно имел возможность отчуждать и передавать землю, приобретенные права передавались по наследству и по завещанию» [222, с. 489]. Концепция кхмерской земельной собственности первого типа, таким образом, приобретает у И. Анри и Ж. Дельвера смысл, почти противоположный тому содержанию, которое она имела у ее основоположников — Д. де Лягре и Ж. Мура, писавших об исключительной собственности на землю монарха и о полном отсутствии земельной собственности подданных.

Эти исследователи сделали крупный шаг вперед от всех их предшественников по данному типу концепций, ибо связывали королевскую собственность на землю в Камбодже с действительным существованием владельческих прав подданных. Однако эти авторы полностью перемещали акцент с фактического на юридический аспект собственности камбоджийской монархии на землю и не дифференцировали частных владельцев земель, одна из категорий которых эксплуатировалась в ходе налогообложения и сборов на отработки трудовой повинности, в то время как другая категория в действительности представляла собой наделенных иммунитетами собственников в экономическом смысле.

Последователи второго типа концепций в XX в.— А. Буддийон и Р. Моризон — утверждали факт собственности государя Камбоджи только на тьамкары и «леса», т. е. поросшие лесом или кустарником необрабатываемые пространства, сводя на нет его права на остальные земли страны, рассматриваемые ими как инди-

видуальная частная собственность подданных. А. Буддийон ошибочно полагал, что в текстах законов Камбоджи «не встречаются никакие из тех обычных выражений, так часто употребляемых в законах государей других стран, предметом которых является провозглашение абсолютной власти монархов на своих подданных и их имущество» [203, с. 108]. Он считал, что король обладал действительно осуществляемыми правами лишь на тьямкары, периодически сдаваемые в аренду в пользу казны, и лесные пространства, предоставляемые в пользование после внесения платы представителям королевской власти [203, с. 108]. «Все статьи законов,— отмечал А. Буддийон, имея в виду остальные земли,— которые касаются земельной собственности, составлены в выражениях, показывающих неоспоримое существование частной индивидуальной собственности» [203, с. 108].

Р. Моризон о правах монарха Камбоджи на землю высказывался в том же плане, что и А. Буддийон: «...Если по отношению к лесным пространствам и тьямкарам король вел себя как настоящий собственник, то в более общем смысле, и в особенности по отношению к рисовым полям, королевские права были очень ограничены и плохо определены» [252, с. 17]. Характер всех остальных земель Р. Моризон также оценивал одинаково с А. Буддийоном, утверждая, что «существование частной собственности не вызывает сомнений» [252, с. 18].

Такая постановка вопроса была беспочвенной. Во-первых, она противоречила камбоджийской официальной доктрине (что вынужден был отметить А. Буддийон) [203, с. 108]. Во-вторых, означала отказ рассматривать поступающие сдатю доходы в форме налога как признак его земельной собственности («единственно леса и тьямкары могли сдаваться в аренду в пользу королевской казны, для других обрабатываемых земель не было вопроса арендной платы, а только земельный налог») [252, с. 17] — это положение уже было подвергнуто критике при разборе взглядов А. Леклера. Ход рассуждений обоих авторов говорит о том, что они видели два вида земельной собственности в Камбодже: королевскую и индивидуальную. Более того, они подводили читателя к мысли, что короля, аналогично подданным, также можно рассматривать как частного собственника определенных категорий земель. Подобная точка зрения

полностью затушевывала истинную систему камбоджийской собственности на землю, сводя все разнообразие ее форм к одной, максимально приближенной к понятию частной собственности в буржуазном духе.

Переходя к ученым, защищавшим в XX в. концепции третьего типа о разделенной земельной собственности государя Камбоджи и его подданных, заметим, что ряд авторов поддержал положения Э. Эмонье о верховной королевской собственности на землю без всякого переосмысления (П. Дрейфус [223, с. 95], Ж. Леклерк [239, с. 40], Л. Гален [240, с. 223]), почти текстуально воспроизведя их в своих работах, а два других последователя тезисов Э. Эмонье (Н. Луи и Ш. Робекен) внесли в них определенные изменения.

Права камбоджийского монарха на землю Н. Луи рассматривал как его верховное право собственности и повторял рассуждение Э. Эмонье о том, что персонально король не мог вещественно владеть землей всей территории страны и его выгода состояла в получении дохода в форме налогов [242, с. 29]. Однако, рассматривая вопрос об индивидуальной земельной собственности подданных, этот автор, в отличие от Э. Эмонье, не считал собственническими их права на занимаемые ими частные земли, ссылаясь на утрату права в случае оставления и невозделывания земли. «Это не есть, следовательно, индивидуальная собственность, такая, как мы ее понимаем...» [242, с. 33]. В понимании Н. Луи кхмерская индивидуальная земельная собственность подданных являлась лишь «законным держанием» земель на основе «права занятия» [242, с. 34]. Эта оценка по существу лишает смысла применение термина «верховная» в отношении права собственности сдатя на землю и практически возвращает нас к концепции исключительной королевской земельной собственности со всеми ее недостатками.

Ш. Робекен защищал тезис о верховной земельной собственности кхмерского монарха, связывая ее не только с налогами, но и, в отличие от Э. Эмонье, еще и с трудовой повинностью. «Король... был верховным хозяином всей земли; его права были освящены налогами и трудовой повинностью...» [258, с. 111]. Ш. Робекен отходит от Э. Эмонье также в своей интерпретации прав подданных на земли, рассматриваемые им не как индиви-

дуальная собственность, а как «владение, являющееся фактическим эквивалентом собственности» [258, с. 112]. Эти модификации Ш. Робекена несколько улучшали концепцию Э. Эмонье, но никак не приближали ее к выяснению различных форм собственности на частновладельческие земли, последние по-прежнему оставались недифференцированными как в вопросе об отношении к ним сдатя, так и в вопросе об отношении к ним принципиально разных категорий их владельцев.

Р. Клейнпетер выступил с другой разновидностью концепции о сосуществовании в Камбодже двух видов земельной собственности — королевской и индивидуальной, отклоняя, в отличие от Э. Эмонье и его последователей, верховный характер собственности сдатя на землю. Аргументация Р. Клейнпетера базируется на анализе выдвинутых им факторов социологического порядка (природных, демографических, этнических, религиозных, психологических и т. п.), обусловивших характер кхмерской земельной собственности.

Р. Клейнпетер констатировал, что в Камбодже имели место «признание, регламентация и защита индивидуальных земельных прав» [237, с. 121], указывая на обязательность обработки земли как признак «неокончательного» характера этих прав [237, с. 43—44]. Р. Клейнпетер видел в этом своеобразие кхмерской индивидуальной земельной собственности. Объясняя данную особенность воздействием интерпретируемых им факторов, в частности демографического, Р. Клейнпетер писал: «Власть не освящала в пользу частных лиц право абсолютной собственности, а стремилась лишь содействовать полезному владению, эксплуатации земли» [237, с. 42]. В этом проявлялся взгляд Р. Клейнпетера на собственность как на инструмент извлечения пользы ее обладателем. Однако распространяя индивидуальную собственность одинаково на всех носителей прав на землю, этот автор, с нашей точки зрения, неправомерно смешивал тех реальных собственников, чья польза от их частных земель основывалась на применении чужого труда, с другой, эксплуатируемой через государственный аппарат, категорией, которая состояла из юридических собственников, фактически находящихся в положении непосредственных производителей. Так как обе указанные категории являлись частными владельцами

своих земель, то «неокончательный» (условный) характер присущ кхмерскому частному землевладению, а не собственности, как это значится у Р. Клейнпетера.

Обращаясь к другой выделяемой им черте — «свободному доступу любого индивида к земельной собственности» [237, с. 85], Р. Клейнпетер объяснял ее действием социальных факторов, выводимых им, в свою очередь, «преимущественно из религиозных факторов» [237, с. 71]. Буддийские идеи, считал Р. Клейнпетер, создали в Камбодже атмосферу «социального мира и эгалитаризма» [237, с. 85—86]. Хотя аграрное законодательство Камбоджи несло на себе печать некоторого эгалитаризма, но он был чисто номинальным и мог обеспечить «доступ к земельной собственности» только привилегированным лицам, тогда как «индивиды», подлежащие налогообложению и трудовой повинности, могли быть лишь эксплуатируемыми частными землевладельцами (см. гл. II).

Суммируя различные факторы, Р. Клейнпетер усматривает результат их комплексного воздействия в «неустойчивости» земельной собственности и в той роли, которую получила «идея полезного владения землей» [237, с. 117—118]. Отведя этой идее центральное место в обосновании частной земельной собственности камбоджийских подданных, Р. Клейнпетер оперирует понятием «социальной полезности» и для объяснения собственности на землю государя, представляющего, по его мнению, интересы всего общества в целом. Поскольку, рассуждает автор, идея о том, что каждая вещь должна кому-либо принадлежать, является «инстинктивной и логичной у человека, то все причины, которые вели в кхмерском королевстве к признанию за индивидом простого „полезного владения“ (здесь фигурирует именно термин „владение“, не „собственность“, очевидно, для усиления логики аргументации.— *Л. С.*), способствовали в то же время возведению короля в постоянного собственника как обрабатываемых, так и необрабатываемых земель» [237, с. 117].

Попытка Р. Клейнпетера объяснить наличие земельной собственности сдатя мотивами пользы всего кхмерского общества, как и вся его концепция «сосуществования двух противоположных видов собственности, королевской и индивидуальной», соответствующих двум

правам, «различным по содержанию и отвечающим разным потребностям» [237, с. 123], зиждется на его принципиально неверной идее о «социальной полезности как единственной солидной основе права собственности, единственно способной раскрыть ее содержание...» [237, с. 122]. Итак, схема Р. Клейнпетера дальше всех других уводит нас от истинной картины форм собственности и эксплуатации в Камбодже середины XIX в.

Рассмотренные типы концепций характеризует общая позиция всех их авторов, которые при решении проблем кхмерской собственности на частновладельческие или даже на все земли страны оперировали двумя исходными понятиями — король и подданные. Такая постановка вопроса уже заключала в себе ложную предпосылку о том, что разделение в плане отношений собственности на землю может проходить только по одной линии государь — подданные. Независимо от дальнейшей трактовки собственности, приводящей к выводам о том, что ее субъектом является либо только монарх (I-й тип концепций), либо его подданные, рассматриваемые недифференцированно (II-й тип концепций), или же совместно и тот и другие (III-й тип концепций), игнорировалось то непреложное обстоятельство, что в кхмерском обществе ни сдать не существовал сам по себе без социальных сил, на которые он опирался, ни подданные не являлись чем-то единым и целым, а были расчленены. Как покажет исследование камбоджийских аграрных отношений в настоящей работе, граница между собственниками земли и теми, кто не являлся ими, проходила не по линии король — подданные, а между государем и привилегированными общественными слоями, классовые интересы которых он выражал и защищал, и категориями подданных, эксплуатируемых в качестве класса непосредственных производителей. Не только исходная установка, но и ход дальнейшей интерпретации кхмерской земельной собственности французскими буржуазными авторами также изобилует проявлениями их неклассового подхода к аграрной проблематике, разобранными в процессе конкретного анализа их концепций.

Высказанные критические замечания вовсе не означают нашего общего негативного отношения к труду французской востоковедной школы по изучению кхмер-

ской земельной собственности. Результаты этого труда тем более ощутимы, что они достигнуты в рамках методических принципов буржуазных ученых. Полемика между сторонниками концепций различных типов явилась дополнительным плодотворным фактором, способствующим вовлечению в арсенал исследования все большего фактического и правового материала по камбоджийской аграрной тематике, поискам и нахождению все новых аспектов его рассмотрения. Наиболее значительный вклад в этих направлениях в XIX в. был сделан А. Леклером и Э. Эмонье, а в XX в.— Р. Моризоном и Р. Клейнпетером.

Глава II

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЗЕМЕЛЬ, ЗАНЯТЫХ ЛИЧНО СВОБОДНЫМИ ПОДДАННЫМИ

Рассмотрим правовое положение земель, занятых лично свободными подданными, с точки зрения норм камбоджийского земельного законодательства и практики их осуществления, т. е. юридическую собственность на данные земли и ее функционирование. Для статуса этих земель было характерно одновременное наличие прав государя и подданных.

Земельные прерогативы государя

Прерогативы монарха Камбоджи на землю наиболее ярко выражались во время актов коронаций. Соответствующие формулы, которые надлежало произносить при вступлении на трон, были зафиксированы в составленном около 20-х годов XVII в. крам прэах реатьеа прапдапхисек (законе о коронации, о посвящении в государи), очевидно, в качестве своего рода эталонов, не повторяемых в более поздних текстах Свода законов. Данный закон содержит две несколько отличные коронационные формулы.

В первой из них реатьеа-кру (первосвященник кхмерского индуистского духовенства) вручает посвященному в сан «прэах реать самбат (имущество монарха.— *Л. С.*): народ, воду, землю, леса всех областей государства» [81, т. I, с. 48]. Новый сдать провозглашает: «Вода, земля, леса и горы, которые есть в областях государства, не могут быть нами взяты. Я их оставляю монахам, всем людям народа, всем живым существам, с тем чтобы они нашли там средства для добродетельного существования» [81, т. I, с. 49]. Последние слова закон называет «священным государевым указом о разрешении» [81, т. I, с. 49].

Вторая формула относилась к процедуре отречения от престола отца в пользу его сына: «...Тогда монарх-отец отдает приказ реатьеа-кру вручить (новому.— *Л. С.*) суверену его имущество: государство, воду, землю, леса, горы...» [81, т. I, с. 55]. «Получив все это», монарх-сын объявляет: «Что касается воды, земли, лесов и гор, то я их отдаю монахам Будды, преамам (членам кхмерского индуистского духовенства.— *Л. С.*) и людям народа, с тем чтобы они нашли там средства для добродетельного существования» [81, т. I, с. 55].

Содержание обеих формул говорит о том, что в качестве имущества сдатя, передаваемого каждому новому суверену через посредство индуистского первосвященника, наряду с землей и другими природными ресурсами страны, рассматривается также и государство, народ в самом широком смысле этих слов. Формулировка о том, что земля, вода, леса и горы не «могут быть взяты» государем, отнюдь не означала его отказ от них в пользу подданных, а объяснялась невозможностью их вещественного использования самолично монархом, предоставляющим их «людям народа», с тем чтобы они таким путем обеспечили себя. При этом с полной определенностью предполагалось сохранение прав государя на землю как неотъемлемую часть его имущества, о чем и должно было напоминать подданным повторение приведенных выше формул, неукоснительно включающих землю в перечень имущества сдатя — прэах реать самбат — при каждом новом акте коронации.

Аналогичные имущественные прерогативы кхмерского суверена отчетливо просматриваются в нарративных источниках, описывающих Камбоджу около середины XIX в.: «Глава священнослужителей от имени сановников и народа предлагает (посвящаемому в сан.— *Л. С.*) землю, леса, горы, наконец, все государство. Король отвечает, что он принимает предложенное и разрешает своим подданным пользоваться землей и всем тем, что может быть полезно для благосостояния жителей» [87, т. I, с. 236]. «Новый монарх получает государство, землю, воду, горы и леса, которые глава священнослужителей предлагает ему от имени всего народа» [28, т. I, с. 58].

Данные тексты в полном согласии с коронационными формулами Свода законов квалифицируют как иму-

щество сдатя, передаваемое ему при вступлении на трон, землю, воду, леса, горы, а также государство, фигурирующее здесь, очевидно, в том же, что и прежде, широком смысле, включающем подданных. Разница состоит в том, что в текстах законов ничего не говорится по поводу того, от чьего имени вручается государю его имущество, а в описываемой процедуре коронования середины XIX в. в качестве предоставителя этого имущества выступают подданные, хотя в обоих случаях сам акт вручения прэах реать самбат происходит через посредство главы кхмерского индуистского духовенства. При совершении ряда входящих в коронационный комплекс религиозных обрядов этот первосвященник выполнял функции мистического посредника между богами индуистского пантеона и сувереном Камбоджи.

Поскольку в формулах законов имущество передавалось новому монарху кхмерским индуистским первосвященником не от имени подданных, то, очевидно, подразумевалось, что, оставаясь в той же роли связующего звена между богами и государем, глава индуистского духовенства Камбоджи предоставлял ему прэах реать самбат от лица божественных сил. Когда же в коронационную формулу середины XIX в. вместо неназываемого в текстах законов божественного источника предоставления имущества был введен «народ», то эта модификация повлекла за собой также и снятие прежнего выражения о том, что земля и остальные природные богатства «не могут быть взяты» сдатем. Для этого положения теперь не оставалось никакого логического места, ибо в видоизмененном контексте оно означало бы возвращение имущества тому, кто дал, а не «священный государев указ о разрешении» пользоваться тем, что монарх получал из совершенно иного, божественного, источника.

Однако введение в коронационные формулы XIX в. подданных в качестве предоставителя имущества новому сдатю не устраняло сакрального аспекта вручения прэах реать самбат. Смысл нововведения состоял в том, что акту вручения новому суверену прэах реать самбат, происходящему через то же, что и прежде, мистическое посредничество, придавался характер полного соответствия также и волеизъявлению подданных. Религиозное и светское начала сплетались здесь воедино.

Тот факт, что представители буддийской религии, повсеместно распространенной в Камбодже с XIV в. (при всей его значимой роли в государстве кхмерское индуистское духовенство в последующие века функционировало главным образом при дворе), не участвовали в церемонии предоставления новому сдатю его имущества, не означал отказ кхмерской монархии от получения их санкции на ее имущественные, прежде всего земельные, прерогативы. Принимаемая ими в ходе ритуала коронации клятва верности государя буддийскому культу [72, с. 34] имела, в частности, то значение, что его отношение к земле освящалось в таком виде, который соответствовал принятой в Камбодже буддийской доктрине. Официальное истолкование данного отношения применительно к Камбодже до протектората было дано позже королем Сисоватом: «Некогда вся камбоджийская земля по праву принадлежала монарху. Фактически она принадлежала тем, кто ее обрабатывал. Это было следствием обязанностей, предписываемых трону буддийским законом: „Земля бога доверена на сохранение государю, который предоставляет ее в распоряжение всех людей, имеющих в ней необходимость“» [цит. по: 222, с. 489].

Имущественные прерогативы кхмерского суверена на землю и подданных находили выражение также в его титулах — тхипдэй — «верховный владыка земли», баром баупит — «высочайший государь, владыка земли» [81, т. I, с. 2—3], и в особо торжественных формах наименования монарха, структурно близких к титулатуре. Наиболее значимое из этих наименований — «владыка жизни и земли» встречается только в тексте XVII в. (крам реать нити саттх — законе об искусстве управления) [81, т. I, с. 80]. Составные части данной формы — «владыка земли» и «владыка жизни» мы находим как в текстах XVII в., когда было принято большинство законов, включенных в Свод, так и в текстах XIX в., относящихся к двум периодам новой законодательной инициативы камбоджийских сдатей Анг Дуонга (50-е годы) и Нородома (70-е годы). Используя правовые установления 70-х годов, мы принимаем в расчет только те наименования государя, которые строго соответствуют формам прошлого, находящим, таким образом, еще одно законодательное подтверждение.

Формула «владыка жизни» дважды употреблена в крам пуок саупхэа (законе о группе судей) XVII в. [81, т. II, с. 557, 559], наличествует в тьбап кхон сала (законе о главных судьях) от 1723 г. [81, т. II, с. 31] и повторена в крам мородак (законе о наследовании имущества) от 1876 г. [81, т. I, с. 339]. Более помпезный вариант этой формулы — «владыка всех человеческих существований» — дважды зафиксирован в преамбулах к законам от 1621 г. и от 1853 г. [81, т. I, с. 2—3]. Выражение «владыка нижнего свода», представляющее собой стилистически более высокий вариант формы «владыка земли», мы находим в крам прэах реатьеа прапдапхисек (законе о посвящении в государи) XVII в. [81, т. I, с. 61], а самая форма «владыка земли» значится в крам реать нити саттх XVII в. [81, т. I, с. 80], в крам тоух пирийеа (законе о провинностях жен) от 1853 г. [81, т. I, с. 258] и в крам окня луонг (законе о посланных государя) — в статьях от 1873 г. и от 1877 г. [81, т. II, с. 250, 284]. Несколько расширенный вариант этой формы — «владыка земли и воды» содержится в крам кбатх соек (законе о предательстве в военное время) от 1877 г. [81, т. II, с. 237].

Употребление той или иной формы ни в коем случае не означало сужение имущественных прерогатив государя до соответствия приводимой форме. На протяжении XVII—XIX вв. суверен в равной мере рассматривался и как «владыка жизни» и как «владыка земли», что убедительно подтверждается повторением в текстах одного и того же времени тождественных или близких наименований, каждое из которых воспроизводило один из двух значимых компонентов полной формы «владыка жизни и земли». Поскольку последнюю следует понимать так, что и жизнь (или иначе «жизненные существования») подданных и земля (в широком смысле слова, включающем также леса, горы, воду) страны принадлежат монарху, то ее содержание в основе своей идентично определению коронационных формул.

Весь рассмотренный материал убедительно говорит о том, что и подданные кхмерского государства, и земли страны включались в имущество монарха. Наиболее емко соответствующие его прерогативы выражались в основном титуле суверена Камбоджи — сдать (самдать), «владыка», указывающем на него, как

на субъекта владения всем и власти над всеми в государстве.

Подтверждение наличия таких прерогатив кхмерского государя мы находим у двух лучших знатоков Камбоджи исследуемого периода: «Согласно прежним установлениям государства, суверен Камбоджи — владыка земли, воды, имущества и жизни своих подданных»,— отмечал Э. Эмонье в ходе обоснования своей концепции [28, т. I, с. 80]. «У камбоджийцев обычно принято рассматривать все — землю, животных и людей — как принадлежащее королю» [68, с. 255],— констатировал А. Леклер вопреки своим концептуальным построениям.

Хотя при процедуре коронования в прэах реать самбат включалась вся земля страны, все имущество государства, все подданные, но это общее положение оставляло открытым существенный для реальной жизни вопрос о том, имела ли место разница в объеме прав монарха на земли разных типов — не входящие в имущество отдельных подданных или составляющие их имущество. Указанная разница прослеживается в ряде текстов законов часто параллельно с различием в правах сдатя на любое другое имущество, лишенное обладателя в лице подданного или имеющее его.

Недатированный, очевидно восходящий к XVII в., крам прохмотонт (закон о дарениях) содержит текстуальное свидетельство того, что пожалование земель подданным являлось прерогативой кхмерской короны, в результате чего земли приобретали характер частного имущества, передаваемого по наследству: «Если государь вознаградил кого-либо, кто отличился на службе, дав ему срэ пранг, срэ праса (поля для выращивания риса в сухой сезон и поля для выращивания риса в сезон дождей.— *Л. С.*), посадки или что-либо еще, то все это останется детям после смерти родителей и членам семьи, которые появятся позже» [81, т. I, с. 374].

Вместе с тем пожалованные подданным земли не переставали быть объектом прав монарха, в силу того, что его прерогативы на всю землю страны были зафиксированы в коронационных формулах, титулах и соответствующих наименованиях суверена. Это положение находит подтверждение и в двух законоположениях 60—70-х годов XIX в., которые рассматривают права сдатя на найденное в земле имущество без известного облада-

теля в лице подданного и обосновывают их, исходя именно из его прерогатив на всю землю страны.

В первом из них, крам тьор (законе о злоумышленниках) от 1860 г., разбирались действия людей, находящих в земле нечто ценное и либо пытающихся присвоить это себе, либо сообщающих о нем тому, кому требовалось. «Что касается найденного имущества, не имеющего известного собственника, то если нашедший такое имущество позаботился о том, чтобы уведомить о найденных вещах почтенных людей данной местности, ме-срока (старосту сельской округи.— *Л. С.*) или тьумтопа (помощника старосты сельской округи.— *Л. С.*), тогда следует разделить найденное на две равные части, из которых одна принадлежит нашедшему, а другая — монарху, который является собственником всей земли государства» [81, т. II, с. 307].

Крам окня луонг (закон о посланных государя) от 1874 г., разбирая ситуацию, когда нашедший комнап (предметы, вещи, спрятанные в земле) не знает его собственника, предписывает «принести этот комнап монарху», которому причитались две части найденного, а одна часть — нашедшему [81, т. II, с. 281]. Обращаясь же к иной ситуации, когда «кто-либо, копая землю, найдет комнап и его сохранит, не представит его государю», закон гласит, что такое лицо «будет рассматриваться как виновное и наказано так, как если бы оно похитило вещи, принадлежащие монарху, потому что все предметы, вещи, найденные в земле, которая принадлежит государю, являются его собственностью» [81, т. II, с. 281].

Утверждая собственнические права суверена на имущество без известного собственника-подданного, оба цитируемых текста выводят их не из факта принадлежности монарху имущества государства, а исходя из его собственности на землю страны. На первый взгляд подобная аргументация представляется лишенной логической последовательности, и может возникнуть сомнение в том, следует ли принимать содержащееся здесь положение о собственности сдатя на землю как действительно относящееся к сфере земельного правопорядка. Почему же важнейшие формулировки о принадлежности монарху всех земель страны, о его собственности на них дважды помещены в контексте рассмотрения его прав

на найденное имущество, лишенное собственника? Очевидно, с точки зрения внутренней логики камбоджийского законодательства, утверждающего неотъемлемые права суверена на весь прэах реать самбат, такое сплетение двух планов — прерогативы государя на землю и его прав на имущество без собственника-подданного — было вполне совместимым явлением.

Рассмотренные статьи закона 60—70-х годов интересны с точки зрения проявления тенденции кхмерской монархии терминологически оформить и как-то отдифференцировать право собственности на землю от совокупных имущественных прерогатив короны. Однако они не являются показателем иного объема земельных прав сдатя по сравнению с предшествующим временем: прежние лексические формы более широких имущественных прерогатив государя типа «владыка земли» продолжают фигурировать в текстах после 1860 г., наряду с введенными в них положениями о его собственности на землю.

Указанная тенденция дала о себе знать также в форме следующей (единственной в Своде законов) сопоставительной трактовки земельных прав монарха и подданных, помещенной в крам прэах реатьеа кхант (законе из отдельных пунктов): «Жителям не следует говорить, что им принадлежат земельные участки, поросшие кустарником, что они получили их по наследству, они должны рассматривать такие земельные участки как землю государя» [81, т. II, с. 617]. Эта статья подразумевает наличие прав подданных на действительно занятые и возделываемые ими земли, но ни в коем случае не означает отсутствия прав монарха на эти земли. Она свидетельствует о признании законодательством разного объема прав сдатя на земли, не имеющие обладателей-подданных, и земли, имеющие таковых. Правда, такое свидетельство не может бесспорно вытекать из изолированного рассмотрения данной статьи — она как раз оставляет впечатление отсутствия прав монарха на земли, занятые подданными, рассеиваемое напоминанием об его имущественных прерогативах. Лишь сопоставительный анализ ряда законоустановлений, в особенности положения о собственности суверена на землю страны, выраженного в связи с требованием возвращать ему найденные в земле вещи, не имеющие известных (т. е.

действительных) собственников-подданных, и положения о принадлежности только монарху тех земель, которые не имеют действительных обладателей-подданных, позволяет с достаточной достоверностью утверждать, что в разных контекстах рассмотрения речь идет о двух ступенях объема прав государя на земли и имущество в Камбодже.

Подчеркивая различные стороны кодифицируемого ими явления, оба разбираемых текста, по сути дела, имеют в виду одно и то же: если земельное или другое имущество не имеет действительных юридических собственников в лице подданных, то оно может принадлежать только суверену. Это — сфера его безраздельной собственности, наряду с которой существует сфера его прерогатив на землю и иное имущество, являющиеся объектом прав подданных. Не будучи обозначены в данных текстах со всей четкостью, эти прерогативы монарха на землю, являющуюся также объектом прав подданных, все же имеются в виду в сформулированной здесь собственности государя на землю страны, а также вытекают из принадлежности ему всех земель как составной части его имущества, зафиксированной в коронационных формулах. Поэтому не только прямое пожалование сдатя, но и все акты занятия и приобретения подданными свободных земель в их юридическую собственность, в соответствии с нормами частного земельного права (см. главу II), означали и должны были восприниматься ими как наделение землей из фонда монарха. Именно это обстоятельство еще раз подчеркивалось выраженной в крам прэах реатьеа кхант принадлежностью государю всех невозделываемых земель, которые путем занятия и обработки могли быть превращены в юридическую собственность подданных.

Права суверена на земельную собственность подданных сказывались, прежде всего, в том, что от его имени исходила вся земельная регламентация, все законодательство, определявшие возникновение, поддержание и утрату прав подданных на земли, занимаемые ими в частном порядке, т. е. условия сохранения их юридической собственности на землю.

Права монарха на земельную собственность подданных проявлялись также в закрепленных за ним (его судом) полномочиях на конфискацию их частных земель

(равно как и другого имущества) за правонарушения или отобрания их вследствие его прямого волеизъявления. Одна из статей крам окня луонг гласит, что «тот, кто недостаточно почитает владыку земли... расхищает доходы государя... будет покаран и имущество его будет конфисковано» [81, т. II, с. 250]. Нарративные источники подтверждают это и называют землю в числе объектов, подлежащих конфискации: «Суд имеет право... вынести решение о конфискации земель... это лишение владения распространяется на другое имущество, оно является наказанием, применяемым к осужденному за правонарушение...» [68, с. 262]. В некоторых случаях, когда речь шла о подданных, впавших в его немилость, суверен мог лишать их частных земель или иного имущества не за определенное деяние, наказуемое в соответствии с законом, а посредством выражения своей непререкаемой воли [28, т. I, с. 83].

Кроме того, французские источники свидетельствуют о праве сдатя наследовать имущество подданных в случае отсутствия правомочных наследников, «король наследует имущество при отсутствии прямых наследников» [28, т. I, с. 81]. «Король наследует имущество частных лиц, которые умирают бездетными, предоставляя жизненные средства вдовам» [87, т. I, с. 221]. «...При наследовании всякого значительного состояния, король... наследует умершим родителям, не имеющим детей мужского пола, оставляя часть детям женского пола...» [28, т. I, с. 85]. Эти источники содержат также камбоджийские термины, обозначающие виды рисовых полей, наследуемых монархом при сходных условиях: «срэ-трапнхот, т. е. рисовые поля из наследства лиц, умерших без прямых наследников»; «срэ-трап-а, т. е. рисовые поля, оставленные родственнику умершего владельца или какому-либо другому лицу, но наследуемые государем» [72, с. 251].

Указанные случаи наследования государем имущества, в частности земельного, подданных подтверждают сделанный при сравнительном анализе статей Свода законов вывод о принадлежности короне земель или иного имущества, не имеющего действительных — с правовой точки зрения — собственников в лице подданных.

Зафиксированная в законодательстве собственность кхмерской монархии на всю землю страны, предписыва-

емая им обязательность обработки земли, юридическую собственность на которую подданные могли сохранить лишь при этом условии, иначе она переходила в сферу безраздельных прав сдатя, его полномочия на прямое отобрание этих земель и на конфискацию их в судебном порядке в случае правонарушений, право государя на наследование частных земель оставшихся без правомочных наследников (т. е. возвращение короне некогда предоставленных ею земель) — все это указывает на то, что подданные владели землями на некоем низовом уровне юридической собственности, над которым находился верховный уровень юридической собственности суверена на землю.

Характер прав подданных на занимаемые ими частные земли

Основной фонд обрабатываемых земель Камбоджи середины XIX в. составляли земли, занятые лично свободными подданными на основе норм частного земельного права (не рассматриваемые в данной работе домениальные земли, должностные наделы и земли пагод, составлявшие остальную часть обрабатываемого фонда страны, не входили в сферу частного аграрного законодательства).

Частная земельная регламентация Свода законов Камбоджи распространялась на все слои лично свободного населения, независимо от сословной принадлежности. Эта регламентация, прежде всего, была ориентирована на земледельцев самого многочисленного в стране сословия нэак тьеа (лично свободных подданных, подлежащих налогообложению и обязанных отбывать ежегодную государственную трудовую повинность).

Представители высших сословий — прэах вонгса (члены королевской семьи, т. е. близкие родственники государя по пятую степень родства с ним), прэах вонг (члены сословия отдаленных королевских родственников, выходящих за пределы пятой степени родства с ним), преамы (члены сословия кхмерского индуистского духовенства) обладали своими землями также на основе частного земельного права. В том случае, если намэны (чиновники, которые были облечены определенными полномочиями

и наделены рядом привилегий в соответствии с занимаемым ими должностным положением, но формально не были конституированы в отдельное от нэак тьеа сословие), помимо должностных наделов, приобретали права еще на какие-либо земли, они обладали ими на основе того же частного земельного законодательства.

Исследование прав лично свободных подданных на занимаемые ими в частном порядке земли мы начнем с ключевых вопросов возникновения, сохранения и утраты права на землю. Специфической чертой камбоджийского аграрного законодательства являлось то, что оно трактовало указанные вопросы преимущественно в связи с занятием и оставлением прежде обрабатываемых земель. Это было обусловлено рядом нижеследующих факторов.

Фонд пригодных к возделыванию земель примерно в десять раз превышал земли, обрабатываемые единовременно: «Прежние рисовые поля являлись в десять раз более многочисленными, чем земли, возделываемые в настоящее время» [74, с. 383]. Правда, степень пригодности брошенных земель к обработке находилась в зависимости от времени их оставления: сразу после него они сохраняли в себе овеществленный труд, вложенный в них теми, кто их возделывал, а в течение нескольких последующих лет постепенно его утрачивали.

Ни одна из категорий лично свободного населения не прикреплялась к земле насильственными мерами, более того, нэак тьеа часто вынуждены были оставлять свои земли вследствие усиленной эксплуатации (см. гл. III).

Перемещения населения, захватывающие также и привилегированные слои общества, происходили в периоды иностранных вторжений в Камбоджу [85, с. 291].

Переселение на новые земли не находило препятствий в сложившемся типе мелкого индивидуального (чаще всего рисоводческого) хозяйства нэак тьеа, обычно соответствующего трудовым затратам одной семьи (с учетом соседской взаимопомощи во время срочных и трудоемких работ). Находящиеся в руках отдельных лиц из высших сословий и чиновничества значительные фонды земель редко представляли собой единый хозяйственный комплекс, обычно они состояли из парцелл с самостоятельным хозяйствованием производителей.

Перемещениям не препятствовали ни деревенская

организация, лишенная какой бы то ни было печати кастовости или неприятия пришлых, ни налоговая система, построенная на принципе издольного обложения урожая.

Регулярно возникавшие в этой ситуации многочисленные и разнообразные случаи занятия одними лицами земель, ранее возделываемых другими лицами, нуждались в определенной регламентации.

В текстах камбоджийских законов при разборе земельных конфликтов между подданными как взаимозаменяемые фигурируют два различных термина: «занимающий землю» и «собственник земли», причем о тех же самых лицах в пределах одной и той же статьи [81, т. II, с. 406]. При первоначальном разборе законов мы воздержимся от комментариев по этому поводу и сосредоточимся на выяснении реального объема права по отношению к земле, которая являлась предметом конфликта, на базе чего можно будет сделать выводы о характере данного права подданных. Затем при сопоставлении их прав с земельными правами государя попытаемся разобраться в том, какой смысл вкладывало кхмерское аграрное законодательство в двузначность юридического определения отношения подданных к их землям.

Обращаясь к вопросу о возникновении права на землю, следует представить себе, что, в принципе, занятие могло осуществляться на трех видах земель: на целинных и давно заброшенных; оставленных сравнительно недавно; покинутых несколько лет тому назад. Первый вид земель требовал очень больших работ по их освоению, проводить которые при низком уровне развития производительных сил того времени было не только чрезвычайно сложно, но и нецелесообразно ввиду изобилия земель, брошенных недавно. Подготовка второго вида земель к возделыванию также представляла значительные трудности, поскольку следовало провести их расчистку, корчевание и т. д. [87, т. I, с. 265]. Только третий вид земель, заключавших в себе овеществленный труд, нуждался в небольших предварительных усилиях для подготовки к земледельческим работам и поэтому обладал наиболее притягательной силой для желавших обосноваться на свободных землях.

В такой ситуации исходным моментом регламентации относительно использования незанятых земель дол-

жен был стать пункт: с какого времени после оставления и при каких условиях земли были свободны для их нового занятия. Надо отметить, что в определении срока, по истечении которого на землях можно было обосноваться, кхмерское законодательство проявило гибкость двоякого рода. Во-первых, ни в каком тексте Свода законов данный срок не был точно установлен, а фигурировал как примерный: «несколько лет» [81, т. II, с. 618]. Акцент ставился больше на чисто материальные признаки покинутости, запущенности земли, т. е. ее состояния с точки зрения годности к земледельческим работам, чем на самый срок ее оставления, который применительно к земельным участкам, предназначенным для жилья, был определен в три года [81, т. II, с. 407], а для земель сельскохозяйственного назначения намеренно указывался приблизительно и был впоследствии усреднен как трехлетний французами, исходившими из наблюдаемой ими обычной практики [60, с. 513]. Во-вторых, квалифицируя земли, покинутые менее нескольких лет назад, как еще принадлежащие тем, кто их ранее обрабатывал, закон не налагал на их использование никакого запрета. Однако, как явствует из источников, занятие этих максимально подготовленных к обработке земель могло быть признано действительным лишь при том условии, если претензии оставившего землю не будут своевременно заявлены.

Процитируем две статьи, одну из закона о земельных участках и вторую из крам похvлла теп (закона о сельских правонарушениях) от 1853 г., поскольку в них можно увидеть один и тот же характерный момент зарождения земельного права на занимаемые земли. «Если после того как кто-либо начал распахивать или выравнивать земельный участок, который он занял первым, кто-либо другой приходит вырвать колышки, которые поставил первый, или продолжить начатую первым работу, то это другое лицо является виновным в нарушении закона» [81, т. I, с. 382]. «Если кто-либо до того как построить дом или что-либо сделать на земельном участке, уведомил должностных лиц похvлла теп (ведомства сельских правонарушений.— *Л. С.*) и красуонга (специального чиновника.— *Л. С.*) и эти последние приходили замерить данный участок и обозначили его границы, и если позднее кто-либо другой приходит по-

ставить межевые знаки, вырвать травы и распахать земельный участок, на котором первый занимавший уже немного поработал, то это другое лицо будет приговорено... за нарушение закона, затем у него отберут участок, с тем чтобы возвратить его первому занимавшему» [81, т. II, с. 406].

Таким образом, если занимающий земельный участок хотел защитить его от посягательств других лиц, которые после него попытались бы обосноваться на этом участке, то он должен был: 1) уведомить представителей власти о своем намерении занять участок; 2) совместно с ними замерить его; 3) вместе с ними обозначить границы участка; 4) приступить к его обработке. Поскольку при занятии земель первого и второго отмеченных выше видов тот, кто начинал их обрабатывать, выполняя принятую процедуру, очевидно, не мог встретить других законных претендентов, то следует считать, что то лицо, которое первым выполнило все указанные в рассматриваемых статьях требования, приобретало земельное право на возделываемый им участок.

Однако если новый заниматель обосновывался на землях третьего вида, где еще не истек трехлетний срок оставления и претензии на участок должны были поэтому быть приняты законом во внимание, то, согласно приведенным статьям, он мог противостоять только тем, кто приходил после него, и по отношению к ним он обладал правом на занятую им землю, но не тем лицам, которые могли возвратиться на данный участок до истечения трех лет, по отношению к последним он правом на эту землю не обладал.

Переходя к текстам, посвященным таким конфликтным ситуациям, когда новая сторона ссылалась на земельное право, приобретаемое действительным занятием земли с выполнением всех предписываемых законом требований, а прежняя сторона выдвигала свои претензии на основе земельного права, полученного прежде в силу тех же самых условий, процитируем одну из статей крам прэах реатьеа кхант (закона из отдельных пунктов): «Если собственник земельного участка, предназначенного для выращивания риса и прочее, не возделывает его, не присматривает за ним, не расчищает его от кустарника, не огораживает его ни изгородью, ни кольями, не живет на нем, и этот участок зарастает деревь-

ями и кустами; и если какое-либо лицо, видя этот участок... примется его распахивать, расчищать от кустарника для того, чтобы или на нем поселиться, или превратить его в поле... в том случае, если доказано, что собственник покинул этот участок несколько лет назад, его не занимал, не возделывал его в соответствии с крам прэах реатьеа кхант, то данный земельный участок, даже если он засажен фруктовыми деревьями, станет собственностью того, кто принялся на нем работать» [81, т. II, с. 617—618].

Положения этой статьи, представляющиеся на первый взгляд показателем весьма несложной установки на предмет занятия и приобретения земель, в действительности охватывают различные аспекты довольно своеобразного земельного права. Отдельные статьи кхмерского законодательства часто невозможно правильно прокомментировать в отрыве от других статей на аналогичные сюжеты, тем более это относится к данной статье, как содержащейся в крам прэах реатьеа кхант, тексты которого обычно были предназначены для разъяснения и дополнения положений некоторых других законов. Поскольку фигурирующие в процитированных ранее статьях требования об уведомлении властей и замере участка земли, обусловливающие возникновение земельного права, неоднократно встречаются в законодательстве, то следует считать, что данная статья их вовсе не отменяла.

Из анализа прежде рассмотренных законоположений мы заключили, что права занимателя на заброшенную более трех лет тому назад землю сразу по приступу к ее обработке с соблюдением всех требуемых условий представляли собой право на данный участок, а на землях, покинутых менее трех лет назад, права нового занимателя перед фактом появления прежнего были равны нулю. Последняя статья, указывая на несколько лет со времени ухода с земли того, кто ее ранее возделывал, которые должны истечь для утраты его права, подтверждает такое заключение и, не лимитируя срок оставления строго тремя годами, подразумевает примерно это время, исходя из вещественных доказательств срока заброса земли.

Далее, эта статья совершенно недвусмысленно предполагает, что если кто-либо занял землю, со времени ос-

тавления которой три года еще не прошли, он все-таки может рассчитывать, что по их истечении (если, конечно, в течение указанного времени он не будет на законных основаниях лишен этой земли в пользу того, кто еще не утратил на нее своего права), он сам станет обладателем права на данную землю, даже если прежний заниматель посадил на ней фруктовые деревья.

И, наконец, говоря о том, что тот, кто имеет право на земельный участок, может его потерять, если не возделывает землю, не огораживает ее, рассматриваемая статья тем самым вменяет в обязанность обладателю права на землю постоянную заботу об ее обработке и огораживании, и стоит ему допустить в этом перерыв около трех лет, как его право на данную землю будет утрачено. Получалось так, что, раз возникнув в результате занятия земли посредством ее обработки и выполнения других разобранных выше требований, земельное право нуждалось в постоянном подтверждении посредством продолжения возделывания земли. Обусловленность действительного права на землю осуществлением ее обработки составляла существеннейший пункт камбоджийского аграрного законодательства изучаемого времени.

Возникает вопрос: как же обстояло дело в том случае, если тот, кто возделывал землю, возвращался позже принятого примерного срока, но предъявлял на нее претензии не просто на основании обладания земельным правом в результате ее занятия, а ссылался на свои наследственные права на участок, который другое лицо уже заняло и обрабатывало? Ответить на этот вопрос мы сможем лишь в рамках более широкого рассмотрения взаимоотношений лиц, одно из которых получало какую-либо землю по наследству, а другое заняло данную землю, найдя ее необрабатываемой.

Начнем со следующей статьи крам прэах реатьеа кхант: «Если кто-либо нашел невозделываемый земельный участок, который зарос мелкими и крупными деревьями, расчистил его от кустарника и распахал, с тем чтобы превратить его в рисовые поля, в поля, в место для жилья... и если кто-либо другой потребует, чтобы воспрепятствовали этой работе, и будет претендовать на данный участок как являющийся его наследством, то следует оставить земельный участок тому, кто взял на

себя труд его обрабатывать» [81, т. II, с. 617]. Эта статья в изолированном прочтении оставляет впечатление, что земельное право, приобретенное действительным занятием, оказывалось сильнее наследственных прав на землю.

Правильное понимание данной статьи представляется невозможным в отрыве от следующей статьи из крам прэах реатьеа кхант: «Тот, кто обладает земельным участком для жилья, рисовыми полями, полями, которые ему перешли от его деда, от его бабки, должен их возделывать, присматривать за ними, расчищать от кустарника, огораживать, уведомить ме срока (старосту сельской округи.— *Л. С.*) и вбить колышки, которые будут обозначать границы данного участка» [81, т. II, с. 617]. Перечисление требований, предъявляемых к лицам, получившим землю в наследство, идет здесь не во временной последовательности выполнения этих актов и заканчивается пунктом, с которого обычно начинаются статьи о занятии земель: уведомлением властей. Очевидно, законодатель хотел, поставив на первое место требование об обработке земель, особо подчеркнуть, что это обязательное условие остается главным и для земель, полученных в наследство.

Но поскольку для приобретения права на землю, причитающуюся по наследству, и для удержания ее за собой, как явствует из рассматриваемой статьи, следовало соблюдать те же самые условия, что и при занятии свободных земель, права на которые намеревались приобрести, то следует ответить на вопрос, чем же в таком случае отличалось наследное право на землю от права на ее занятие.— Гарантированными хозяйственными преимуществами, которыми обладал наследник, ибо он мог сразу же приступить к обработке земли, не затрачивая никаких предварительных усилий на ее подготовку. Занимать же никогда не имел признанного права на аналогичные условия — он мог обосноваться на только что оставленной земле лишь с риском потерять ее в течение первых нескольких лет. На основе анализа последней статьи мы можем прокомментировать предшествующую: приобретаемое действительным занятием право на землю оказывалось сильнее наследственного права только тогда, когда наследственные права подлежали аннулированию согласно закону об утрате прав

на землю, не обрабатываемую в течение примерно трех лет.

Итак, тексты законов говорят о том, что и при занятии свободных земель и при получении земли по наследству земельное право зиждилось на выполнении ряда обязанностей, главной из которых была обработка земли. Причем, в отношении пункта об уведомлении властей о занятии участка земли некоторые статьи законов, как, например, нижеследующая статья из крам похулла теп, определенно идут дальше требования простого сообщения властям о факте занятия и ставят вопрос о необходимости получить еще и их разрешение на это: «Каждый, кто вырвал траву, чтобы возделывать рисовое поле и построить дом в деревне, и не предупредил специальных чиновников, чтобы они пришли замерить земельный участок и дали ему разрешение... будет виновен в нарушении закона» [81, т. II, с. 404].

Однако законодатель явно избегает формулировок, запрещающих занимать пустующие земли. Он ограничивается тем, что при возникновении конфликта отказывает в признании земельных прав тому, кто занял участок без ведома властей, или квалифицирует занявшего землю без официального разрешения как виновного в нарушении закона (за что обычно взимался денежный штраф).

Статьи законов никогда не предусматривали изгнание с земель лиц, занявших их без соблюдения требуемых условий, за исключением случаев, когда возвращались те, кто еще обладал на них правами. Иными словами, если можно было сделать выбор, то закон предпочитал видеть на обрабатываемых землях лиц, которые уведомляли власти о своем водворении и соблюдали другие его предписания, а не тех, кто уклонялся от оповещения властей, но если альтернатива заключалась в том, будет земля обрабатываемой или нет, то законы всегда были за первое, а не за второе. «Не следует, чтобы земля была незанятой» [81, т. II, с. 407],— гласит крам похулла теп. Этот же закон вменяет в обязанность должностным лицам обеспечивать занятие всех земель, которые могли быть обрабатываемы: «Если какой-либо земельный участок может быть занят, то кромокары (местные чиновники, состоящие в подчинении правителя округа.— *Л. С.*) и пхнэак-нгэары (специальные местные

уполномоченные столичных чиновников.— *Л. С.*) должны сделать его занятым, так как не следует, чтобы земельный участок оставался пустым» [81, т. II, с. 409].

Свидетельствует ли такая постановка дела о том, что камбоджийское земельное законодательство исходило из интересов простых земледельцев, заботилось о наделении их землей на самых легких условиях? Если мы примем во внимание аграрную незаселенность Камбоджи и бедность большинства занимателей земли, то придем к выводу, что у кхмерской монархии не было никакой возможности установить более жесткие условия — всякие другие ограничения вели бы к уменьшению обрабатываемого фонда страны.

Чтобы удостовериться в том, соответствовала ли регламентация Свода законов правовой практике земельных отношений Камбоджи середины XIX в., следует обратиться к материалам французских авторов, зафиксировавших нормы осуществления земельного права в стране в начальный период протектората Франции, когда они, в принципе, еще не отличались от прежних порядков.

Сравнение результатов анализа правовых источников с данными нарративных источников по изучаемым вопросам земельного права весьма показательно, ибо большинство французских авторов второй половины XIX в. были мало знакомы с разобранным нами камбоджийским земельным законодательством. Лишая приведенный ими материал должной детализации, это вместе с тем придает ему определенную ценность в отражении практики осуществления правовых норм аграрной жизни без опоры на соответствующие законоположения, в то время почти неизученные — в конце XIX в. они лучше других были известны А. Леклеру и Э. Эмонье; ученые французской востоковедной школы сделают их объектом своего подробного исследования только некоторое время спустя после опубликования Свода законов в 1898 г., особенно в 30-е годы XX в.

Цитируя здесь французских авторов, мы намереваемся пока отвлечься от их терминологии, согласно которой кхмерские земледельцы являлись то занимателями, то собственниками, сосредоточивая внимание лишь на конкретных фактах, проливающих свет на существующие правовые отношения: «Некие люди пользуются рисовы-

ми полями или посадками, перешедшими к ним от предков, но если земельный участок остается невозделанным в течение трех лет, то по истечении этого срока первый пришедший имеет право завладеть им и обрабатывать его, а прежний собственник, который его покинул, не имеет основания отстаивать на него свои права» [60, с. 513]. «Земельный участок, невозделываемый или оставленный несколько лет тому назад, может быть возделан первым пришедшим» [34, с. 100]. «Земледельцы распахивают новь там, где они пожелают, и присваивают земельные участки для выращивания риса... Дают пользоваться земельными участками тем, кто их обрабатывает...» [78, т. I, с. 265, 347]. «В действительности держатели наделов обрабатываемой земли владеют ею почти так же, как если они были бы ее собственниками» [65, с. 241].

Приведенные свидетельства авторов 60—80-х годов XIX в. подтверждают основные положения законов: приобретение права на свободную землю путем ее действительного занятия, обусловленность сохранения права на эту землю ее обязательным возделыванием, утрату права на данную землю вследствие прекращения ее обработки на срок более трех лет.

В труде А. Леклера, изданном в 1890 г., мы находим более подробные и лучше сформулированные сведения относительно земельных порядков. Он отмечает, что лично свободный камбоджиец имеет право выбирать из незанятых земель «столько земли, сколько он может обработать», такой способ приобретения земель А. Леклер называет «приобретением плугом» [68, с. 260, 264]. Выбранные земли «принадлежат тем, кто их получил, и никто не может в течение всего времени, когда эти земли обрабатываются... их законно отобрать... Они могут быть и являются передаваемыми по наследству» [68, с. 262]. А. Леклер указывает и на утрату права на землю вследствие ее оставления на три года: «Собственник, который в течение нескольких лет не возделывает свою землю, остается ее законным собственником до того дня, когда минимум три года прошли со времени последнего урожая, собранного им, другой человек приходит взять ее в приобретение плугом и лишает первого его владения» [68, с. 267]. И наконец, он утверждает, что обязанность собственника земли — уплата «десяти-

ны на продукты, которые она дает» [68, с. 263]. Все эти положения, за исключением последнего, относительно которого ниже будут сделаны оговорки, полностью согласуются с известными нам статьями законов.

В своем фундаментальном труде о Камбодже, изданном в начале XX в., Э. Эмонье, очевидно имея в виду процедуру оповещения местных властей, замера и огораживания земель, выбранных кем-либо из свободных подданных среди незанятого фонда страны, пишет, что «при определенных условиях, обычно легко выполнимых, каждый может на них обосноваться, пользование ими является общим для всех подданных, приобретение их в собственность для них всегда возможно» [28, т. I, с. 82].

И далее Э. Эмонье попытался свести в единую формулу все основные нормы возникновения, сохранения и утраты права на землю: «Это право осуществляется и сохраняется в действительности непрерывным владением, поддержанием в порядке и обработкой земли, а также уплатой налога... Трех лет владения достаточно, чтобы создать это право, так же как три года добровольного оставления делают его утраченным» [28, т. I, с. 83].

Мы согласны с этой формулировкой Э. Эмонье как содержащей основное условие поддержания земельного права подданных — обработку земли. Однако мы считаем, что как и А. Леклер, этот автор обусловливает право на землю уплатой налога в разрез с кхмерским законодательством, нигде прямо не связывающим одно с другим.

Кроме того, в свете рассмотренного нами законодательного материала, положение Э. Эмонье о том, что трех лет такого владения достаточно было, чтобы получить право на землю, затем много раз воспроизводившееся последующими французскими авторами, является неточно вынесенным в общее определение о приобретении земельного права. Оно предстает как частный случай возникновения права для лица, занявшего землю сразу после того, как она была покинута прежним ее обладателем или сразу по оставлении ее в наследство другому лицу, не вступившему в действительные права на землю путем ее обработки: именно тогда, для того чтобы новый заниматель мог противостоять претензи-

ям прежнего занимателя или его законного наследника, должно было истечь около трех лет.

Говоря о праве на землю, мы пока рассматривали его только в аспекте охраны интересов того, кто обрабатывал огороженные земли, занятые или полученные по наследству, от посягательств со стороны других лиц. Переходим к другому аспекту земельного права, состоящему в том, какие операции с землей могли совершать те, кто имел на нее право. Следует четко представить себе, что объектом любой земельной операции могла быть только обрабатываемая земля, ведь прекращение земледельческих работ примерно на три года означало полную утрату прав на нее.

Земля передавалась по наследству и по завещанию. Тот, кто хотел передать свою землю прямому наследнику, мог не предпринимать ничего, будучи совершенно уверен, что в случае его кончины законный наследник обязательно получит эту землю при условии вступления в права на основе выполнения им надлежащих обязанностей. В том случае, если он намеревался передать свою землю какому-либо другому лицу, он мог зафиксировать это свое намерение в завещании или же высказать его в качестве завещательного распоряжения в своей последней непререкаемой воле [70, с. 81—82]. Хотя случаи завещания земли постороннему лицу в ущерб прямым наследникам были очень редкими, но само наличие такого права и обязательность принятия его всеми заинтересованными сторонами [70, с. 81—82] являлись неотъемлемой составной частью земельного права.

Следующей производимой земельной операцией было принесение земли в дар. По этому случаю составлялась дарственная с подписью лица, заявляющего о том, что он дарит свой земельный участок другому лицу,— такие дарения не были редкостью [70, с. 76].

Земля могла быть объектом купли-продажи [28, т. I, с. 83; 240, с. 223]. Соответствующая земельная операция совершалась либо посредством составления письменного акта, либо в присутствии свидетелей, которые могли бы удостоверить факт продажи в случае возникновения в будущем конфликтной ситуации [68, с. 275].

Обладавший земельным правом мог сдавать свою землю в аренду. Процедура сдачи в аренду, как и продажа земель, осуществлялась либо путем составления

письменного акта, либо при свидетелях [68, с. 278; 252, с. 23].

Наконец, имела место еще одна земельная операция, с особой тщательностью регламентируемая Сводом законов Камбоджи: отдача земель в залог. Согласно крам похулла теп от 1853 г. процедура отдачи в залог должна была обязательно совершаться в присутствии кромокаров и пхнэак-нгэар: «Тот, кто закладывает свой дом, свое рисовое поле... должен это сделать в присутствии кромокаров и пхнэак-нгэар, чтобы они видели и знали...» [81, т. II, с. 410]. Этот закон предоставляет определенным должностным лицам роль свидетелей при возможных конфликтах в будущем: «Тот, кто получает в залог рисовое поле, сад-огород, должен накануне уведомить об этом чиновника похулла теп и кромокаров, затем должен письменно зафиксировать дату, установленную для выкупа залога. Если это будет выполнено и впоследствии возникает конфликт между кредитором и должником, то следует апеллировать к кромокарам и к должностному лицу похулла теп как к свидетелям по данному делу» [81, т. II, с. 416].

Лица, обладавшие земельным правом на те или иные земли, отдавали их в залог для того, чтобы получить заем (рисом или деньгами). Заемщик должен был платить своему кредитору проценты с заемной суммы — тогда он мог продолжать обрабатывать отданную в залог землю и собирать с нее урожай, а заимодавец не имел права ни на возделывание полученной в залог земли, ни на сбор с нее урожая. Однако крам похулла теп от 1853 г. предоставлял кредитору такое право взамен взимания процентов с заемщика: «Если кто-либо получил в залог от какого-либо лица землю, рисовое поле и если он получает проценты со ссуженных им денег, то он не должен обрабатывать эту землю. Если же было установлено, что проценты будут уплачены, а кредитор все же работает на поле, на земле, которую он получил в залог, то его должник, согласно закону, будет обязан возместить заемную сумму, но не платить проценты» [81, т. II, с. 412].

Если заемщик отдал свою землю в залог именно на таких условиях и если он оказывался не в состоянии выполнить в срок свое обязательство, то, в соответствии с крам похулла теп от 1853 г., весь объем земельного

права на данный участок переходил к кредитору: «Если кто-либо отдал в залог свой дом, свое рисовое поле, свой сад-огород на 5 или 7 лет, то тот, кто их получил, не может их отдать какому-либо третьему лицу, но будет свободно на них жить и работать. Если собственник залога явится выкупить его (в установленный для этого срок.— *Л. С.*), то кредитор обязан возвратить ему этот залог. Но если тот, кто отдал в залог, не приходит выкупить свой залог, то по истечении 9 или 10 лет (со времени залоговой сделки.— *Л. С.*) дом, рисовое поле, сад-огород станут собственностью того, кто их получил в залог, он сможет на них жить и работать на всех правах, так как (теперь.— *Л. С.*) они принадлежат ему» [81, т. II, с. 417—418]. Согласно приведенной статье, интервал между временем, установленным для выкупа отданной в залог земли, и временем перехода прав на эту землю к заимодавцу, составлял около трех лет. Стало быть, в отношении примерного срока ликвидации права на землю и наделения этим правом залоговые операции вполне вписывались в общую регламентацию Свода законов.

Определенные факторы способствовали тому, что отдача земель в залог была наиболее распространенной в Камбодже середины XIX в. земельной операцией. К ней прибегали те нэак тьеа, которые хотели избежать акта продажи своих наследственных земель или не могли рассчитывать на возможность его осуществления. Хотя выкуп нэак тьеа заложенных ими земель имел место крайне редко, но у них оставалась, пусть иллюзорная, надежда выкупить свои земли, в случае же продажи они должны были окончательно расстаться с землей. Акт продажи земли с точки зрения психологии кхмерского земледельца считался даже предосудительным, особенно если речь шла о землях, которые возделывались предками.

Действие психологических факторов намного усиливалось другими, чисто материальными, обстоятельствами аграрной жизни Камбоджи. В условиях большого количества брошенных земель, на которых можно было обосноваться, сколько-нибудь значительную стоимость могли иметь только особо ухоженные плодородные земли, остальные ценились мало. Из этого вытекало, что продажа земель посредственного и низкого качества яв-

лялась и трудным и нецелесообразным предприятием. Отдача же их в залог больше соответствовала тем малым суммам, которые таким путем можно было получить в качестве ссуды, не утрачивая формального права на заложенные земли.

Итак, те лично свободные подданные, которые имели права на какие-либо земли, могли отчуждать эти земли посредством предоставления их в дар, продажи, сдавать их в аренду, отдавать в залог, передавать их по наследству и по завещанию. Однако передача земли, осуществляемая в ходе этих операций, могла стать и оставалась действительной лишь при условии, если новое лицо, получавшее от прежнего права на данный участок, должным образом соблюдало требуемые обязательства, главным из которых оставалась обработка земли.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что перед нами никак не простое занятие земли или пользование ею, а достаточно широкий круг прав, включавших использование земли как объекта хозяйства, юридическую защиту владельца от необоснованных претензий на землю других лиц, имущественное распоряжение землей, которую можно было отчуждать, сдавать в аренду, отдавать в залог и т. д. Наличие такого объема прав более чем достаточно для констатации существования в Камбодже частного землевладения, специфическая черта которого, придававшая ему условный (неокончательный) характер, заключалась в обязанности владельца обрабатывать свою землю.

Исходя из этого можно попытаться ответить на вопрос, что скрывалось за двузначностью терминологии текстов законов, почему одни и те же носители земельного права назывались то занимателями, то собственниками? Очевидно, взаимозаменяемым употреблением обоих терминов законодатель хотел указать на двойственность статуса обладателя частной земли. С одной стороны, имеющий право на землю был ее владельцем (согласно кхмерской юридической терминологии — собственником), и на основании этого своего качества он мог противостоять другим подданным, претендующим на данную землю. С другой стороны, тот же самый обладатель права на землю, обязанный для сохранения права ее возделывать и утрачивающий это право, был только ее занимателем (занимающим землю — в соот-

ветствии с терминологией Свода законов). Этим вторым своим качеством он был обращен к тому, от имени кого земля предоставлялась ему и к кому она официально отходила в случае ее оставления примерно на три года, а именно к государю. Таким образом, юридическая собственность на частновладельческие земли в Камбодже была оформлена на двух уровнях: верховном — монарха и низовом — подданных.

Очень важно отметить, что обработка земли как условие возникновения и сохранения владельческих прав на нее подданными вовсе не обязательно мыслилась кхмерским законодателем как непосредственный труд самого владельца. Во-первых, крам пуок саупхэа (закон о группе судей) давал возможность осуществлять право владения на землю посредством сдачи ее в аренду: «Тот, кто покинул свою деревню, свои поля, свои посадки... если он сдал эти земельные участки в аренду за определенную сумму, которую его арендатор будет ему ежегодно платить, то он имеет право взять свои земли обратно, когда он этого пожелает» [81, т. II, с. 568]. Если же арендованная земля оказывалась брошенной арендатором, то через три года она могла быть занята третьим лицом на общих условиях занятия оставленных земель, а арендатор нес ответственность перед лицом, сдавшим землю в аренду [68, с. 279]. Во-вторых, законы не делали никакого различия между теми, кто обрабатывал свою землю собственными силами, и теми, кто обеспечивал ее обработку посредством чужого труда. Этим они предоставляли возможность поддержания владельческих прав на земли, возделываемые не самим частным владельцем, а другими производителями.

В роли зависимых производителей чаще всего выступали кхньомы (зависимые, утратившие принадлежность к сословию лично свободных подданных, вследствие непогашенного в срок долга или невыплаченного штрафа) [87, т. I, с. 330, 347]. Применение в сельскохозяйственных работах труда кхньомов, живущих при доме господина, создавало редкий для рассматриваемого времени тип эксплуататорского хозяйства таких размеров, которые в той или иной мере выходили за рамки наиболее характерного для страны мелкого землевладения

Гораздо более распространенной в Камбодже формой эксплуатации труда зависимых производителей бы-

ло использование при обработке земель кхньом-крау (зависимых, отпускаемых жить и работать вне дома своего господина). В таком случае, как и при сдаче земель в аренду, средние и крупные земельные владения обычно не представляли собой единого хозяйства, а состояли из удаленных друг от друга отдельных парцелл, аналогичных по типу хозяйствования мелкому земельному владению лично свободных [233, с. 210].

Наличие или отсутствие у частных землевладельцев контингентов зависимых производителей, отношения с которыми не рассматривались в камбоджийском аграрном законодательстве, в действительности было доминирующим фактором фактического положения этих землевладельцев.

Своеобразие трактовки кхмерского частного земельного права заключалось еще и в том, что оно не обусловливалось отношением к фиску и к ежегодной трудовой повинности на государство. Но именно это отношение являлось важным пунктом, определявшим реальное положение частных землевладельцев. Тот факт, что право на владение землей было сформулировано Сводом законов Камбоджи как в равной мере относящееся ко всем возделывавшим землю в частном порядке лично свободным подданным, независимо от их сословной принадлежности и чиновничьего ранга, самым существенным образом корректировался принципами налогообложения и привлечения к государственной трудовой повинности.

При взимании налогов на сельскохозяйственные культуры, а также в ходе привлечения к трудовой повинности, которым подлежали частные землевладельцы сословия нэак тьеа, у них отчуждали основную часть прибавочного продукта. И наоборот, освобождение от налогов и государственных отработок частных землевладельцев из числа привилегированных сословий и чиновничьей иерархии, распространяющееся также на их кхньомов и кхньом-крау, чьим трудом возделывалась часть их земель, означало почти полное поступление создаваемого этими производителями прибавочного продукта в пользу их хозяев. Другие земли привилегированных частных владельцев обрабатывались трудом привлекаемых разными способами лично свободных, но фактически зависимых нэак тьеа или же на условиях

сдачи их в «аренду» нэак тьеа, часть прибавочного продукта которых отчуждалась у них в форме арендной платы,— налоги же с этих земель не взимались вследствие иммунитетов их владельцев.

На категории земель, принадлежащих обрабатывающим их своим трудом крестьянам — экономически самостоятельным, лично свободным частным владельцам (низовым юридическим собственникам) нэак тьеа, подлежащим налогообложению и трудовой повинности,— эти крестьяне в экономическом смысле являлись не собственниками, а владельцами земли, так как у них изымалась рента.

На другой категории земель, частными владельцами (низовыми юридическими собственниками) которых были привилегированные лица, обладающие налоговыми и повинностными иммунитетами и контингентами работников, труд которых использовался на их землях либо на основе их личной зависимости (кхньомы, кхньом-крау), либо на условиях привлечения лично свободных, осуществлялась частная феодальная собственность. Рента с земель данной категории ни в какой мере не причиталась государству, а поступала их частным владельцам, совмещавшим в своем лице и низовых юридических и действительных феодальных собственников в экономическом смысле. В роли таких владельцев выступали имеющие земли представители высших сословий и чиновничества.

Промежуточное положение между крестьянским землевладением и частной феодальной земельной собственностью, тяготея к первой или ко второй из этих категорий в зависимости от конкретного положения с эксплуатацией других производителей и поступлениями ренты в каждом данном хозяйстве, занимали смешанные виды отношений, при которых отдельные землевладельцы нэак тьеа, не будучи освобождены от налогов, использовали на принадлежащих им землях чужой труд, или некоторые, наделенные иммунитетами, частные владельцы земель возделывали их частично собственными силами.

Итак, на одной категории частновладельческих земель с владельцев нэак тьеа взимали ренту в пользу монарха и определенной иерархии сановных лиц. На другой категории земель их частные владельцы из числа

высших сословий и чиновничества сами были рентополучателями.

Такое разительное отличие экономического содержания отношений на разных категориях частных земель от их тождественного юридического оформления на всех частновладельческих землях ни в коем случае не означает, что данное оформление не имело значения. Отсутствие разных юридических формул для характеристики различных отношений на двух категориях частных земель, равно как и стремление избегать явно выраженной дифференциации в определении земельных прав для всех лично свободных подданных, создавали идеальную картину их номинально одинакового отношения к землям, которыми они обладали на равной правовой основе. Такая картина соответствовала идеологическим задачам кхмерского государства.

Нормы земельного права, общего для всех лично свободных подданных, выполняли также и функциональную роль, оформляя определенные элементы реальной структуры собственности на обеих категориях частных земель, относящиеся к принадлежности земель на основе владельческих прав на них. Однако другие элементы действительной структуры собственности на этих землях, состоящие из отношений, раскрывающих экономическое содержание собственности и выражающих ее эксплуататорское существо, были гораздо более значимыми и определялись предоставлением земли в частное владение подданных на совершенно разных условиях — изъятия у них или оставления им ренты с данных земель.

Конкретное и детальное выявление этих условий в двух последующих главах настоящей работы даст возможность реконструировать обе названные составные части структуры истинных отношений собственности и определить ее формы на каждой из категорий частновладельческих земель.

Глава III

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННО-ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА КАТЕГОРИИ ЧАСТНОВЛАДЕЛЬЧЕСКИХ ЗЕМЕЛЬ СОСЛОВИЯ НЭАК ТЬЕА

Чтобы раскрыть форму и попытаться воссоздать структуру феодальной собственности на земли, занятые нэак тьеа со статусом низовых юридических собственников, следует разобраться в том, какие методы отчуждения прибавочного труда (или продукта) непосредственных производителей нэак тьеа сложились на этих землях и кто выступал в роли действительных рентополучателей. Конкретные методы эксплуатации производителей, в ходе которых у них изымали феодальную земельную ренту, осуществлялись в процессе налогообложения нэак тьеа и при мобилизациях их на отработки ежегодной трудовой повинности.

Процедура сбора пон срэу (налога с урожая падди — неочищенного риса), взимаемого с лично свободных владельцев земли нэак тьеа, была однотипно регламентирована во всех четырех Домах коронованных особ Камбоджи. Главой первого Дома, включавшего в себя 35 кхэтов (округов) страны из 50 и имевшего первый (наиболее многочисленный) самрап намэнов (штат чиновников), был сам сдать — суверен всего государства, назначавший или утверждавший глав остальных Домов после своего вступления на престол. Главы второго, третьего и четвертого Домов (и самрапов намэнов), состоявших соответственно из 7, 5 и 3 кхэтов, носили титулы оббайуреатя (отца или старшего брата царствующего государя), оббареатя (младшего брата царствующего монарха) и вореать-тьини (королевы-матери), предоставляемые монархом его ближайшим родственникам [26, с. 21, 31; 72, с. 194].

Право на сбор пон срэу в кхэтах каждого Дома принадлежало главе данного Дома. Кхэты первого Дома

были разделены на пять групп. Каждая из них находилась в управлении одного из пяти главных сановных лиц первого самрапа, выступавших также в роли государственных министров: тьаува, председательствующего на советах министров; йоумареатя, главного королевского судьи; вэанга — главного казначея и управителя королевского дворца; кралахома, ведавшего водным транспортом; тьяакрэя, ответственного за наземные средства передвижения [37, с. 474].

Посты с аналогичной сферой ведения, но в своих территориальных рамках, занимали в остальных Домах чиновники с иными титулами, составлявшие наиболее высокий ярус в данном самрапе, однако, считая от первого Дома к последующим, ранг их в общей должностной иерархии государства соответственно понижался.

Источники, имея в виду высокопоставленных сановников, свидетельствуют о наличии у них «регулярных доходов, происходящих из некоторых еще имеющих силу старых феодальных обычаев» [60, с. 271], и прямо указывают в этом плане на министров первого Дома: «Определенные доходы из провинций оставались полностью или частично каждому из министров» [72, с. 84],— подразумевая кхэты, находившиеся под их началом. Министры первого Дома в той или иной форме должны были получать какую-то часть продукции падди, взимаемой в управляемых ими кхэтах. Ведь сам акт назначения окня луонг кот пон срэу (главного чиновника, посылаемого государем с полномочиями устанавливать квоту налога на падди с подлежащих обложению владельцев земли) совершался сдатем либо по представлению того министра, в ведении которого находились данные кхэты, либо производился вэангом самолично. Другое должностное лицо, ответственное за сбор падди в кхэтах первого Дома — ме-канг (чиновник, посылаемый в качестве носителя указа, предписывающего порядок взимания налога с подлежащих обложению владельцев земли) — представлялось к назначению сдатем двумя чиновниками окня похулла теп и окня пипхэак салэй (главными хранителями амбаров падди первого королевского Дома) [72, с, 234]. Аналогичным образом было поставлено дело в остальных Домах. Оба уполномоченных каждого Дома совместно прибывали во вверен-

ные им кхэты в порядке очередности [26, с. 40; 87, с. 254, 265].

Тьаувайкхэты (правители округов) выделяли одного из своих подчиненных на должность бомро тьаувайкхэта (чиновника, посылаемого правителем округа с полномочиями участвовать в обложении владельцев земли). Каждый из трех полномочных чиновников, направляемых для установления квоты налога на падди с владельцев земли, подбирал себе трех мелких должностных лиц: одного смиена (писаря, участвующего в процедуре налогообложения) и двух тьоэнг пон (прикрепляемых к ним в качестве помощников по сбору налога).

Эти должностные лица объезжали весь кхэт, последовательно посещая его сроки (сельские округи — территориальные единицы, обычно включавшие в себя по нескольку пхумов, деревушек). Они выполняли свои функции на местах при постоянном содействии ме-сроков (старост сельских округ), вручавших им списки налогоплательщиков и принимавших присягу не утаить никого из облагаемых налогом на падди [28, т. I, с. 75].

Согласно установленным правилам, персонал чиновников должен был обойти дома всех нэак тьеа и определить количество падди, ссыпанного в их тьангроуки (амбары, в которых хранился собранный урожай). Даже в случае выполнения этих требований исчисление хранящегося зерна было весьма приблизительным, ибо замер объема тьангроука и его содержимого производили «на глаз». Затем обычно имел место «спор» относительно количества падди: каждая из сторон — чиновники и облагаемый — отстаивали свой вариант, и в итоге принималась «общая» оценка [72, с. 236—237]. Однако сомнительно, чтобы этот персонал должностных лиц действительно обходил все дома налогоплательщиков, обход носил скорее выборочный или символический характер. Есть свидетельства, что иногда дело доходило до того, что посланные и ме-срок сговаривались обо всей величине налога, взимаемого с нэак тьеа данной сельской округи [60, с. 410].

Первой и основной статьей пон срэу была причитающаяся главе Дома десятая часть урожая падди каждого землевладельца нэак тьеа. Второй статьей был срэу баку (доля урожая падди, определенным образом отчисляемая в пользу главных десяти священнослужителей

индуистского духовенства Камбоджи). Статьи третья — шестая фиксировали независимые от величины урожая постоянные доли налогового падди, а именно, срэу баи кандор (доля урожая, взыскиваемая в качестве предусматриваемого возмещения за ущерб при хранении налогового падди в амбарах главы Дома), ангкар тьоэнг пон (доля урожая, взимаемая в пользу этих мелких должностных лиц), ангкар бок тхвеа (доля урожая, собираемая за «открытие дверей» амбаров главы Дома, в которые ссыпали налоговый падди), ангкар луп баньтьи (доля урожая, взыскиваемая за «вычеркивание» из налоговых списков имени уплатившего налог на падди). Статьи седьмая—девятая устанавливали постоянные количества бамбука, тростника, пальмовых листьев и т. д. для строительства хранилищ налогового падди. Статья десятая обязывала каждого налогоплательщика поднести сборщикам кувшин рисовой водки, курицу и т. п. [26, с. 41; 72, с. 238].

Из каждых 10 тхангов собранного урожая (1 тханг составлял примерно 22 кг падди) по первой статье взимался 1 тханг, по второй — 0,5 тханга (составляя при мизерном урожае в 10 тхангов одну двадцатую его часть и увеличиваясь пропорционально, обложение по данной статье достигало своего предельного уровня в 1 тханг при урожае в 20 тхангов), зафиксированные сборы по третьей—четвертой статьям по одному кхсоку (1 кхсок составлял около 2,2 кг падди) и по статьям пятой—шестой — по 0,3 кхсока [26, с. 41]. О сумме взимания по остальным статьям, не выражающимся в зерне, можно судить на основании того, что общая стоимость сборов по статьям седьмой—девятой несколько десятилетий спустя приравнивалась как к стоимости статьи десятой, так и к совокупному обложению по статьям третьей—шестой [72, с. 239]. Есть свидетельство, что с малого урожая, составлявшего не более 20 тхангов, взимали дополнительно еще 0,3 тханга [26, с. 41].

К постатейному обложению прибавлялись полуофициальные приношения и сборы. Каждый нэак тьеа по традиции должен был сделать подношения падди трем главным чиновникам, участвующим в процедуре обложения нэак тьеа налогом на падди. Мы находим упоминание о сравнительно скромной доле окня луонга — 1 кг 800 г в доме каждого налогоплательщика [72,

с. 237]. Надо полагать, к этому количеству приближалось и приношение ме-кангу. Бомро тьаувайкхэт также «имел свою часть» [26, с. 42]. Очевидно, не оставался без подношений и ме-срок. В полуофициальном порядке с нэак тьеа получали разного рода сборы. В пользу окня луонга с них взыскивали плату за публичное чтение королевского приказа о налоге на падди. За счет особого сбора с налогоплательщиков у окня луонга выкупался роунг (подмостки для ритуальных омовений чиновников, посылаемых для налогообложения). Имело место также взимание тхлай сбат (платы в пользу окня луонга за принятие им клятвы у ме-срока о том, что от посланных не будет скрыт ни один из облагаемых) [26, с. 40].

В распоряжении уполномоченных по сбору пон срэу был еще целый ряд приемов для взысканий, рассматриваемых центральной властью в качестве незаконных. Благоприятные возможности для их осуществления предоставляла сама процедура приблизительного исчисления зерна. Окня луонг всегда начинал традиционный «спор» с налогоплательщиком с явного завышения содержимого тьангроука. В той или иной мере снижая потом первоначальную оценку, он мог определенно на что-то рассчитывать. Аналогичными средствами давления на облагаемых располагал ме-канг. Хотя при определении общего количества облагаемого падди он играл вторую роль, но только от него зависело начисление по последним четырем статьям [26, с. 41]. Кроме своего личного обогащения, оба посланных главы каждого Дома должны были преследовать цель передачи части своих поступлений министрам и главным хранителям амбаров, выбор которых предопределял их назначение. Такая же задача стояла перед бомро тьаувайкхэта: «Предполагается, что в большинстве провинций тьаувайкхэты обладают источником доходов в миссии своего бомро» [26, с. 42]. Недаром этот последний чаще принимал сторону нэак тьеа при оценке количества зерна — он мог быть уверенным, что подношения рано или поздно будут ему сделаны, учитывая его постоянное нахождение в кхэте и близость к тьаувайкхэту.

Объектом всех этих поборов мог быть любой нэак тьеа, и, очевидно, были практически почти все. Об их повсеместной распространенности свидетельствуют, во-

первых, частые предписания Свода законов, направленные на пресечение соответствующих антизаконных деяний должностных лиц: «Если они (мелкие чиновники.— *Л. С.)* похитили полностью или частично пон суос (налоги.— *Л. С.*), то они будут наказаны... [81, т. II, с. 266]. «Тот, кто, будучи обязан взимать налоги, доходы и т. п., расхищает их... будет покаран...» [81, т. II, с. 284]. Во-вторых, об этом же говорят многочисленные свидетельства французских авторов о злоупотреблениях при сборе налогов в Камбодже (склонных, правда, в этом отношении сгущать краски): «...Все виды взиманий, поборов применяются высокопоставленными чиновниками, губернаторами и министрами» [85, с. 176]. «Должностные лица и губернаторы... живут за счет совершаемых ими незаконных взысканий, доли, которую они могут найти себе в общем грабеже, возведенном в правило управления на всех ступенях иерархии» [60, с. 270]. «Чиновники занимаются незаконными взиманиями» [36, с. 531; 37, с. 480]. Из обеих категорий источников следует, что эта не санкционируемая законом деятельность сборщиков пон срэу разворачивалась не только в направлении завышения количества падди, взимаемого с нэак тьеа, но и в сторону расхищения зерна, причитающегося главам Домов [72, с. 254].

Последующие за сбором пон срэу операции состояли в том, что налоговый падди всех сроков каждого кхэта доставлялся (под ответственность ме-сроков) в амбар окня луонга, а затем отправлялся в хранилища глав Домов. Хранение зерна в кхэте и отправка его в столицу проводились под контролом тьаувайкхэта, которому полагалась десятая часть всего налогового падди, взимаемого в его кхэте [87, т. I, с. 266]. Нэак тьеа должны были сами оплачивать доставку собранного с них падди в зернохранилища столицы — в некоторых отдаленных местностях издержки по транспортировке обходились налогоплательщикам во столько же, сколько составлял взимаемый с них пон срэу [26, с. 42]. Стремясь избежать этих расходов, нэак тьеа, когда это оказывалось для них возможным, уплачивали налог на падди деньгами. Со стороны центральной власти не было препятствий денежному выражению пон срэу [72, с. 239]. В переходе от натуральной к денежной форме налога проявлялась тенденция к коммутации, развитие которой

ограничивалось как недостаточным уровнем платежеспособного спроса, так и сохранением принципа издольного обложения земледельческой продукции.

Рассмотренная система взимания пон срэу и сопровождающие его поборы ставили нэак тьеа в далеко неодинаковое положение. Уже постатейные ставки обложения приводили к тому, что налогоплательщики, урожай которых был столь мал, что составлял до 20 тхангов (когда доля кхмерского индуистского духовенства приближалась к половине десятины, были более ощутимы статьи, взыскиваемые по постоянной таксе, и налагался дополнительный сбор в 0,3 тханга) [26, с. 41—42], оказывались в наихудшем положении. Нэак тьеа, уплачивающие налог натурой, находились в ситуации тем более тяжелой, чем дальше их земли отстояли от столицы, вследствие расходов по перевозке. В относительно благоприятном положении находились не только те владельцы, поля которых располагались близко от столицы, но и те, кто мог доставить свой падди в близлежащие торговые центры и, продав его (не по заниженным ценам, предлагаемым торговцами на местах), уплатить пон срэу деньгами. В принципе, ситуация нэак тьеа была тем хуже, чем меньше был их урожай и чем соответственно меньшими возможностями для уплаты различного рода взиманий и для откупа от наседавших на них сборщиков они располагали.

Урожай нэак тьеа зависел от размеров и продуктивности земельного участка, обеспечить обработку которого они могли. Принимая во внимание повсеместное распространение в Камбодже женского труда при пересадке и сборе урожая падди, а также соседскую взаимопомощь, обычно применяемую и при указанных работах и при обмолоте зерна, силами одной семьи могло быть возделано (по данным значительно более позднего времени, относящимся к аренде земельных участков, и также с учетом трудовых затрат женщин и обмена днями работы с соседями) от двух до четырех гектаров полей со срэу праса, т. е. падди, засеваемого, пересаживаемого и выращиваемого в период сезона дождей [233, с. 65]. Сравнительно большая амплитуда приведенных размеров определялась различными природными условиями земель, в особенности характером почв и своеобразием водного режима.

Согласно делению самих камбоджийцев, «существует четыре категории рисовых полей: очень хорошие, хорошие, бедные и плохие» [74, с. 414]. По упрощенным суммарным сведениям конца XIX в., записанным А. Леклером, в год хорошего урожая один гектар полей первой категории давал 53 пикуля (1 пикуль содержал примерно 60 кг) или около 3200 кг падди; один гектар второй категории — 40 пикулей или 2400 кг падди; один гектар полей третьей категории — 33 пикуля или 2000 кг падди (для полей четвертой категории исчисление не проводилось) [74, с. 415]. В сравнении со статистическими данными начала 30-х годов XIX в., приведенные цифры выглядят определенно завышенными, но мы пользуемся ими как единственно имеющимися в материалах XIX в., чтобы показать соотношение продуктивности рисовых полей в зависимости от их категории и от того, насколько более или менее урожайным был год. По наблюдениям кхмерских земледельцев, «когда год является плохим, очень хорошие рисовые поля (первая категория.— *Л. С.*) приносят такой урожай как хорошие (вторая категория.— *Л. С.*), а хорошие поля (вторая категория.— *Л. С.*) — такой урожай как бедные (третья категория.— *Л. С.*); когда же год очень плохой, тогда едва лишь очень хорошие поля (первая категория.— *Л. С.*) дают столько, сколько бедные рисовые поля (третья категория.— *Л. С.*), тогда как эти последние (третья категория.— *Л. С.*) дают меньше, чем рисовые поля совсем плохие» (т. е. ниже четвертой категории.— *Л. С.*) [74, с. 414].

Из этого вытекает, что на схему продуктивности рисовых полей в зависимости от категории земли накладывалась еще одна шкала с таким же соотношением урожайностей, уменьшавшихся еще на один уровень в соответствии с тем, насколько менее благоприятным был урожай данного года. Считая, что земли третьей и четвертой категорий не должны были представлять интереса для привилегированных сословий, которые реально могли обеспечить себя землями первой и второй категорий, и учитывая в общем небольшое количество хороших угодий и явное преобладание в Камбодже земель среднего качества, можно утверждать, что для нэак тьеа владение землями первых двух категорий являлось относительно редким явлением. Не часто должны были

обращаться они к обработке земель четвертой категории, ввиду наличия в стране большого фонда брошенных земель, среди которых земель третьей категории всегда было (как мы сейчас увидим) более чем достаточно. Наиболее типичной фигурой, очевидно, являлся нэак тьеа, владеющий землей третьей категории (т. е. «бедными», в соответствии с камбоджийской терминологией, рисовыми полями, именно они рассматривались и именовались как «обычные») [74, с. 417].

Сопоставляя необходимое для минимального потребления крестьянской семьи количество падди с урожайностью указанных выше категорий рисовых полей, А. Леклер приходит к заключению, что кхмерский земледелец «может обеспечить себе жизненные средства в годы с плохим урожаем только в том случае, если он сможет обрабатывать не меньше трех гектаров» [74, с. 417]. Однако следует помнить о завышении в данной его работе показателей урожайности, а также то, что он учитывал здесь уплату в качестве налога одной двадцатой части урожая. Такая оценка А. Леклером минимальных размеров земельного участка, обеспечивающего крестьянскую семью при плохом урожае, не соответствует действительной норме эксплуатации крестьян как для Камбоджи середины XIX в., когда одна только первая статья пон срэу составляла десятину урожая и функционировала описанная выше система других взиманий и поборов с нэак тьеа, так и для периода протектората конца XIX в., когда сохранялся ряд прежних и появились новые средства изъятия прибавочного продукта. Вследствие этого применительно к Камбодже середины XIX в. три гектара рисовых полей не могут считаться достаточными для прожиточного минимума крестьянской семьи в годы с плохим урожаем. Можно согласиться лишь с тем, что частному землевладельцу нэак тьеа, выращивающему падди на трех-четырех гектарах земель III-ей категории, оставалось необходимое для обеспечения жизненного минимума и продолжения простого воспроизводства в годы среднего урожая. А так как большая часть нэак тьеа находилась в положении частных владельцев земель III-ей категории и четыре гектара рисовых полей составляли максимально возможные размеры их участков, они часто, в особенности при плохом урожае, не могли уплатить всю сумму

взиманий, и их увеличивающаяся задолженность кредиторам была чревата для них угрозой попадания в положение лично зависимых кхньомов, то эти факторы должны были непреложно вести к неустойчивости частного землевладения нэак тьеа.

Таким образом, хотя владельческие права на принадлежащие им земли были столь тщательно разработаны юридически, размах действительной эксплуатации на практике подрывал стабильный характер их землевладения. В особенно тяжелом положении находились многие нэак тьеа, которые должны были возмещать свои долги кредиторам количеством отработанных дней. Поэтому они могли быть частными владельцами лишь тех небольших участков, на обработку которых у них оставалось время.

Крестьяне этой последней категории часто оказывались перед лицом катастрофы и в годы с обычным урожаем. Вынужденный уход нэак тьеа с их земель приобрел такие размеры, масштаб которых побуждал законодателей специально принимать меры для его ограничения. В одном месте Свода законов упоминаются «те лица, которые вызывают недовольство жителей местности, их угнетают и вызывают таким способом их переселение» [81, т. II, с. 25], а в другом говорится, что «все должностные лица... должны хорошо управлять государством, чтобы жители не переселялись» [81, т. II, с. 238]. Французские источники также указывают на то, что бегство кхмерских земледельцев было широко распространенным явлением и приводило к созданию большого фонда брошенных земель [55, с. 38].

Так как взимания с налогоплательщиков, производимые сверх постатейного обложения, почти не поддаются прямому учету, то получить представление об их эксплуатации можно, исходя из признания определенной приближенности действительного экономического положения владельцев нэак тьеа к положению арендаторов этого же сословия, чья продукция изымалась только в форме арендной платы.

Относительно времени, близкого к середине XIX в., имеется свидетельство, что практиковалась «сдача земли в аренду на условиях уплаты одной третьей или одной четвертой части собранного урожая» [68, с. 278]. Арендная плата таких же размеров зафиксирована и для

30-х годов XX в. [233, с. 65], что указывает на ее стабильный характер. Правда, в аренду часто сдавались земли хорошего качества (т. е. I и II категорий рисовых полей привилегированных владельцев), основная же масса нэак тьеа обрабатывала посредственные земельные участки (т. е. рисовые поля III категории). Поэтому наиболее вероятным представляется изъятие у большинства нэак тьеа от одной четвертой до одной пятой, а иногда даже только до одной шестой их продукции, в зависимости от качества их земель.

На фоне этих примерных сопоставлений, учитывающих понижающуюся продуктивность кхмерского рисоводства в зависимости от категории земель, встречающееся во французской литературе утверждение о том, что у крестьянина в Камбодже накануне установления протектората изымали три четверти его урожая [234, с. 99], выглядит явно неправдоподобным. Но и приведенные выше приблизительные размеры реального изъятия продукта у нэак тьеа часто превышали допустимую норму их эксплуатации, вследствие чего они и вынуждены были оставлять свои земли.

Рассмотрим теперь, в чье ведение поступала постатейно взимаемая в казну продукция пон срэу (в натуральной и денежной форме) и какие отчисления имели при этом место. Пон срэу, собранный в зерне, доставлялся в распоряжение главных хранителей амбаров падди соответствующего Дома. В первом королевском Доме в этой роли выступали чиновники окня похулла теп и окня пипхэак салэй. Находящийся под их началом кром (ведомство, служба) подчиненных — кром кхлэанг пхоуть салэй занимался получением налогового падди в королевские амбары и по требованию вэанга передавал очередные количества зерна в распоряжение главных хранителей амбаров с очищенным рисом. В первом королевском Доме этими хранителями были должностные лица мук монтрэй и сэрэй акереть, а их подчиненные составляли кром кхлэанг поутьнеа. После приема падди во вверенные им амбары они осуществляли надзор за специальными контингентами работников из числа нэак-нгэар (лично зависимых от государя или от других глав королевских Домов), обязанных очищать поступавший падди, превращать его в собственно рис [26, с. 30]. Хранители амбаров с очищенным рисом вы-

давали его определенные количества в соответствии с распоряжениями вэанга.

О характере распределения или, точнее, раздела падди и очищенного риса из королевских зернохранилищ можно судить по тому, кому, в принципе, поступавшая в казну налоговая продукция предназначалась в первую очередь: «Рисовая десятина всех кхэтов королевского Дома причиталась владыке жизни, земли и воды (сдатю.— *Л. С.*), чтобы кормить его самого, его семью (прэах вонгса.— *Л. С.*), его чиновников (намэнов.— *Л. С.*)...» [28, т. I, с. 75]. Однако источники содержат указания на то, что в Камбодже середины XIX в. казна не могла удовлетворить запросы всех членов семьи государя и его должностных лиц [100, с. 141], так что выдачи непосредственно из королевских хранилищ падди и очищенного риса, очевидно, получали лишь некоторые из них, находящиеся в особой близости к сдатю, остальные прэах вонгса и намэны должны были довольствоваться поступлениями продукции из иных источников, прежде всего с принадлежащих им частных земель или (реже) с должностных наделов. Выдачи зерна из казны получало также близкое ко двору буддийское духовенство: «Наилучший рис выделяется бонзам» [26, с. 30]. Другая часть зерна из королевских амбаров была предназначена для того, чтобы «кормить охранников, работников, рабов и других людей, несущих службу» государю [28, т. I, с. 75], т. е. прежде всего приближенных к нему намэнов и лично зависимых от него многочисленных нэак-нгэар. Должностные лица во время несения охраны и некоторых видов службы, а также все нэак-нгэар, состоявшие на ежедневном довольствии во время выполнения ими обязательных работ в кромах, должны были получать рис уже в готовом для еды виде. Для этого существовал специальный кром «хранителей приготовленного риса» [72, с. 73]. Источники подтверждают факт действительного расходования риса «на питание тех, кто несет королевскую службу, состоит в охране дворца, многочисленных работников, которых король использует и т. д.» [100, с. 168].

В пользу главных хранителей амбаров падди и очищенного риса первого Дома и их подчиненных отчислялась одна десятая часть ссыпанного в них зерна [26, с. 42; 28, т. I, с. 76]. Но они этим не ограничивались:

«Падди и рис королевских амбаров ежедневно расхищались... чиновники не отказывали себе в том, чтобы поживиться» [72, с. 87—88]. В остальных Домах Камбоджи также имели место соответствующие службы хранения падди и очищенного риса (например, «главные хранители амбаров падди и риса» и «хранители приготовленного риса» оббареатья) [72, с. 74] и аналогичная картина официальных отчислений и хищений.

Пон срэу, взимаемый деньгами, в первом королевском Доме поступал в ведение чиновника акара тьенда и находящегося под его началом крома алак (ведомства счетоводов). Акара тьенда был ответствен за хранение именно тех денежных поступлений в казну, которые имели место в результате частичного взимания налога на падди деньгами. Акара тьенда находился в подчинении у тьаува (позднее — у вэанга), по требованию которого он выдавал определенные суммы [26, с. 29].

Аналогичным образом обстояло дело и в остальных Домах. У нас нет никаких сведений об удержаниях главами соответствующих кромов денег из казны каждого Дома, вполне возможно, что им не давалось на это никакого законного права, и им предоставляли (или они находили сами) компенсацию из иных источников.

Какая-то часть урожая успевала попасть к торговцам в течение времени, отделявшего жатву от прибытия чиновников, облагающих нэак тьеа налогом на падди. Чтобы этот падди не оставался необложенным, месрок обязан был препроводить окня луонга ко всем торговцам, скупавшим зерно у нэак тьеа, их амбары должны также были быть замерены и налог соответственно уплачен. Кроме того, с целью не допустить вывоза необложенного падди из кхэтов в указанный промежуток времени, были установлены в определенных местах водных путей береговые таможенные заставы, возглавляемые ме-компонгами (чиновниками, уполномоченными взимать десятину с падди, провозимого со времени жатвы до обложения владельцев земли налогом). Ме-компонги назначались в кхэты вэангом, который отдавал сбор данной пошлины на откуп за ежегодно устанавливаемую сумму [26, с. 42].

Откупная плата с ме-компонгов всех Домов поступала тьаува (позднее — вэангу), который две трети ее отдавал в казну, а одну треть оставлял себе [26, с. 42].

Налогообложение нерисовых культур, выращиваемых нэак тьеа на их землях, не отличалось в Камбодже середины XIX в. единообразием. Поскольку при данном обложении принимались во внимание размеры земельного участка, то это дало повод некоторым французским авторам квалифицировать налогообложение нерисовых культур как «поземельный налог на обрабатываемые земли». Такую точку зрения выражали, в частности, А. Буинэ и А. Полю [36, с. 529; 37, с. 477]. Однако размеры обрабатываемого участка не были здесь определяющим фактором обложения. Они использовались лишь как вспомогательный элемент подсчета, а налог должен был начисляться на основе установления количества растений, причем род культуры свободно избирался земледельцами.

О налогообложении подобного типа можно судить на примере налога на перец, с той только оговоркой, что обложение этой самой ценной в стране культуры было наиболее тщательно регламентировано. Поэтому оно может быть представлено скорее как образец, чем как обычно принятый порядок исчисления квоты налога и его взимания, исходя из количества выращиваемых растений: «Сборщик налога (или его помощник) обходил все посадки перца и подсчитывал все стебли растений... он фиксировал число стеблей производящих растений, с которых должны были уплачивать налог. Через несколько дней он начинал взимание налога» [72, с. 296]. Такая постановка дела в полном объеме имела место только в том ведомстве, которое занималось обложением выращивателей перца. Что же касается других нерисовых культур, то хотя крам похулла теп (закон о сельских правонарушениях) от 1853 г. говорил о том, что имелись разные «виды растений, подлежащие налогообложению» [81, т. II, с. 409], и источники упоминают среди «различных культур» сходного типа обложения, наряду с перцем, также бетель, сезам, арахисовые, шелковицу [60, с. 410; 203, с. 108], но взимание налогов с этих культур в централизованном порядке не производилось. Во всяком случае, служба направляемых из центра окня луонгов, наподобие той, которая имела место при обложении падди, из всех других культур существовала только для перца. Исключением (очень любопытным в плане определенного шага к централизации на-

логового дела, проведенного и, очевидно, легче осуществимого на небольшой территории) было наличие в штатном расписании четвертого королевского Дома должностных лиц, облеченных функциями «взимать десятину на иные, чем падди, продукты земли» [72, с. 75].

В принципе налогообложение разных культур вне рамок центрального фиска должно было как-то тяготеть к рассмотренному выше образцу, «подчиняясь специальной регламентации» начисления и сбора налога с каждой культуры [60, с. 410; 34, с. 99], но о единой системе в масштабе страны говорить не приходится. Есть основания полагать, что сборщики налогов на местах не столько занимались подсчетом выращиваемых нэак тьеа растений, сколько следовали гораздо более упрощенному методу приблизительного определения их количества, исходя из размеров облагаемого участка. Очевидно, именно вследствие этого подобные взимания фигурируют в источниках как сборы с «различных культур согласно размеру надела или числу растений» [28, т. I, с. 77]. Причем указывалось, что эти сборы приняли характер «регулярных налогов» лишь постепенно и в сравнительно позднее время в результате преобразования в налоги «старинных традиционных подношений» [28, т. I, с. 77]. Для огородных культур, таких как батат и фасоль, тыква и огурцы, регулярный налог был введен только около 1870 г. [72, с. 289], из чего следует заключить, что в предшествующие времена формой натуральных поступлений с этих и других менее ценных культур были либо традиционные подношения, либо организованные на этой основе местные сборы.

Вопрос о том, кто именно выступал в роли получателей и сборщиков налогов с различных культур на местах и какие отчисления при этом производились, может быть решен, исходя из общей постановки налогового дела в прежние времена, которая оставалась действующей и в середине XIX в., во всех тех случаях, когда служба окня луонгов введена не была: «Налоги данного района поступали обычно в пользу специальных уполномоченных, главных чиновников, правителей округов с обязательством обеспечить их взимание и отдачу королю (главе Дома.— *Л. С.*) причитающейся ему части» [28, т. I, с. 77]. Ответственным за сбор того или иного налога в определенной местности мог быть любой

прэах вонгса или намэн, получивший соответствующее пожалование от главы Дома, и часто в этом качестве выступали министры или другие крупные должностные лица [72, с. 83—85] (передающие дело непосредственного взимания налога своим уполномоченным).

Право на сбор налогов, не ставших объектом подобных пожалований, могло принадлежать только тьаувайкхэтам (правителям округов), которые и осуществляли его посредством подчиненных им чиновников различного ранга: балатов, снангов, кралапеасов, а также ме-сроков [60, с. 407—408]. В большинстве случаев пожалования налогов лицам, обязанным обеспечивать их взимание, они «из трех частей удерживают одну, а две другие вручают королю (главе Дома.— *Л. С.*)» [26, с. 39—40]. Если же дело сбора налогов выполняли тьаувайкхэты, то им полагалась только одна десятая, а девять десятых следовало отправлять в казну [87, т. I, с. 266].

В отношении полуофициальных и незаконных поступлений в пользу сборщиков налогов с различных культур дело обстояло так же, как при взимании налога на падди, однако общая картина была достаточно пестрой, значительную роль играли местные традиции обложения. «Множество обычных прав, происходящих от старинных местных обычаев, хорошо известных всем заинтересованным лицам... умеряли дух произвола у получивших пожалование на взимание» [28, т. I, с. 77]. Но у тьаувайкхэтов и направляемых ими для сбора налогов их подчиненных было для превышения законных норм (в частности, для завышения числа растений при примерной оценке) больше возможностей, ввиду наличия у них реальной власти на местах.

У нас нет данных о ставках обложения различных культур, за исключением перца: налоговые таксы на перец составляли (накануне перехода сбора этого налога в ведение протектората Франции) одну тринадцатую хорошего урожая, одну десятую среднего урожая и одну седьмую плохого урожая; кроме того, взимали одну десятую вывозимой продукции перца [72, с. 295].

Помимо налогообложения, нэак тьеа должны были от одного до трех месяцев в году отрабатывать реатьеака («королевские работы», как именовалась в Камбодже государственная трудовая повинность). Всем здоровым мужчинам нэак тьеа в возрасте от 18 до 50 лет

предписывалось отбывать на отработки туда, куда их направляли, а в возрасте от 51 до 70 лет вменялись в обязанность менее трудные работы на местах [87, т. I, с. 8; 100, с. 161].

Обычное назначение «королевских работ» состояло в том, что они (в значительно большей степени, чем налогообложение) являлись источником удовлетворения производственных и непроизводственных потребностей кхмерского государства. Крупные ирригационные работы в Камбодже середины XIX в. не проводились, труд нэак тьеа обычно использовали при прокладке дорог, строительстве крепостей, зернохранилищ и т. п. [60, с. 410]. Кроме того, их заставляли рубить лес и заготовлять материалы для строительства дворцов или домов знатных лиц [87, т. I, с. 9].

Когда сдать, главы остальных Домов или их министры находили нужным созвать повинностнообязанных нэак тьеа для выполнения каких-либо работ, они обращались к намэнам, являвшимся главными держателями списков нэак тьеа данного Дома (в первом Доме ими были чиновники окня вонгса тхуппедей и окня сэрэй тхубес реатьеа), в функции которых входил учет отбывания ежегодной трудовой повинности нэак тьеа и передача приказов на мобилизацию очередных партий работников [72, с. 284]. Эти приказы передавались ими мекомлангам (привилегированным лицам, являющимся главами комлангов, т. е. контингентов зависимых персонально от него лично свободных подданных). Комланговыми отношениями были охвачены все нэак тьеа, каждый из них состоял в списках как мэнух-комланг (человек комланга, лично свободный подданный, состоящий в персональной зависимости от определенного привилегированного лица из числа прэах вонгса или столичных намэнов, которого он должен был сам выбирать себе как покровителя). Данная зависимость носила не территориальный, а личный характер [28, ч. I, с. 74]. Такая система мобилизации нэак тьеа на реатьеа-ка предполагала обращение держателей списков ко многим ме-комлангам и нередко носила ступенчатый характер, так как высокопоставленные лица, имевшие большие комланги, прибегали к посредству неай-комлангов [26, с. 43] (своих заместителей в отдельных подразделениях, составляющих часть контингента персонально зависимых от ме-

комланга людей из числа лично свободных подданных), а также осложнялась тем, что мэнух-комланги одного и того же ме-комланга часто были рассредоточены по разным местностям. Стремясь к централизации, сдать Анг Дуонг в 50-х годах XIX в. попытался построить созыв нэак тьеа на трудовые работы на территориальном принципе с опорой на тьаувайккхэтов [72, с. 285]. Отныне держатели списков должны были передавать приказы именно им, но, судя по данным источников, исключить глав комлангов из системы привлечения нэак тьеа к трудовой повинности не удалось [26, с. 44; 68, с. 19].

Особенно показательно следующее свидетельство смешения и переплетения функций тьаувайккхэтов и мекомлангов в деле сбора нэак тьеа на отработки, содержащееся не только в описываемой источником ситуации, но и в фиксирующих ее кхмерских терминах: «Когда речь идет о королевских работах, то случается, что жители какой-либо провинции, когда они не расположены подчиняться приказам тьаувайккхэта, которого они ненавидят, или когда они считают, что их подвергают слишком частым сборам, обращаются в бегство при очередном призыве и массами прибывают в Пномпень укрыться у крупных сановников, к комлангам которых они принадлежат. В подобных случаях тьаувайккхэт также не медлит прибыть в столицу, где он докладывает о положении дел королю, который приказывает крупным сановникам использовать их власть и передать тьаувайккхэту для отработок определенное число своих людей. Этот акт передачи называют так: тьек креас ои тьаувайккхэт, т. е. возвращение тьаувайккхэту людей, которые ему принадлежат» [60, с. 414]. Надо полагать, что нэак тьеа прибывали к главам своих комлангов не только в поисках защиты, но и потому что они уже были мобилизованы на реатьеа-ка также и ими.

Тому, кто был ответствен за сбор нэак тьеа на трудовую повинность, официально причиталась четверть их отработочных дней [87, т. I, с. 10; 36, с. 530, 549].

Порядок призыва нэак тьеа на реатьеа-ка давал в руки ответственных за их мобилизацию также и возможность совершения незаконных актов путем частичной или полной замены государственных работ взиманиями или отработками в пользу чиновников-сборщиков. Источники рисуют следующую картину созыва нэак тьеа

на отбывание трудовой повинности по предписанию, которое привозит королевский бомро тьаувайкхэту: «Даже если король требует лишь 80 или 100 человек, тьаувайкхэт пользуется этим как предлогом, чтобы произвести настоящий налет на деревни своей провинции и заставить привести жителей всех возрастов... Он разрешает затем откупиться всем, кто в состоянии это сделать, и делит с бомро доход от этой операции, часто очень прибыльной, а в Пномпень отправляет бедных, которые не смогли откупиться» [60, с. 411]. Несмотря на возможность преувеличений, цитируемый отрывок в общем верно отражает самый характер сговора и незаконных действий тьаувайкхэтов и уполномоченных из столицы. Централизованный метод мобилизации нэак тьеа не оставлял обделенными и подчиненных тьаувайкхэта, которые «являлись его агентами в деле мобилизации и производили личные взимания, передавая свои приказы ме-срокам» [60, с. 408]. При другом способе сбора нэак тьеа на отработки посредством ме-комлангов практика злоупотреблений наблюдалась в смягченной форме: «Часто люди из народа делали своим неай-комлангам подношения натурой — рисом, курами, утками. Этот последний сохранял себе одну часть, две передавал главе комланга. Многие люди из народа благодаря этим подношениям избегали королевских работ» [26, с. 44].

Лица, ответственные за мобилизацию нэак тьеа, могли также потребовать от них дополнительных работ в свою пользу или же — за незаконное освобождение от реатьеа-ка — полного объема отработок на себя. Так, местные чиновники «заставляли подлежащих трудовой повинности работать на себя» [72, с. 287]. Особый интерес представляют для нас сведения о том, что вместо отправки на государственные работы нэак тьеа отрабатывали на рисовых полях тьаувайкхэтов [72, с. 242, 253].

Эксплуатация земледельцев нэак тьеа посредством взимания с них налогов и сопутствующих им дополнительных неофициальных поборов означала производимое специфическими феодальными методами и осуществляемое через государственный аппарат отчуждение большой части прибавочного продукта крестьян. Отчуждаемый таким образом прибавочный продукт представлял собой феодальную ренту в натуральной (или в денежной) форме, присваемую рассмотренными в данной

главе определенными непроизводящими категориями камбоджийских привилегированных социальных слоев.

Такая оценка характера налоговой эксплуатации непосредственных производителей в земледелии Камбоджи позднего средневековья опирается на теоретическое наследие К. Маркса, в частности, на рассмотренную им возможность отождествления государственного налога и ренты на Востоке: «Рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты» [5, т. 25, ч. 2, с. 354].

Выявленная феодальная рента слагалась из двух частей. Первую часть ренты составляла продукция, собираемая согласно статьям налога. Ко второй части ренты следует отнести все дополнительные поборы, неофициально взимаемые в ходе налогообложения и в связи с ним. По сравнению с первой, вторая часть ренты была не столь регулярна и менее стабильна в отношении поступления отдельных ее долей, но по своему удельному весу эта вторая часть, как мы показали, приближалась к первой.

Централизованные способы отчуждения прибавочного продукта и распределения его через казну в пользу отдельных рентополучателей сочетались с частным получением ими ренты в виде непосредственных отчислений с налоговых сборов в пользу чиновников фиска. Со стороны этих последних весьма часто имело место также незаконное частное присвоение, которое происходило как прямое изъятие прибавочного продукта производителей его получателями — сборщиками налогов, делившими эти доходы с более высокими чиновниками, от которых они зависели. Такие рентополучатели не имели возможности для трансформации в частных феодальных собственников, так как (в отличие от позднесредневекового Вьетнама) [ср. 189, с. 46, 176] получение ренты осуществлялось не на основе предоставления каждому из них определенной территории в качестве налогового кормления. Поэтому их существование в качестве рентополучателей было неотделимо от административно-фискальных органов государственного аппарата, к которым они принадлежали.

Получателями первой части ренты в форме отчислений от официальной постатейной налоговой продукции

были сдать, главы остальных Домов, министры, высший слой кхмерского индуистского духовенства. К остальным получателям этой части ренты, труднее поддающимся конкретному выявлению, должны быть причислены те прэах вонгса, дворцовые намэны, а также близкое ко двору буддийское духовенство, которым их доли с определенной обязательностью выдавались через казну.

Столичные чиновники, состоявшие в ведомствах взимания, хранения и выдачи налоговой продукции, а также правители округов и ряд других провинциальных должностных лиц, являлись получателями как первой, так и, особенно, второй части ренты, состоящей из неофициальных поборов. Хотя первая часть ренты поступала получателям преимущественно через казну, это было формой ее раздела, ибо она, в сущности, не могла быть поделена принципиально иначе.

Могут быть высказаны и другие точки зрения о том, что официальная часть налогов причиталась только государству, предоставляющему ее определенным лицам, или монарху, который частично делился ею со своими родственниками, чиновниками, приближенными. Однако подобные взгляды следует отклонить, как создающие неправомерные представления о роли государства или о монархе как о единственном законном рентополучателе, делящем доходы по своему усмотрению. Предлагаемый подход лучше раскрывает истинный социальный спектр поступления ренты, учитывая также раздел неофициальной части взиманий, присвоение которой осуществлялось помимо или даже вопреки воле суверена.

Эксплуататорский рентный характер налогообложения нэак тьеа проявляется также и в том, что лишь незначительная часть поступавшей в казну продукции расходовалась на общегосударственные нужды (содержание некоторых административных служб). Своекорыстное потребление остальных поступлений главами Домов (дворцовые расходы), а также существующих выдач, отчислений и неофициальных взиманий отдельными рентополучателями, сомнению не подлежит.

Изымаемый в процессе налогообложения и сопутствующих ему поборов прибавочный продукт кхмерских земледельцев нэак тьеа не составлял всей совокупности уплачиваемой ими ренты. Остальная часть взимаемой с них совокупной феодальной ренты добиралась опреде-

ленными категориями лиц, имеющими отношение к мобилизациям нэак тьеа на выполнение ежегодных трудовых королевских работ. Показанные выше случаи трансформации обычного назначения государственной трудовой повинности в подношения натурой или в денежный выкуп за освобождение от королевских работ означали изъятие у нэак тьеа прибавочного продукта. При всем своеобразии данных методов отчуждения, лица, осуществляющие его (столичные посланные, главы комлангов, местные чиновники), являлись получателями феодальной ренты в натуральной или денежной форме. Производимое вне законного регламента частичное превращение государственных отработок в денежный выкуп можно рассматривать как проявление тенденции к коммутации трудовой повинности (она была полностью заменена фиксированными денежными сборами в первые годы протектората Франции, когда законодательная инициатива еще в значительной мере исходила от кхмерской королевской власти). В случаях же, когда прибавочный труд нэак тьеа в виде компенсации за освобождение от государственных работ отчуждался в форме отработок в земледельческие хозяйства правителей округов или других лиц, ответственных за мобилизацию, просматривается тенденция к трансформации трудовой повинности в частную феодальную ренту в ее отработочной форме.

Формы и методы отчуждения прибавочного труда (или продукта) у земледельцев нэак тьеа посредством налогов, поборов и как эквивалент отбывания ими трудовой повинности позволяют рассматривать выделенные категории рентополучателей как совокупный субъект, а земли нэак тьеа как объект государственно-феодальной формы собственности. В отношении субъекта данной собственности ее характер проявляется прежде всего в том, что монополией на потенциальную принадлежность к нему обладали высшие сословия и чиновничество феодального государства. Эта возможность реализовалась занятием определенных позиций в сановно-бюрократической иерархии, приносящим им соответствующие доли ренты. Причастность к субъекту собственности ни для кого из рентополучателей, даже для монарха, не передавалась по принципу прямого наследования. Согласно камбоджийской системе престолонаследия новый сдать

избирался из числа прэах вонгса, в соответствии с чем менялись и главы остальных Домов и порядок близости к трону остальных его родственников, что означало перераспределение среди них частей ренты. Состав рентополучателей из государственного аппарата отличался более частой персональной сменяемостью. Обновление его происходило с каждым смещением и назначением лиц на должностные посты, связанные с поступлениями ренты. Своеобразной чертой исследуемой формы собственности является, таким образом, множественный и переменный состав (личная сменяемость и неустойчивое положение) тех, кто входил в ее субъект. Данная специфика не лишает, однако, рассматриваемую форму свойств собственности в экономическом смысле. Ведь изменение состава рентополучателей не меняло ни способа взимания ренты, ни существа ее раздела среди тех или иных персональных представителей класса феодалов. Совокупный характер нередко присущ феодальной собственности и раскрывается «в соучастии различных лиц и социальных групп в присвоении материальных благ от одного и того же объекта собственности» [143, с. 27].

Государственно-феодальный характер данной собственности раскрывается и в том, что относящиеся к ее субъекту социальные группы присваивали материальные блага от одного и того же объекта, состоящего исключительно из земель крестьян сословия нэак тьеа, отделенных от земли, как от собственности указанных получателей ренты, но соединенных с ней как со средством производства, со своим владением (в экономическом значении этого термина).

В условиях, когда непосредственные работники нэак тьеа не прикреплялись к земле насильственными мерами, их низовая юридическая земельная собственность выполняла любопытную функциональную роль, оформляя их прикрепление к земле на основе экономического принуждения. Ведь нэак тьеа являлись низовыми юридическими собственниками лишь обрабатываемой ими земли, и они переставали ими быть в случае оставления земель. Принятие статуса таких собственников не навязывалось нэак тьеа, оно было для них экономической необходимостью, побуждавшей их выступать в данном качестве, ибо иначе они не могли получить землю как условие производства. Хотя статус низовых юридиче-

ских собственников номинально не вменял им никаких обязательств, кроме обработки земли, однако сочетание его с сословными обязанностями нэак тьеа по уплате налогов и несению трудовой повинности вовлекало их в орбиту также и внеэкономического принуждения: только посредством его методов достигалось отчуждение прибавочного продукта у лично свободных и хозяйственно самостоятельных земледельцев нэак тьеа.

Таким образом, одну часть структуры разбираемой собственности составляли действительно осуществляющиеся отношения присвоения указанными выше категориями рентополучателей частновладельческих земель нэак тьеа. Своеобразие оформления этих отношений совокупного субъекта собственности к ее объекту состояло в том, что верховным юридическим собственником земли являлся только один из рентополучателей — государь, тогда как в роли низовых юридических собственников выступали сами непосредственные производители нэак тьеа. Именно их низовая юридическая собственность очерчивала границы государственно-феодальной собственности на землю, так как через посредство зафиксированного за нэак тьеа права на всю совокупность обрабатываемых ими земельных владений эти последние фактически закреплялись за получателями ренты — субъектом данной собственности. Отношения же между получателями ренты и непосредственными работниками нэак тьеа, у которых они ее изымали в виде налогов, поборов и в качестве эквивалента за освобождение от трудовой повинности, т. е. отношения присвоения прибавочного труда (или продукта), отчуждаемого у производителей, выражающие экономическое содержание и эксплуататорское существо собственности, составляли другую, более важную часть структуры государственно-феодальной собственности на землю в Камбодже. С точки зрения кхмерских юридических установлений этот комплекс социально-экономических отношений был вынесен за пределы связей, оформляемых собственно земельным правом. Данные отношения фиксировались в публичном праве как сословные обязанности нэак тьеа и как привилегии элиты родственников монарха, представителей служилого слоя и духовенства, обусловленные их позицией или функцией в сановно-бюрократической иерархии.

Глава IV

ЧАСТНОФЕОДАЛЬНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ НА КАТЕГОРИИ КРУПНЫХ И СРЕДНИХ ЗЕМЕЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ ВЫСШИХ СОСЛОВИЙ И ЧИНОВНИЧЕСТВА

С номинально правовой точки зрения частные землевладельцы из высших сословий и чиновничества были, как и нэак тьеа, низовыми юридическими собственниками действительно занимаемых ими земель, также обладая ими на основе общего для всех лично свободных подданных норм земельного права под эгидой прерогатив государя как верховного юридического собственника всех земель страны. Однако в отличие от того, что имело место на первой категории частновладельческих земель, где юридические собственники сословия нэак тьеа сами были непосредственными производителями, юридические собственники крупных и средних земельных владений из числа высших сословий и чиновничества осуществляли обработку своих земель посредством эксплуатации труда других лиц.

Следует отметить, что вовсе не все лица из высших сословий и чиновничества имели частные земли, а те, у кого они были, конечно, далеко не всегда являлись средними или крупными землевладельцами. Если мелкие землевладельцы, относящиеся к нижнему слою привилегированных сословий, обладая налоговыми и повинностными иммунитетами, сами возделывали свои частные земли, то их можно рассматривать как трудовых собственников — особую привилегированную прослойку крестьянства, не эксплуатируемую в сфере феодальной земельной собственности. В случаях, когда лица из этих сословий обрабатывали свои незначительные частные земельные владения частью своими силами и частично эксплуатацией небольшого объема чужого труда, то существовали смешанные виды отношений, занимавшие

промежуточное положение между трудовой и эксплуататорской феодальной собственностью.

Если же крупные и средние землевладельцы из высших сословий и чиновничества обладали полными налоговыми иммунитетами и взимали в свою пользу весь объем ренты со своих земель, обрабатываемых только посредством труда других лиц, они были частными феодальными собственниками земли.

Исследование частной феодальной земельной собственности со стороны раскрытия социального диапазона формирования ее субъектов (т. е. установления тех слоев общества, к которым принадлежали крупные и средние частные землевладельцы) будет проводиться в тесной связи с выявлением объекта данной собственности (т. е. действительного наличия определенных земель, находящихся в частном владении этих субъектов).

Ни камбоджийское законодательство, ни нарративные источники не выделяют из общей массы частных земель, принадлежащих владельцам на основе их обработки, земельных владений высших сословий и чиновничества. Поэтому судить о наличии фонда этих земель и о способах их формирования мы можем лишь на основании косвенных показаний, содержащихся как в Своде законов, так и у наиболее обстоятельных французских авторов.

Факт действительного существования земель высших сословий проявляется прежде всего в упоминаниях источников о налоговых иммунитетах землевладельцев этих сословий. Свидетельства французских авторов о том, что «члены королевской семьи... не должны платить десятину с продукции, которую приносят их земли» [68, с. 4], и «они не платят ни десятины, ни налогов» [28, с. 62], должны рассматриваться, как доказательство наличия фонда именно частных (а не должностных) земель прэах вонгса (близких родственников монарха по пятую степень родства с ним), так как в Камбодже середины XIX в. королевские родственники весьма редко занимали посты в государственном аппарате и не обладали должностными наделами. Реальное существование частных земель прэах вонг (членов сословия отдаленных родственников государя Камбоджи, выходящих за пределы пятой степени родства с ним) упоминается в том же контексте, причем ясное указание на наследственный ха-

рактер этих земельных владений исключает возможность того, что в данном случае могли иметься в виду должностные земли, так как последние по наследству не передавались: «Прэах вонг... освобождены от королевских отработок и не платят никаких сборов» [87, т. I, с. 326]. «Эти отдаленные родственники короля не платят десятины с продукции и освобождены от королевских работ... земли, которыми они владеют, они наиболее часто унаследовали» [68, с. 7—8]. «Прэах вонг... были более или менее освобождены от налогов и королевских работ...» [28, т. I, с. 62]. «Отдаленные родственники короля были освобождены от налога на рис» [28, т. I, с. 76].

Из приведенных выдержек с достаточной определенностью вытекает, что и прэах вонгса и прэах вонг располагали частными земельными владениями, однако из них не следует, что такие земли обязательно были у каждого представителя этих сословий. Но несмотря на это и на то, что в обоих случаях речь идет только о родственниках или потомках кхмерских государей, фонды их земельных владений были немалыми.

В условиях полигамии «семья» сдатя, состоящая из его родственников по пятое колено, была весьма многочисленной: «Нынешний король,— писал о Нородоме Жан Мура,— которому еще нет 54 лет, имеет более 15 детей; его братья имеют соответственное число детей; старший из детей Нородома уже имеет четырех или пятерых детей» [87, т. I, с. 325]. «Королевская семья включает или может включать, когда она является полной: дедов и бабок короля, его отца и мать, его жену или жен, его дядей и теток, его братьев и сестер, его сыновей и дочерей, их супругов или супруг, его двоюродных братьев и двоюродных сестер, его племянников и племянниц, т. е. приблизительно 200 персон...» [68, с. 4]. На основании этих данных можно не только увидеть примерную численность сословия прэах вонгса, но и представить себе, до каких размеров должно было разрастись сословие отдаленных королевских родственников прэах вонг.

Прэах вонгса были сосредоточены в столице, а «прэах вонг... весьма многочисленны в некоторых сельских областях Камбоджи...» [28, т. I, с. 62]. Близкие родственники государя имели различные источники дохода, включая причитающиеся некоторым из них выдачи

из казны, а «отдаленные родственники короля... не получали никакого обеспечения от монарха и жили, в основном, на доходы от их земель» [68, с. 8].

Можно утверждать, что для прэах вонгса, являющихся рентополучателями в сфере государственно-феодальной собственности на землю, наличие частных земель не было обязательной нормой их социального существования. Это, конечно, не означает, что обилие других поступлений побуждало их отказываться от своих наследственных владений. Просто те из них, которые не унаследовали земли, могли удовлетворять свои потребности и без нее.

Не так обстояло дело с сословием прэах вонг, члены которого могли стать получателями ренты в системе государственно-феодальной собственности, только приобретя чиновничий статус (что не было распространенным явлением). Отсутствие других привилегий, наподобие тех, которыми обладали близкие королевские родственники, делало владение частными землями настоятельной необходимостью их существования.

Как и у прэах вонгса, земельные владения прэах вонг являлись объектом не только юридической, но и фактической их собственности, ибо земельная рента с них полностью поступала только им. Но значительно меньшие, чем у близких королевских родственников, возможности для привлечения чужого труда на их земли позволяли лишь верхнему слою прэах вонг достигать положения эксплуататорских собственников, а нижний слой этого сословия составляли трудовые собственники — «простые крестьяне, работающие как все камбоджийцы» [28, т. I, с. 62]. Видимо, некоторые прэах вонг являлись собственниками смешанного, эксплуататорско-трудового типа, ибо на их землях эксплуатация других лиц сочеталась с их собственным трудом.

Намэны (чиновники), составляющие самрапы (штаты) четырех Домов коронованных особ Камбоджи, также обладали значительным фондом частных земель. Источники содержат сведения о том, что чиновники «собирали продукты со своих земель» [68, с. 30]. То обстоятельство, что многие намэны, относящиеся к определенным звеньям бюрократического аппарата, составляли основное число рентополучателей в системе государственно-феодальной собственности, не создавало та-

кой ситуации, при которой они не стремились бы также и к частным землям.

Наиболее показательным в этом отношении являлось положение тьаувайкхэтов (правителей округов). Данные о наличии у них частных земельных владений мы находим наряду со сведениями о поступлениях им ренты в рамках государственно-феодальной собственности и получаемых ими доходах с полностью сосредоточенных в их руках местных «полей должностей» [72, с. 242].

Занимая соответственно все менее значительные позиции в сфере государственно-феодальной собственности или даже вовсе лишенные их и не имея должностных наделов, остальные провинциальные намэны испытывали гораздо более настоятельную потребность в получении ренты со своих земель. Тесная связь с их частными земельными владениями, принадлежащими им и наследуемыми ими на основе обеспечения обработки земли, была присуща этому чиновничеству, проживающему исключительно в сельской местности. Сохранение и увеличение частных земель было продиктовано провинциальным намэнам непрочностью их должностного статуса и, стало быть, их положения в системе государственно-феодальной собственности: любой, особенно новый, правитель округа мог частично или полностью изменить персональный состав своего аппарата. Нижний ярус местной иерархии чиновников, видимо, имел меньшие, а верхний — большие возможности для привлечения на свои частные земли труда других производителей.

В отличие от местного чиновничества, связь столичных намэнов с частными земельными владениями не была столь неразрывной. Все они постоянно проживали в столице, и положение тех из них, которые являлись рентополучателями в системе государственно-феодальной земельной собственности, приносило им существенно большие доходы и было значительно более прочным. Не будучи наследственными, крупные чиновничьи должности в своей совокупности фактически оставались в руках одних и тех же семей: «В действительности набор (новых намэнов.— *Л. С.*) производился главным образом среди их собственных сыновей» [87, т. I, с. 249; 28, т. I, с. 65]. Все же их личная сменяемость зависела от воли суверена, который назначал должностных лиц высокого ранга, а они, в свою очередь, подбирали себе

подчиненных. Поэтому стабильность их персонального положения, а также резерв на случай смещения с должности, наилучшим образом могли обеспечиваться ежегодными поступлениями ренты с частных земель.

Хотя налоговыми иммунитетами официально обладали только «высокие должностные лица» [28, т. I, с. 76], но фактически они распространялись почти на всю бюрократию: «Чиновники, провинциальные и столичные, избегали уплаты налога на рис» [72, с. 242].

Частные землевладельцы из числа крупных и средних должностных лиц были как юридическими, так и фактическими земельными собственниками.

Чиновники, постоянно находящиеся в столице, для сохранения своих наследственных земельных владений на основе норм частного земельного права, предусматривающих обязательное возделывание земли, поручали дело обработки земли своим проживавшим в провинции родственникам или лично зависимым [72, с. 243].

Определенный фонд частных земель принадлежал также преамам или баку (членам сословия кхмерского индуистского духовенства) — в середине XIX в. они составляли несколько сот семей [100, с. 161; 26, с. 36]. Рядовые преамы проживали в сельской местности, где они вели земледельческое хозяйство: «Баку работают, обрабатывают землю... как другие жители» [28, т. I, с. 63]. Поскольку их земли были свободны от налогообложения [68, с. 12], они либо являлись объектом их трудовой собственности, либо представляли собой смешанный тип земельного владения, в котором труд собственника сочетался с эксплуатацией небольшого числа лично зависимых. Основной функцией рядовых преамов было их поочередное (партиями) прибытие в столицу для охраны Священного меча и ряда других атрибутов кхмерской монархии. Кроме того, находясь при королевском дворе, они принимали участие в церемониях, которыми руководили прэах борохеты — главные священнослужители кхмерского индуистского духовенства (их было около десяти) из числа преамов постоянно проживающих в столице. Прэах борохеты назначались государем. Они могли не только сохранять свои наследственные земли, поручив их своим родственникам — рядовым преамам, проживавшим в провинции, или другим лицам, но и обладали большими возможностями их расширения, ввиду

наличия у них множества привилегий [87, т. I, с. 214—218; 28, т. I, с. 64]. Нет данных о том, что частные земельные владения обязательно имелись у каждого из них, но, коль скоро они были, чисто эксплуататорский характер такой собственности сомнению не подлежит.

Итак, в Камбодже середины XIX в. существовал фонд частных крупных и средних земельных владений, принадлежащих части прэах вонгса, высшему слою прэах вонг, части столичных и большинству провинциальных чиновников и некоторым первосвященникам кхмерского индуистского духовенства. Рента с этих земель полностью поступала их обладателям, частным феодальным земельным собственникам.

Формирование определенной части этого земельного фонда восходит ко времени, весьма далеко отстоящему от изучаемого в данной работе периода, когда кхмерская монархия наделяла частными землями членов семьи сдатя, его потомков, его священнослужителей или его чиновников. В одном из недатированных законов, относящихся, очевидно, к XVII в., специально оговаривался наследственный характер королевских земельных дарений даже в том случае, если они были предоставлены за отличия на государственной службе,— таким образом эти земли отграничивались от должностных наделов, не передаваемых по наследству: «Если государь вознаграждал кого-либо, кто отличился на службе, дав ему срэ пранг (поля для выращивания риса в сухой сезон.— *Л. С.)*, срэ праса (поля для выращивания риса в сезон дождей.— *Л. С.*), посадки или что-либо другое, то все это после смерти родителей останется детям и последующему потомству, однако животные, драгоценности и т. п., данные государем, должны быть ему возвращены по смерти должностного лица, так как они были вручены в соответствии с чином» [81, т. I, с. 374—375]. Показательно, что в цитируемом тексте речь идет не о необрабатываемой земле или о земле вообще, а о рисовых полях или о посадках каких-либо других сельскохозяйственных культур, т. е. о возделываемых землях.

Источники рассматриваемого времени содержат свидетельства пожалования сдатем культивируемых земель лишь на условиях их предоставления новым владельцам за их реальную стоимость. Это имело место тогда, когда земли, отнятые у их прежних владельцев в ре-

зультате прямого волеизъявления государя или конфискованные его судьями в наказание за правонарушения, жаловались новым лицам из числа родственников или соседей их бывших обладателей на условиях фактической покупки [68, с. 262, 273—274; 223, с. 96]. Следует напомнить, что цены на землю были невысокими, а к акту продажи сами землевладельцы прибегали достаточно редко. Что же касается земель, невозделываемых в данное время, то дарение их государем в Камбодже середины XIX в. было лишено всякого смысла, ввиду обилия в стране оставленных, ранее обрабатываемых земель [55, с. 38]. Приобрести эти земли привилегированные лица вполне могли и без прямого королевского дара, на основе норм частного земельного права, распространявшихся на всех лично свободных подданных. Впрочем, вступление во владение ими рассматривалось как наделение землей из фонда сдатя, безраздельного юридического собственника всех земель, не имевших действительных владельцев-подданных [81, т. II, с. 617].

Аграрное законодательство, требующее обязательной обработки частных земель для создания и сохранения владельческих прав на них, никак не расходилось с интересами высших сословий и намэнов. Во-первых, оно допускало возделывание земли не только самим частным владельцем, но и трудом других привлекаемых им лиц. К тому, что уже говорилось по этому поводу (в частности, о сохранении прав на землю, сданную в аренду) в главе второй, добавим здесь следующее положение из Свода законов, раскрывающее поощрительную политику, проводимую центральной властью по отношению к тем, кто мог обеспечить привод какого-либо контингента работников для увеличения своих земельных владений: «Тот, кто приводит людей, чтобы распахать рисовое поле, срубить деревья, большие и малые... чтобы увеличить свой земельный участок, свои земли... будет в некоторой мере вознагражден» [81, т. II, с. 249]. Во-вторых, некоторые статьи законов предусматривали отклонения от обычно принятого правопорядка, допуская претензии прежнего частного владельца спустя боле чем три года после оставления земли, если не на саму землю или ее стоимость, то, по крайней мере, на компенсацию произведенных работ или на часть собираемой новым землевладельцем продукции,— претензии,

которые могли предъявлять скорее привилегированные лица (например, выполняющие какую-либо миссию), чем рядовые подданные:

«Если кто-либо покидает свое жилище или свой земельный участок, чтобы отправиться с миссией, или захвачен врагами, и если через девять, десять лет кто-либо еще приходит туда обосноваться, то не следует отбирать у него этот земельный участок... Но если не прошло, по крайней мере, десяти лет законного срока, тогда, даже если последний занимающий посадил плодовые деревья, огородные растения, то первый занимающий, возвратившись, может, если он согласен, жить здесь вместе с последним занимающим; если же он отказывается совместно жить на этом участке, то он не может потребовать у своего преемника стоимость своего земельного участка; он может лишь обязать его уплатить стоимость своего дома и стоимость произведенных им работ по осушке и разравниванию земельного участка, корчеванию деревьев и стоимость посаженных им плодовых деревьев... Если же первый занимающий не хочет продать ни свои плодовые деревья, ни другие растения, а объявляет о своем желании оставить их последнему занимающему, с тем чтобы он их охранял и за ними присматривал, то следует плоды всех деревьев делить на две равные части: одна из них будет принадлежать тому, кто деревья охраняет и за ними присматривает, а другая часть пойдет собственнику или первому занимающему. Кроме того, в том случае если первый занимающий не обязал второго уплатить цену осушки, разравнивания и корчевания, то первому занимателю будет причитаться две трети из плодов всех деревьев, а одна треть тому, кто их охраняет и за ними присматривает» [81, т. II, с. 407—408].

Обозначенный в данной статье крам похулла теп от 1853 г. «законный срок» в девять—десять лет, по истечении которого перечисленные в статье претензии во внимание не принимались, был меньше сроков потери всякого права на землю, указанных в недатированном (но, несомненно, более раннем) законе крам пуок: «Если кто-либо покинул свою деревню, свои поля с рисом, выращиваемым в сезон дождей или в сухой сезон... свои посадки, свои поля 15, 20 или 30 лет тому назад, и если какое-либо лицо обращается к пхнэак-нгэарам (спе-

циальным местным уполномоченным столичных чиновников) и получает от них разрешение жить на этих участках, присматривать за посадками, засеивать рисовые поля, возделывать поля, покинутые много лет тому назад, то это хорошо. Если, следовательно, первый собственник, видя, что эти земельные участки стали прекрасными, потребует их по прошествии названных сроков, то судья должен будет отказать ему в иске, в соответствии с законом...» [81, т. II, с. 568].

Наряду с прямым пожалованием земель государем, не очень часто практикуемым в Камбодже середины XIX в., и предоставлением свободной земли на основе ее занятия и обработки, которое в рассматриваемое время, несомненно, было основным способом [203, с. 108—109] формирования всякого (в том числе крупного и среднего) частного землевладения, методами расширения земель было их приобретение посредством покупки (редко) и получения в залог. Из всех законодательно допустимых земельных операций, которые производились между кхмерскими землевладельцами, залоговые сделки были наиболее распространены [60, с. 514]. Осуществляемые с целью получения займа под залог земли, эти сделки предусматривали либо уплату процентов заемщиком, либо погашение процентов как компенсацию за использование земли заимодавцем [81, т. II, с. 412]. В первом случае земля переходила в юридическую собственность кредитора, если должник не погашал свой долг в установленный срок [81, т. II, с. 417—418]. Во втором случае «держатели этих рисовых полей их обрабатывали, засеивали, собирали урожай, получая таким образом проценты с сумм, ссуженных ими или их родителями владельцам данных земель» [68, с. 280]. Поскольку за таким переходом земельных участков получателей ссуды в хозяйственное использование кредиторов чаще всего не следовал выкуп залога, то имела место его фактическая передача. Это был путь, посредством которого увеличивался фактический земельный фонд, возделывая данные земли посредством чужого труда и получая с них ренту, привилегированные лица были их фактическими (но не юридическими) собственниками.

Следующий способ расширения земель привилегированных, прежде всего власть имущих лиц, состоял в отторжении земельных владений нэак тьеа в результате

их прямого захвата, не санкционированного законом. Ряд текстов Свода законов, осуждающих такого рода действия чиновников, убедительно свидетельствует об их наличии [81, т. II, с. 266, 284]. Захваченные земли могли стать юридической собственностью присваивавших их лиц лишь спустя три года после сгона прежних владельцев, но эти лица становились фактически собственниками, как только они начинали получать ренту с данных земель на основе их обработки трудом других производителей.

Имели место еще два способа наращивания земельных фондов, связанные с обладанием кхньомами и каун кхмуои. Один из них осуществлялся тогда, когда кхньомы (зависимые, утратившие принадлежность к сословию лично свободных) или каун кхмуои (зависимые, сохраняющие свою принадлежность к сословию лично свободных) входили в свое состояние лично зависимых вместе со своими землями, которые они, с разрешения их хозяина, продолжали обрабатывать. Второй способ реализовался при осваивании кхньомами (или каун кхмуои), с ведома их господина, земель на стороне [28, т. I, с. 98]. Вопросы, связанные с фактической и юридической собственностью на эти земли, целесообразно рассмотреть позже, после подробного ознакомления с положением кхньомов и каун кхмуои.

Крупные и средние феодальные собственники осуществляли обработку всех своих земельных фондов посредством эксплуатации труда как лично зависимых от них кхньомов и каун кхмуои, так и свободных подданных сословия нэак тьеа.

Сведения французских авторов относительно общего количества «рабов» — так обычно именовали они все категории населения, находящегося в личной зависимости, включая сюда и нэак-нгэар (лично зависимых от государя или от других глав королевских Домов) — в Камбодже середины XIX в. колеблются, составляя от одной десятой до одной трети всего населения страны [40, с. 9; 100, с. 161]. Если принять, как наиболее достоверные, размеры их численности в одну пятую населения, приближающиеся к середине указанных данных, и вычесть из этого примерное количество нэак-нгэар — согласно официальным данным протектората в 70-е годы XIX в., уменьшившись, оно составляло около

одной двадцатой населения [87, т. I, с. 332] — то следует признать, что общее число кхньомов приближалось к одной шестой населения страны. По своему удельному весу в населении кхньомы были на втором месте после нэак тьеа.

Кхньомы происходили главным образом из бедных слоев сословия нэак тьеа. Их ряды формировались и постоянно пополнялись за счет неплатежеспособных должников. Ими становились не только те, кто сам брал в долг, но и лица, приговоренные судом к штрафу, который они не могли выплатить, или же к наказанию, «выкупить» которое они сами были не в состоянии.

Каждый неплатежеспособный должник, который не мог выплатить к сроку платежа или же чей первоначальный заем вследствие начисления процентов возрастал вдвое, попадал во власть своего кредитора, имевшего право требовать судебного решения о присуждении его себе как кхньома или о публичной его продаже в кхньомы за сумму долга, возвращаемую заимодавцу [68, с. 187].

Среди обращаемых в кхньомов неплатежеспособных осужденных были такие, на которых налагался штраф в пользу истца, или же лица, приговоренные к разного рода «выкупаемым» наказаниям и штрафу. И те и другие продавались на рынке за соответствующие суммы, поступающие в пользу тех, кому они причитались, или в казну.

В кхньомы попадали и на основе «добровольного» решения, упреждающего судебное разбирательство, «люди, сами продающие себя, чтобы иметь средства уплатить штраф, который был на них наложен, или долг, числившийся за ними» [68, с. 185], «должники, сами соглашающиеся превратить свои долговые документы в контракт о рабстве» (т. е. об их переходе в кхньомы.— *Л. С.*) [28, т. I, с. 98]. В кхньомы попадали как отдельные члены семей, так и целые семьи [44, т. 34, с. 53].

Владельцами кхньомов становились не обязательно те лица, которым они задолжали, ибо все должники имели право обращаться к другим кредиторам как до так и после их вхождения в состояние кхньомов. Если они находили лиц, уплачивающих их долг прежним заимодавцам, то их владельцами могли стать их новые кре-

диторы [37, с. 506]. Также не обязательно делались обладателями кхньомов те лица, в чью пользу взимали штраф у неплатежеспособных. Последние имели право находить себе кредиторов, которые становились их владельцами. Приговоренным судом тоже предоставлялось право находить себе заимодавцев для «выкупаемых» наказаний, или же они продавались на рынке.

Все это создавало такую ситуацию, при которой состоятельные лица из высших сословий и намэнов обладали оптимальными возможностями для приобретения значительных контингентов кхньомов. Для этого им вовсе не нужно было искать заемщиков. Нэак тьеа сами стремились обращаться скорее к ним как к влиятельным особам, чем к состоятельным лицам из своего сословия, которые не могли иметь подобного престижа в в кхмерском обществе. Еще более существенным было, очевидно, то обстоятельство, что при попадании к нэак тьеа, не освобожденным от налогов и повинностей, кхньомы могли ожидать условий эксплуатации более жестких, чем у обладателей иммунитетов. Исходя из этого, право найти себе нового кредитора, неотъемлемо сохраняемое кхньомами, также должно было способствовать их переходу от кхньомовладельцев нэак тьеа к привилегированным лицам. Во многих случаях расходы на приобретение (или перекупку) кхньомов были незначительными, так как «сумма, из-за которой они потеряли свою свободу, являлась минимальной» [68, с. 197].

Право выкупить себя из состояния кхньома, как и право сменить господина являлись характерными чертами их сословно-правового положения, отмечаемыми многими авторами, например: «слуги, называемые кхньомами, являются чем-то вроде рабов за долги, которые могут освободиться, если они имеют на это средства, или сменить хозяина» [34, т. 101]. Однако осуществить первое было гораздо труднее, чем второе. Источники указывают на выкуп кхньомов, как на редкий факт [44, т. 33, с. 805].

Для того, чтобы выкупиться, они должны были выплатить сумму их долга (или уплаченного за них штрафа или сумму, за которую они, вследствие наказания по суду, были проданы на рынке), зафиксированную в момент превращения их в кхньомы [68, с. 237].

Однако возможность скопления средств для выкупа возникала у них только при сохранении части плодов своего труда от присвоения господином.

В принципе, считалось, что их служба в качестве кхньомов останавливает лишь дальнейший рост процентов по их долгу и обязывает их хозяина предоставлять им кров, одежду и пищу [87, т. I, с. 330]. Кхньомы должны были повиноваться своему господину и ежедневно на него работать в его доме или же, с его согласия, на стороне [28, т. I, с. 98] (именно в этом последнем случае могла реализоваться возможность сохранения части их заработка в свою пользу). Однако господин не имел права использовать кхньомов на унизительных или слишком тяжелых работах [28, т. I, с. 99]. Они могли вступать в брак лишь с его разрешения. Но членов одной и той же попавшей в кхньомы семьи господин не имел права разлучать. Согласно закону он мог наказывать своих кхньомов за непослушание. Однако в случае нанесения им серьезных телесных повреждений или ран, он обязан был их отпустить на свободу [28, т. I, с. 99]. Имелись статьи закона, карающие смертью господина, убившего своего кхньома [28, т. I, с. 99]. Это были существенные ограничения в правах владельцев на личность их кхньомов.

Далеко не все кхньомы использовались как производители в сельском хозяйстве. Выявление масштаба и способов применения их труда в земледелии представляет значительные трудности. Большинство французских авторов, не вдаваясь в детализацию, констатируют лишь факт службы, работы кхньомов на их господ. Однако наиболее обстоятельные из них, Ж. Мура, А. Леклер, Э. Эмонье, приводят на этот счет определенные конкретные сведения. В комплексном анализе с соответствующими положениями из Свода законов Камбоджи эти данные позволяют пролить свет на интересующие нас вопросы.

Следует полностью исключить участие в сфере сельскохозяйственного производства кхньомов, находящихся при доме тех прэах вонгса, прэах вонг, прэах борохетов, намэнов центрального аппарата, которые постоянно проживали в столице: «В Пномпене рабы (кхньомы.— *Л. С.*), которые остаются со своим господином, либо предназначаются к личной службе и составляют

его свиту, либо обязываются им к ведению мелкой уличной торговли» [68, с. 198].

Кхньомы, жившие в домах их обладателей из числа провинциальных прэах вонг, преамов и намэнов, также занимались услужением в их домах и могли составить их свиту. Но поскольку эти привилегированные лица владели частными землями, располагавшимися сравнительно неподалеку от их домов, они могли выделять часть персонала кхньомов, живших в их домах, для выполнения земледельческих работ. Если только он сам считал это нужным, ничто не могло воспрепятствовать владельцу кхньомов оторвать то или иное их число от услужения в его доме для выполнения работ на его близлежащих землях. Такое применение труда кхньомов вполне допускает общая характеристика их положения при доме хозяев, данная Э. Эмонье: «Взамен процентов, пищи и содержания, которые им должен предоставлять господин, они обязаны служить ему в его доме, ему посвящать свое время и свою работу» [28, т. I, с. 98]. Более определенно свидетельствуют об использовании живших при доме господина кхньомов на землях их владельцев наблюдения А. Леклера: «Они живут с хозяином, как живут наши батраки с фермером и фермершей» [68, с. 176]. «Живя со своим господином, они составляют часть его дома и всегда находятся в пределах его досягаемости» [68, с. 197].

Самой показательной в плане констатации использования труда лично зависимых на землях их господ является следующая выдержка из трудов Ж. Мура: «Наиболее состоятельные... нередко имеют большое число рабов, которых они используют у себя на землях, возделываемых ими, или же в разного рода торговых и промысловых предприятиях» [87, т. I, с. 347]. К «наиболее состоятельным» лицам кхмерского общества, являвшимся обладателями больших контингентов зависимых работников, мы должны отнести прэах вонгса, верхний слой прэах вонг, намэнов высокого ранга, которые как раз и были владельцами значительных земельных угодий. Хотя автор не называет кхньомов, а говорит о «рабах» вообще, но поскольку определенно имеются в виду частные земельные владения, принадлежащие лицам, обеспечивающим их возделывание, то речь идет не о применении здесь труда нэак-нгэар, посаженных на домени-

альные земли [72, с. 94—98], а именно о кхньомах, хотя и не раскрывается о каких, живущих в доме или вне дома их хозяина. Очевидно, в большей мере им подразумевается вторая из названных нами категорий, ибо, как будет видно из других источников, как раз использование именно этих кхньомов, живших вне дома господина, являлось гораздо более характерным и, несомненно, намного более распространенным из двух форм применения их труда при возделывании земель.

Такая форма эксплуатации была наиболее удобной для их хозяев во всех тех случаях, когда речь шла о кхньомах, в которых они не нуждались как в домашних слугах. Применение ее снимало с господина всякую заботу о содержании кхньомов и должно было приносить ему только чистый доход. Эта форма использования труда кхньомов в земледелии оптимально соответствовала чаще всего практикуемому в Камбодже способу возделывания значительных земельных фондов. Независимо от того, представляли ли собой земли крупного или среднего феодального собственника единый массив или они были рассредоточены на отдаленные друг от друга участки, являлись ли они его юридической или только фактической собственностью, по своей хозяйственной структуре в большинстве случаев они не были единым целым, а распадались на столько ячеек, из скольких земельных участков, обрабатываемых отдельными производителями, состоял данный земельный фонд [233, с. 210].

Кхньомов, живущих при доме, использовали лишь в относительно редких случаях ведения единых хозяйств в значительных масштабах, в которые могли привлекать на отработки и кхньомов, живущих на стороне.

Нарративные источники, свидетельствуя о наличии кхньомов, живущих вне дома хозяина, фиксируют также соответствующий им термин: «Имеются должники, не живущие со своим господином, вследствие чего их называют „внешние кхньомы“ — кхньом-крау» (зависимые, отпущенные жить и работать вне дома своего господина) [87, т. I, с. 330]. Из сообщений этих источников об условиях, на которых кхньомов отпускали жить и работать на стороне, можно выделить две разновидности кхньом-крау.

Некоторые подробности положения первой разновид-

ности кхньом-крау приводят Э. Эмонье и Ж. Мура. «Иногда они живут вне дома хозяина, питаясь на свои средства, пользуются полусвободой и приходят помогать господину только в определенных случаях» [28, т. I, с. 98]. «Они добились полусвободы на определенных условиях, предусмотренных законом... Кроме случаев, когда эти должники обязаны идти работать к своим кредиторам, они могут трудиться на себя. Если кхньом-крау находится в пути в то время, когда он требуется кредитору, последний ничего не может с него взыскать; но если должник, находясь на месте своего проживания, не отправляется тотчас же на зов своего хозяина, он должен платить штраф, установленный законом, определяющийся в соответствии с длительностью болезни, празднеств или работ, в связи с которыми он вызывается к господину» [87, т. I, с. 330]. Хотя оба цитируемых автора прямо не указывают на использование труда данной разновидности кхньом-крау на землях их господ, но оно, очевидно, подразумевалось как один из видов «работ», на которые они призывались.

Коль скоро эти кхньом-крау, которые сами должны были заботиться о средствах своего существования, вели свое собственное земледельческое хозяйство,— такая ситуация представляется вполне реальной, если учесть, что они могли войти в состояние кхньомов, не утратив своих земельных участков (не сумев их продать или заложить), а также ввиду наличия свободных земель, на занятие которых кхньомами специального запрета не налагалось,— они не могли привлекаться на земли их господина на весь цикл рисоводческих работ. Можно полагать, что в числе тех «случаев», когда хозяин призывал их к себе на отработки, были столь трудоемкие, требующие значительного количества человеко-дней, процессы данного цикла как пересадка риса и сбор его урожая. Такой ограниченный объем применения их труда на землях их хозяев скорее согласуется также с их мобилизацией господином на другие (например, строительные) работы, на подготовку устраиваемых им ритуальных празднеств и т. д.

Ведение полного цикла сельскохозяйственных работ было присуще второй разновидности кхньом-крау, когда хозяин, отпуская их жить и работать вне его дома, не призывал их к себе для выполнения работ, а вменял им

в обязанность приносить ему продукты с обрабатываемых ими земель безотносительно к тому, являлись ли эти земли прежними участками кхньомов, были ли они частью земельных владений господина или сами кхньомы занимали их на стороне. «Другие кхньомы,— сообщает Э. Эмонье,— обрабатывают землю и приносят хозяину продукты их работы...» [28, т. I, с. 98]. «Господин поручает им обработку земли... они напоминают мне,— замечает А. Леклер,— наших испольщиков, с тем различием, однако, что они не имеют договора, определяющего, что они должны сохранить из урожая и какую его часть отдать господину» [68, с. 197—198].

Такая характеристика положения второй разновидности кхньом-крау соответствует содержанию одной из статей крам теаса камокар (закона о работе теаса, лично зависимых работников) с преамбулой от 1853 г., означающей, что в это время в какой-то мере пересматривался текст данного закона. Эта статья предоставляла хозяину кхньомов, живших вне его дома и работающих на стороне, право на всю произведенную ими продукцию и на возвращение им из нее той части, выделить которую господин сам сочтет нужным: «Теаса (т. е. кхньом,— в законодательных текстах фигурирует этот термин, восходящий к даса, категории зависимых в Индии.— *Л. С.*), который что-либо заработал вне дома своего хозяина, должен все отдать своему господину, но этот последний всегда должен ему возвратить часть того, что его теаса ему принес» [81, т. I, с. 388]. Однако тот факт, что кхньом-крау этой разновидности вели на обрабатываемых ими по поручению их хозяина землях «вдали от дома и глаз их владельца» [68, с. 197] свое собственное хозяйство, создавал условия для оставления у них доли, более значительной, чем мог выделить им господин.

Это последнее обстоятельство нашло отражение в следующей статье из крам прэах реатьеа кхант (закона из отдельных пунктов), полностью составленного в начале 50-х годов XIX в. «Если хозяин теаса, имея великодушное сердце, из жалости или по доброте к своему теаса разрешит ему отправиться на сторону зарабатывать себе на жизнь, и если этот теаса станет обладателем либо денег, либо золота, либо одежды, либо падди, риса, быков, буйволов, слонов, лошадей, повозок и т. д., то

господин не будет иметь никакого права на эти вещи» [81, т. II, с. 619].

Первый из процитированных текстов закона, предполагающий полное предоставление хозяину всей продукции кхньома, из которой ему должно было быть выделено необходимое (с точки зрения его господина) содержание, явно расходится с картиной возможного имущества кхньома, нарисованной в следующей приведенной из Свода законов выдержке. Хотя второй закон прямо не отменяет положений первого об обязанности кхньомов отдавать все плоды своего труда хозяину, речь идет здесь о том, что не все ценное, заработанное ими, обязательно должно переходить их господину. Законодательная практика, фиксирующая хотя бы самую возможность обладания кхньомами подобным имуществом, красноречиво свидетельствует о такой мере эксплуатации кхньомов на стороне, при которой они могли располагать большим, чем то, что мог им выделить господин в качестве необходимого. Включением в перечень возможного имущества кхньом-крау быков, буйволов, лошадей, повозок, падди, риса закон создавал определенные преграды для тех собственников земли, которые посягали на самые условия ведения земледельческого хозяйства их кхньомами — тягловый скот или на предназначенную для продажи часть падди, являвшуюся источником приобретения и обновления сельскохозяйственного инвентаря.

Именно кхньом-крау из числа тех, которые вели свое земледельческое хозяйство, живя и работая на стороне, могли реализовать декларируемое законами их право на освобождение посредством выкупа: «Если теаса,— говорится в крам теаса камокар,— уплачивает долг своему господину из денег, скопленных таким образом (работой на стороне.— *Л. С.*), то его хозяин не может ни отказаться от этой уплаты, ни требовать больше, чем этот теаса ему должен сверх цены, за которую он был куплен» [81, т. I, с. 388].

Аналогичное положение содержится также в крам прэах реатьеа кхант: «Если, следовательно, этот теаса хочет освободиться, он должен заплатить лишь основную сумму, уплаченную (прежде.— *Л. С.*) его хозяином» [81, т. II, с. 619]. То обстоятельство, что данный пункт следует здесь после перечня имущества, которое кхньомы

могли приобрести своим трудом на стороне, придает законоположению о возможности их выкупа гораздо большую реальную силу. Этот имущественный перечень ограждал тех кхньом-крау, которые были в состоянии выкупиться, от претензий господина на то, что им удалось накопить или приобрести для себя.

Бóльший акцент на реализацию возможности выкупа и освобождения лично зависимых в законе, составленном в середине XIX в., отражал то, что, наряду с переходом разоряющихся нэак тьеа в кхньомы, в какой-то мере происходил и обратный процесс возвращения в категорию лично свободных подданных тех кхньом-крау, которые сумели погасить свой долг.

Каково же было соотношение фактической и юридической собственности на обрабатываемых кхньом-крау землях? Если господин кхньом-крау привлекал их к обработке земель, полученных в ходе залоговой сделки, предусматривающей использование им как заимодавцем этих земель в качестве эквивалента за его отказ от получения процентов по займу, то фактическим собственником земли являлся господин, взимающий ренту с кхньом-крау, а юридическим собственником земли оставался ее номинальный владелец, отдавший ее в залог.

Когда же кхньом-крау входили в состояние лично зависимых, не успев или не сумев продать или заложить свои земли и продолжая их обрабатывать с разрешения своего господина, то, получая ренту с этих земель, господин являлся их фактическим собственником. О юридической же собственности на данные земли в какой-то мере можно судить, исходя из следующей статьи крам теаса камокар: «Если, будучи заложенным в качестве теаса, он принес с собой какое-либо имущество, и если он умирает во время нахождения у своего господина, то этот последний не имеет никакого права на объекты, таким образом принадлежащие его теаса; если этот теаса имел родственников, то господин должен вернуть объекты тем из них, которые являются его наследниками. Если же он не имел ни родителей, ни сыновей, ни семьи, то его хозяин будет ему наследовать» [81, т. I, с. 388].

Коль скоро земля действительно имелась в виду в этом общем положении относительно имущества кхньомов, с которым они входили в свое состояние, то из дан-

ной статьи следует, что земельный участок, права на который кхньом сохранял вплоть до утраты свободы, не переставал принадлежать ему, несмотря на его личную зависимость от господина. В таком случае владелец кхньома мог стать юридическим собственником земли лишь после смерти кхньома и при отсутствии наследников — претендентов с его стороны.

Однако, не имея статуса нэак тьеа, кхньомы никак не могли обладать таким объемом юридических прав на землю, который был присущ лично свободным. Юридически несамостоятельный кхньом не мог реализовать владельческие права на землю (например, при земельных операциях или конфликтах с третьими лицами), не обращаясь к своему господину.

Если же в цитируемой статье земля не подразумевалась в качестве одного из объектов имущества кхньомов, то юридическим собственником земельных участков, с которыми нэак тьеа приходили в кхньомы, мог быть только их господин.

Ситуация, когда кхньом-крау располагались на незанятых землях с ведома своего хозяина, отпускавшего их жить и работать на стороне, представляет наибольшие затруднения в смысле определения юридического статуса земли. Кхмерское законодательство нигде прямо не разрешало, но и не налагало никакого запрета на занятие свободных земель лично зависимыми категориями населения: в условиях наличия в стране большого незанятого земельного фонда специальные ограничения были явно нецелесообразны. Вместе с тем, статьи законов о владельческих правах на землю явно были ориентированы на лично свободных. Обосновываясь на незанятых землях, приобретали ли кхньом-крау аналогичные права на них?

Французские исследователи XX в., занимавшиеся выявлением такой возможности на базе изучения текстов Свода законов, высказывались в плане ее признания: «право собственности (на землю.— *Л. С.*) было доступно всем жителям, даже рабам» [203, с. 115]. «Также понятно, что земля (в отношении приобретения на нее таких же прав, какими пользовались свободные подданные.— *Л. С.*) была достижима для всех жителей: даже для иностранцев, даже для рабов» [242, с. 30]. «Прежнее кхмерское законодательство не предписывало никаких

исключительных мер по отношению к рабам... та собственность, которую сами рабы могли присвоить, распространялась... на землю» [252, с. 27—28]. «Хотя тексты прежних камбоджийских законов не являются весьма точными в этом отношении, но представляется, что земельная собственность разрешалась даже рабам» [237, с. 88].

Аргументируя это положение, французские авторы опирались, прежде всего, на ту приведенную нами выше статью из крам прэах реатьеа кхант, в которой утверждалось право собственности кхньом-крау на заработанные их трудом на стороне деньги, одежду, падди, быков, буйволов. Стремясь объяснить отсутствие земли в этом перечне имущества, право собственности на которое могло принадлежать кхньомам, Р. Клейнпетер отмечает два момента. Во-первых, отсутствие в кхмерских законах принципа деления имущества на движимое и недвижимое «объясняет то, что законодатель не испытывал необходимости указывать, по крайней мере, недвижимость после перечисления различного движимого имущества» [237, с. 88]. Во-вторых, в такой сельскохозяйственной стране, как Камбоджа, «не смогли бы осуществить приобретение всего этого движимого имущества без предварительного предоставления права на землю» [237, с. 88].

Первое из утверждений вызывает возражения: если земля не была названа, то, разумеется, это имело свои основания. Мы связываем отсутствие земли в данном имущественном перечне с тем, что включение ее в объект юридической собственности кхньом-крау не диктовалось задачей обеспечения необходимых условий ведения ими самостоятельного хозяйства, которая, очевидно, имелась в виду в рассматриваемой статье закона. Ведь если кхньом обосновывался на каком-либо земельном участке с ведома своего хозяина, то от посягновений последнего следовало ограждать не самый участок, в эксплуатации которого посредством кхньома он был заинтересован, а другое имущество, приобретенное производителем в ходе его хозяйствования.

Следует согласиться со вторым утверждением Р. Клейнпетера, что стать обладателями перечисляемого в разбираемой статье имущества кхньомы не могли без предварительного предоставления права на землю. Од-

нако субъектом этого права являлись не сами кхньомы, как это представлялось в данном случае ему и другим французским авторам, а господа кхньомов, с ведома и, стало быть, от имени которых обосновывались на незанятых землях зависимые от них люди, не относящиеся к сословию лично свободных подданных. Именно этим объясняется отсутствие земли в списке предполагаемых объектов собственности кхньомов.

Поскольку нормальное ведение хозяйства на участках, обрабатываемых кхньомами на стороне, нуждалось в правовой защите от притязаний на землю со стороны третьих лиц, то в качестве юридического собственника этих земель (при конфликтной ситуации, а также во время земельных операций) также могло выступать только то полноправное лицо, которое возделывало данную землю посредством труда кхньом-крау. Выше уже отмечалась эта черта кхмерского аграрного законодательства: возможность создания и сохранения владельческих прав (юридической собственности) на землю, обрабатываемую трудом не самого владельца, а других, направляемых им лиц. Будучи обрабатываемой, земля, согласно букве камбоджийского закона, должна была стать объектом чьей-либо низовой юридической собственности (наряду с верховной юридической собственностью государя). И раз законодатель отказывал кхньомам в таком праве невключением земли в их имущество, то этот акт был равносилен признанию данного права за их господином. Больше никто не мог выступить в этой роли, и, с точки зрения логики кхмерского закона, ничего другого и никаких дополнительных разъяснений не требовалось.

В противоположность французским ученым, квалифицировавшим рассматриваемые земли как собственность кхньомов и не отличавших при этом юридического аспекта от экономического содержания собственности, мы считаем, что как юридическими, так и фактическими собственниками данных земель были никак не кхньомы, а их хозяева — частные феодальные собственники этих земель, взимавшие с них ренту.

В отличие от кхньомов, другая категория лично зависимых — каун кхмуои, труд которых также мог применяться на землях крупных и средних собственников, формировалась на основе своего рода коммендации,

когда нэак тьеа сами обращались к влиятельным особам кхмерского общества, прежде всего, из сословия прэах вонгса, с просьбой оформить свою зависимость от них посредством зачисления их в добровольные слуги. «Мы намеренно не включили в число рабов добровольных служителей, — писал Ж. Мура, — которые достаточно многочисленны в стране, где бедный народ имеет такую нужду в защите. Действительно, довольно часто можно увидеть частных лиц, не являющихся должниками, предлагающих себя как слуг без заработка к крупным чиновникам или к влиятельным персонам, особенно к принцам, которые в этом случае обеспечивают их лишь одеждой и пищей» [87, т. I, с. 33].

Надо полагать, что обедневшие нэак тьеа сами предлагали себя в каун кхмуои чаще всего потому, что они отдавали себе отчет в реальной угрозе превращения их в кхньомы. Стремясь предупредить такое развитие событий, в результате которого они, став кхньомами, могли утратить и личную свободу и свое сословное положение, некоторые нэак тьеа предпочитали сами согласиться на положение каун кхмуои — стать лично зависимыми, но сохранить свою принадлежность к сословию лично свободных нэак тьеа.

В целом, каун кхмуои были гораздо менее многочисленны, чем кхньомы, подобно которым они часто находились в домашнем услужении у своих господ. Масштабы использования труда каун кхмуои в сельскохозяйственном производстве не были значительными.

Если к моменту перехода в каун кхмуои они имели свои земельные участки, то они могли продолжать возделывать свои земли, но уже в ином статусе — каун кхмуои привилегированных лиц, «освобождающем их от уплаты налогов и несения трудовой повинности» [60, с. 413]. Хотя прямых свидетельств этому в источниках нет, но трудно представить, чтобы господа, освободившие их от этих обязанностей с сохранением сословной принадлежности к нэак тьеа, не выступили сами в роли рентополучателей с данных земель. Таким образом, могла реализоваться их фактическая, но не юридическая собственность на эти земли, субъектом которой оставались сами каун кхмуои: ведь их сословно-правовое положение не менялось. Аналогичная картина разделения фактической и юридической собственности могла иметь

место и в тех случаях, когда каун кхмуои, ставшим таковыми уже не имея никаких земельных участков, их господа разрешали возделывать земли на стороне: ведь, в отличие от кхньом-крау, каун кхмуои сохраняли правовой статус нэак тьеа. Если же каун кхмуои, утратившим земли, поручалась обработка господских земель, то на этих последних осуществлялась и фактическая и юридическая собственность одного и того же субъекта — господина.

Таким образом, на землях, обрабатываемых трудом лично зависимых кхньом-крау и каун кхмуои, объект фактической собственности обладателей крупных и средних земельных фондов из числа высших сословий и чиновничества в некоторых, отмеченных выше случаях, несколько выходил за рамки объекта их юридической собственности. Однако в типах эксплуатации, практикуемых как на их частных земельных владениях, так и на остальной части их действительных земельных фондов, одинаково возделываемых этими лично зависимыми от них работниками, никаких различий не наблюдалось.

Сложившиеся на данных землях производственные отношения и методы присвоения прибавочного труда или прибавочного продукта непосредственных производителей характерны для феодального способа производства и феодальной земельной собственности. Все кхньом-крау и каун кхмуои, ведущие самостоятельное земледельческое хозяйство, в экономическом смысле, т. е. по способу их соединения со средствами производства, были в положении, в котором находится при феодализме «непосредственный производитель, владеющий условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства» [5, т. 25, ч. II, с. 357—358]. Владея землей как условием труда, названные кхмерские земледельцы были отделены от нее как от собственности, субъектом которой являлся феодальный собственник земли из привилегированных слоев общества. Экономической формой реализации феодальной земельной собственности было присвоение собственником феодальной земельной ренты. В тех случаях, если кхньом-крау или каун кхмуои вели свои хозяйства на условиях, когда у них изымали часть урожая, имела место частная феодальная продуктовая рента. В других случаях, если эти работники также были заняты самостоятельным земле-

делием, но на иных условиях обязательного прихода на отработки в хозяйства их господ, частная феодальная рента выступала в отработочной форме.

Присвоение обеих форм ренты осуществлялось присущими феодальной земельной собственности методами внеэкономического принуждения. «Формы и степени этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина» [15, с. 185]. Личная зависимость кхньом-крау по существу была близка к крепостной; это была как раз такая «несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства» [5, т. 25, ч. II, с. 353].

Одну часть структуры феодальной собственности на земли, обрабатываемые кхньом-крау и каун кхмуои, составляли фактические отношения присвоения крупными и средними собственниками объекта их собственности — земель, возделываемых их лично зависимыми. Эта часть структуры собственности оформлялась посредством норм земельного права, причем на тех участках земельных фондов крупных и средних собственников, на которых низовая юридическая собственность на землю не была зафиксирована за ними, земля закреплялась за действительными собственниками посредством фиксации низовой юридической собственности за их лично зависимыми.

Другую, более существенную часть структуры разбираемой собственности, раскрывающую ее экономическое содержание, составляли отношения между присваивавшими ренту собственниками земли и эксплуатируемыми ими непосредственными работниками — кхньом-крау и каун кхмуои, у которых они эту ренту изымали. Данный комплекс отношений оформлялся не в земельном праве как таковом, а в правовых нормах, определяющих общие обязанности лично зависимых и коммендированных по отношению к их господам (поручавшим им обработку земли).

В относительно редких случаях ведения единого господского хозяйства, в отличие от одной части земли, которая обрабатывалась трудом кхньом-крау (ведущими также свое самостоятельное хозяйство на стороне и эксплуатируемыми посредством отработочной ренты),

другая составная часть земель господского хозяйства обрабатывалась кхньомами, живущими при доме их владельца. Только эта последняя часть земельных фондов крупных и средних собственников, возделываемая кхньомами, находилась за пределами рассмотренной выше структуры собственности. Кхньомы, живущие при доме их хозяина, не имели самостоятельного хозяйства, они находились в домашнем услужении у своих владельцев, и, когда их труд частично использовался на господских землях, они не были соединены с землей как со своим полем производства, т. е. земля не являлась их владением в экономическом смысле. Такие производственные отношения не могут быть квалифицированы как феодальные, они скорее приближаются к рабовладельческому типу, при котором непосредственный производитель полностью отделен от средств производства. Подобные формы эксплуатации нередко встречаются в обществах с феодальными производственными отношениями, сопутствуют им.

Наряду с теми землями крупных и средних частных феодальных собственников из числа высших сословий и чиновничества, которые возделывались лично зависимыми, другие их земли обрабатывались лично свободными подданными сословия нэак тьеа. На этих землях объект фактической собственности выходил за рамки объекта юридической собственности лишь в случаях расширения земель за счет насильственного захвата или при получении земли в залог на правах использования ее как эквивалента процентов с заемщика. Как крупные и средние частные земельные владения, так и выходящие за их границы участки земельных фондов феодальных собственников одинаково возделывались лично свободными подданными — отдавались им в обработку либо на условиях сдачи в «аренду», либо посредством других методов привлечения их труда на земли привилегированных лиц, которые будут вскоре разобраны.

В условиях Камбоджи середины XIX в. нэак тьеа становились «арендаторами» не столько вследствие безземелья, — ведь незанятых земель было более чем достаточно, — сколько в силу ряда других причин. Экономическими факторами, побуждавшими лично свободных нэак тьеа «арендовать» землю могли быть ее высокое качество или же невозможность для производителя свои-

ми силами освоить необходимый для его жизненных средств участок земли.

Однако «арендные отношения» не строились только на экономическом принуждении. Они не могли зиждиться на чисто экономических методах принуждения в обществе, в котором нэак тьеа были опутаны охватывающей их всех комланговой зависимостью и разного рода другими связями, ставящими их в подчиненность власть имущим, в зависимое положение от влиятельных особ и т. д. Вследствие этого «отношения аренды» почти всегда должны были основываться также на той или иной мере внеэкономического принуждения. Последнее иногда могло играть при «арендных отношениях» преобладающую роль, но какая-то доля экономического принуждения обязательно сохранялась. Сочетание обоих методов принуждения делало «отношения аренды» в Камбодже позднего средневековья разновидностью феодального держания. Взимаемая на основе данных феодальных отношений «арендная плата» натурой (составляющая обычно треть или четверть собранного урожая) [68, с. 278] может рассматриваться как феодальная продуктовая рента.

Кхмерский «арендатор» земли работал «на фактически ему принадлежащем поле производства» [5, т. 25, ч. II, с. 358], земля принадлежала ему в качестве объекта его самостоятельного хозяйствования, он владел «средствами производства, предметными условиями труда, необходимыми для осуществления его труда и для производства средств его существования» [5, т. 25, ч. II, с. 353]. Т. е. по способу соединения непосредственного производителя с землей как со средством производства положение камбоджийского «арендатора» земли принципиально не отличалось от феодальных производственных отношений: в экономическом смысле он выступал как владелец земли, но был отделен от нее как от собственности, субъектом которой являлся получатель феодальной ренты.

Одну часть структуры феодальной собственности на землях крупных и средних собственников, возделываемых «арендаторами» нэак тьеа, составляли действительно осуществляющиеся отношения присвоения собственниками данных земель как объекта их собственности, причем в этом случае фактическая собственность совпа-

дала с низовой юридической собственностью. Эти отношения оформлялись посредством норм земельного права, гарантирующих сохранение владельческих прав на землю тех лиц, которые возделывали ее трудом «арендаторов».

Другие структурные элементы рассматриваемой собственности, выражающие ее экономическое содержание и эксплуататорскую суть, составляли отношения присвоения собственниками прибавочного продукта, отчуждаемого ими у непосредственных производителей — «арендаторов» нэак тьеа. Оформление этой группы отношений через «арендные договоры», санкционируемые земельным правом, не должно скрывать от нас внеэкономического принуждения, на котором они в значительной мере базировались.

Таким образом, функциональная роль частного земельного права в оформлении структурных элементов собственности на землях, возделываемых трудом «арендаторов» нэак тьеа была более значительной, чем на других составных частях земельного фонда частных крупных и средних феодальных собственников. Но в той же мере, в какой отношения присвоения собственниками прибавочного продукта, отчуждаемого у непосредственных работников, составляющие второй ряд структурных элементов рассматриваемой собственности, основывались не только на экономическом принуждении, в такой же мере данная часть структуры базировалась на внеэкономическом принуждении «арендаторов», находящихся в состоянии всякого рода зависимости от феодальных собственников, оформляемой вне норм земельного права.

Остальные два способа привлечения труда лично свободных подданных на частные земли крупных и средних феодальных собственников отличались значительным своеобразием. Один из них имел место тогда, когда нэак тьеа, сами будучи владельцами частных земель в системе государственно-феодальной собственности, взамен несения части или всего срока ежегодной трудовой повинности законно или (чаще всего) незаконно использовались на сельскохозяйственных работах на землях, являющихся объектом частной феодальной собственности. Осуществить такую эксплуатацию могли привилегированные землевладельцы из числа намэнов и прэах

вонгса, причастных к мобилизации нэак тьеа на реатьеа-ка. Каждый из них теоретически имел право на четверть всех тех отработочных дней, на которые он собрал нэак тьеа, будучи ответствен за отбытие их на выполнение трудовой повинности в качестве их ме-комланга или тьаувайкхэта [36, с. 530]. Кроме того, источники содержат достоверные свидетельства того, что часто дело далеко не ограничивалось четвертью срока несения трудовой повинности, и сановники, ответственные за сбор нэак тьеа, в обход законного регламента заменяли бóльшую часть или весь объем реатьеа-ка различного рода отработками в свою пользу [26, с. 45]. Сведения об использовании труда повинностнообязанных нэак тьеа в земледелии источники обычно связывают не с той четвертью их отработочных дней, которая причиталась уполномоченным на их мобилизации, а с отработками на частных землях тьаувайкхэтов, незаконно освобождавших их от государственных работ [72, с. 242, 253].

Подобная практика частичной или полной трансформации трудовой повинности в отработочную ренту в пользу частных земельных собственников строилась на внеэкономическом принуждении номинально свободных, но в действительности находящихся в определенных отношениях зависимости (подчинения) производителей нэак тьеа. Такого рода отношения присущи феодальной земельной собственности, и в данном случае они интересны тем, что осуществлялись на стыке двух ее форм: государственной и частной. Прибавочный труд, отчуждаемый у непосредственных работников нэак тьеа, лицами, принадлежащими к совокупному субъекту государственно-феодальной собственности, переходил в сферу частнофеодальной собственности этих лиц. Такие нэак тьеа являлись объектом эксплуатации в обеих указанных формах феодальной собственности: в первой у них изымали продуктовую ренту (налоги), а во вторую поступала отработочная рента, присваемая лицами, выступавшими в качестве частично совпадающего субъекта двух данных форм собственности.

Другой специфический способ привлечения труда лично свободных на земли крупных и средних феодальных собственников осуществлялся в результате деформации отношений йок-дей (взаимопомощи в сельскохо-

зяйственных работах). В чистом виде отношения йок-дей представляли собой взаимопомощь частных владельцев земли на основе обоюдных приглашений работников из той же или соседних местностей для проведения самых трудоемких процессов сельскохозяйственного цикла, в особенности для пересадки и сбора урожая риса. Источники свидетельствуют о повсеместной распространенности отношений йок-дей и об обязанности хозяина обеспечивать пришедших к нему только едой на время их работы на его земле:

«Пересадка и сбор урожая риса, которые являются двумя наиболее значительными работами по выращиванию этой культуры, обычно ведутся соседями сообща и с большим пылом. Собственник должен кормить всех этих добровольных работников» [28, т. I, с. 36]. «Сельскохозяйственные процессы производятся на основе натурального обмена работой. Каждый камбоджиец, когда его об этом просят, идет на некоторое время трудиться на рисовое поле своего соседа. Когда же ему, со своей стороны, предстоит работа, которую он не в состоянии выполнить силами своей семьи, то он обращается к тем же соседям, и они приходят совместно с ним работать некоторое время на его рисовом поле. Нельзя отрицать тот факт, что в подобных обстоятельствах камбоджийцы оказывают друг другу помощь, не задумываясь над тем, больше или меньше они получат, чем дали сами. Нередко 100 или 150 человек собираются таким образом, чтобы сделать в два-три дня пересадку или жатву кому-нибудь одному» [60, с. 515].

Из приведенных выдержек видно, что отношения йок-дей практиковались как среди обычных крестьян нэак тьеа, так и среди частных владельцев значительных земель, собиравших большое число работников. Необходимость взаимопомощи была продиктована экономическими соображениями как для нэак тьеа, ведущих самостоятельные хозяйства силами одной семьи, так и для более значительных землевладельцев — разница была только в масштабах наиболее срочных и трудоемких земледельческих работ.

Нас больше интересует не этот вариант действительной взаимной помощи (хотя и он, как подчеркивается в источниках, никогда не был строго эквивалентным обменом человеко-днями), а другая, вовсе лишенная

подобной взаимности, ситуация, когда средний или крупный частный землевладелец созывал достаточно большое число работников нэак тьеа, которые сами также были частными владельцами мелких участков земли, обрабатываемых их собственным трудом: «Часто тот, кто нуждается в большом числе рабочих рук, ограничивается только тем, что устраивает большое угощение, на которое он созывает людей из окрестностей. Отвечая на этот род приглашения, работники съезжаются, иногда издалека, они выполняют трудоемкие работы в несколько дней, питаясь и упиваясь рисовой водкой на средства собственника. Таким образом осуществляются и сельскохозяйственные работы и строительство домов» [60, с. 516]. Это были уже не отношения взаимопомощи, как таковые, землевладелец, пригласивший нэак тьеа, обеспечивал их только «угощением», но в ответ не направлял своих работников в их хозяйства. Отношения йокдей превращались, таким образом, в эксплуатацию лично свободных нэак тьеа, которые по тем или иным причинам (фактической зависимости от влиятельных лиц или чиновников, «приглашающих» их на свои земли) должны были откликнуться на призыв. Такой трансформированный тип отношений йок-дей, базирующийся на методах давления властью, авторитетом и т. д., тяготеет к внеэкономическому принуждению, хотя и не может быть полностью сведен к нему. По своей сущности рассмотренный способ отчуждения прибавочного труда непосредственных производителей не выходит за пределы форм, присущих феодальной земельной собственности.

На крупных и средних земельных фондах, обрабатываемых нэак тьеа взамен их освобождения от трудовой повинности или за «угощение», одну часть структуры феодальной собственности составляли фактические отношения присвоения собственниками данных земель как объекта их собственности. Их действительная собственность на эти земли оформлялась земельным правом как их низовая юридическая собственность, закрепляемая за лицами, обеспечивающими обработку своей земли чужим трудом.

Другая часть структуры разбираемой собственности, выражающая ее экономическое содержание, состояла из отношений присвоения феодальными собственниками

прибавочного труда, отчуждаемого у непосредственных производителей нэак тьеа, эксплуатируемых на землях собственников как за освобождение от трудовой повинности, так и на основе «приглашения». На первом из двух указанных видов земель эти отношения не имели никакого юридического оформления и осуществлялись путем попрания правопорядка о государственных отработках. На втором виде земель данные отношения функционировали на базе обычного права.

Таким образом, в отличие от того, что имело место в системе государственно-феодальной собственности на землю, все относящиеся к экономическому содержанию и выражающие эксплуататорское существо структурные элементы фиксировались в публичном праве, в сфере частнофеодальной собственности правовое оформление соответствующих элементов ее структуры на различных частях земельного фонда строились по-разному. При сочетании различных из рассмотренных выше видов применения чужого труда на одних и тех же землях существовали смешанная структура и комбинированное правовое оформление собственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Камбодже середины XIX в. юридическая собственность на земли, занятые и обрабатываемые в частном порядке лично свободными подданными, была оформлена на двух уровнях: верховном — монарха и низовом — подданных. Земля рассматривалась в качестве составной части имущества государя, под эгидой верховных земельных прерогатив которого определялись все нормы возникновения и сохранения низовой юридической собственности подданных на землю. Эти прерогативы суверена проявлялись в закрепленных за ним полномочиях на «взятие обратно» земель подданных, «возвращение» их короне при отсутствии наследников и т. п. Объем земельного права подданных, включавший использование земли как объекта хозяйства, юридическую защиту от необоснованных претензий на землю со стороны других лиц, имущественное распоряжение землей, которую можно было передавать по наследству, завещанию, продавать, сдавать в «аренду», отдавать в залог, следует квалифицировать как частное землевладение, характеризуемое весьма широкими владельческими правами. Специфическая черта, придававшая этому землевладению неокончательный характер, заключалась в обязанности частного владельца обеспечивать регулярную обработку земли: прекращение ее возделывания на срок более трех лет означало утрату владельческих прав.

На одной категории частновладельческих земель, принадлежащих самому многочисленному в стране сословию нэак тьеа (лично свободных подданных), в результате налогообложения и сопутствующих ему неофициальных поборов происходило отчуждение большей части прибавочного продукта (от одной шестой до одной четвертой урожая) у земледельцев нэак тьеа, выступавших в качестве непосредственных производителей — крестьян. Это отчуждение производилось специфическими феодальными методами через централизованный аппарат государства. Отчуждаемый прибавочный продукт

представлял собой феодальную ренту в натуральной и денежной форме. Рента слагалась из двух частей. Первую составляла продукция, собираемая согласно статьям налога. Ко второй следует отнести все дополнительные поборы, неофициально взимаемые в ходе налогообложения. По сравнению с первой, вторая часть ренты была не столь регулярна и менее стабильна, но удельный вес ее был значителен. Получателями первой части ренты в форме отчислений или выдач из казны были государь, главы остальных трех Домов, их министры, часть членов сословия прэах вонгса (близких родственников монарха по пятую степень родства с ним), часть дворцовых намэнов (чиновников), главы кхмерского индуистского духовенства, близкие ко двору буддийские монахи. Столичные намэны, состоявшие в ведомствах взимания налогов, тьаувайкхэты (правители округов) и другие местные должностные лица, причастные к сбору налогов, были получателями как отчислений, так и (особенно) второй части ренты.

Порядок мобилизации нэак тьеа на реатьеа-ка (ежегодную государственную трудовую повинность) давал в руки прэах вонгса и намэнов, ответственных за их сбор, возможности изъятия у них еще одной части совокупной феодальной ренты. При трансформации назначения государственной трудовой повинности в подношения натурой или в денежный выкуп (за частичную или полную отмену реатьеа-ка) происходило изъятие у нэак тьеа прибавочного продукта. Лица, осуществляющие отчуждение этими методами, являлись своеобразными получателями феодальной ренты в натуральной или денежной форме.

Указанные формы и методы отчуждения прибавочного труда (или продукта) у земледельцев нэак тьеа позволяют рассматривать получателей ренты как совокупный субъект, а земли нэак тьеа как объект государственно-феодальной формы собственности. Принадлежность к субъекту этой собственности реализовалась для представителей высших сословий и чиновничества посредством занятия ими определенных позиций в сановно-бюрократической иерархии, приносящих им соответствующие доли ренты. Своеобразной чертой данной собственности являлся множественный и переменный состав тех, кто входил в ее субъект. Частой личной сме-

няемостью и неустойчивым положением особенно отличались рентополучатели из государственного аппарата, их существование было неотделимо от административно-фискальных органов, к которым они принадлежали. Однако изменение персонального состава получателей ренты не меняло ни способов ее взимания, ни существа ее раздела среди тех или иных представителей класса феодалов. Будучи отделены от земли как от собственности указанных рентополучателей, крестьяне нэак тьеа были соединены с ней как со средством производства. Земля являлась их частным владением, оформленным как низовая юридическая собственность. Эта последняя применительно к нэак тьеа выполняла функцию прикрепления их к земле на основе экономического принуждения. Хотя статус юридических собственников номинально вменял им только обязательную обработку земли, однако сочетание его с сословными обязанностями нэак тьеа по уплате налогов и несению трудовой повинности вовлекало их в орбиту также и внеэкономического принуждения.

Одну часть структуры разбираемой собственности составляли действительно осуществляющиеся отношения присвоения указанными выше категориями рентополучателей частновладельческих земель нэак тьеа. Своеобразие оформления этих отношений совокупного субъекта собственности к ее объекту состояло в том, что верховным юридическим собственником земли являлся только один из получателей ренты — государь, тогда как в роли низовых юридических собственников выступали сами непосредственные производители нэак тьеа. Именно их низовая юридическая собственность очерчивала границы государственно-феодальной собственности на земли. Отношения же между получателями ренты и непосредственными работниками нэак тьеа, у которых они ее изымали в виде налогов, поборов и в качестве эквивалента за освобождение от трудовой повинности, т. е. отношения присвоения прибавочного труда (или продукта), отчуждаемого у производителей, выражающие экономическое содержание и эксплуататорское существо собственности, составляли другую, более важную, часть структуры государственно-феодальной собственности на землю в Камбодже. С точки зрения кхмерских юридических установлений этот комплекс социаль-

но-экономических отношений был вынесен за пределы связей, оформляемых собственно земельным правом. Данные отношения фиксировались в публичном праве как сословные обязанности нэак тьеа и как привилегии элиты родственников монарха, представителей служилого слоя и духовенства, обусловленные их позицией или функцией в сановно-бюрократической иерархии.

На другой категории частновладельческих земель землевладельцы из высших сословий и чиновничества номинально, как и нэак тьеа, были низовыми юридическими собственниками. Фактически же, в противоположность нэак тьеа, крупные и средние частные землевладельцы из этих привилегированных слоев общества осуществляли обработку своих земель посредством эксплуатации других лиц, они обладали полными налоговыми иммунитетами и взимали в свою пользу весь объем ренты с их земель. Средние и (реже) крупные земельные владения имели: часть членов прэах вонгса, высший слой прэах вонг (сословия отдаленных королевских родственников, выходящих за пределы пятой степени родства), часть столичных и большинство провинциальных намэнов, некоторые из глав кхмерского индуистского духовенства. Поступление многим из них долей ренты в системе государственно-феодальной собственности не уменьшало тенденцию данных социальных групп к получению также и частной ренты со своих земель. По своей хозяйственной структуре крупные и средние земельные фонды обычно не представляли собой одного целого, а распадались на столько ячеек, из скольких участков, обрабатываемых отдельными производителями, состоял земельный фонд. Крупные и средние земельные фонды, рента с которых поступала их обладателям, являлись объектом их фактической феодальной собственности — по своим границам она в ряде случаев выходила за рамки объекта их низовой юридической собственности.

На одной части таких земельных фондов феодальный характер отношений между обладателями земель и обрабатывающими их кхньом-крау (зависимыми, отпущенными жить и работать вне дома своего господина) определялся тем, что эти непосредственные работники, ведущие самостоятельное земледельческое хозяйство, владели землей как условием труда, но были отделены от

нее как от собственности получателей ренты. Если у кхньом-крау изымали часть урожая, то это была феодальная рента продуктом, а если они приходили к их господам на отработки, феодальная рента выступала в отработочном виде. Присвоение обоих видов ренты осуществлялось методами внеэкономического принуждения.

Феодальные формы были характерны и для отношений земельных собственников с другой категорией зависимых работников из числа каун кхмуои (зависимых, сохраняющих принадлежность к сословию лично свободных подданных), коммендирующихся к ним с земельными участками или без них.

На той части земельных фондов крупных и средних собственников, которая обрабатывалась лично свободными нэак тьеа на условиях «аренды», имело место свойственное «арендным отношениям» при феодализме сочетание методов экономического и внеэкономического принуждения, а «арендная плата» представляла собой феодальную продуктовую ренту.

Чисто внеэкономическое принуждение лично свободных осуществлялось на той части земельных фондов, обладатели которых — тьаувайкхэты и другие лица, причастные к мобилизации нэак тьеа на отбывание трудовой государственной повинности, — использовали их труд взамен несения ими этой повинности. Такая практика означала трансформацию государственных отработок нэак тьеа, причитавшихся с них согласно их месту в системе государственно-феодальной собственности, в отработочную ренту, которая переходила в сферу частнофеодальной собственности лиц, выступающих в качестве частично совпадающего субъекта обеих указанных форм собственности.

Не выходил за пределы форм, присущих феодальной земельной собственности, и такой, тяготеющий к внеэкономическому принуждению, способ привлечения труда лично свободных к обработке крупных и средних земельных фондов, при котором их обладатели, будучи облечены властью или имея крупный престиж в обществе, «приглашали» нэак тьеа за «угощение» выполнять наиболее трудоемкие процессы земледельческого цикла.

На частных землях крупных и средних собственников, обрабатываемых либо лично зависимыми от них кхньом-крау и каун кхмуои, либо лично свободными

нэак тьеа как на условиях «аренды», так и взамен несения ими трудовой повинности или же на основе в какой-то мере вынужденного прихода по «приглашению», одну часть структуры частной феодальной земельной собственности составляли фактически осуществляющиеся отношения присвоения собственниками данных земель как объекта их собственности. В большинстве случаев обработки данных земель лично зависимыми и во всех случаях их возделывания лично свободными работниками эта часть структуры феодальной собственности оформлялась посредством норм частного земельного права, устанавливающих низовую юридическую собственность на землю тех лиц, которые обеспечивали ее обработку. В некоторых случаях, когда возделывание части земельных фондов крупных и средних феодальных собственников осуществлялось лично зависимыми каун кхмуои, вошедшими в такой статус при наличии земель, которыми они продолжали владеть, или же лично зависимые кхньом-крау привлекались этими собственниками к обработке земель, полученных ими в качестве эквивалента за их отказ от получения с владеющих данными землями должников процентов по займу, низовая юридическая собственность на указанные виды земель не была оформлена за их действительными собственниками, но земля все же фактически закреплялась за ними посредством фиксации низовой юридической собственности либо за их лично зависимыми, либо за их должниками.

Другую, более существенную часть структуры частной феодальной собственности на землю крупных и средних собственников составляли отношения присвоения собственниками ренты — прибавочного труда (или продукта), отчуждаемого у непосредственных производителей,— как у лично зависимых кхньом-крау и каун кхмуои, так и у лично свободных нэак тьеа, являющихся «арендаторами» земли, возделывавших землю взамен несения трудовой повинности или же приходящих на отработки по «приглашению». Именно в этой части структуры частной феодальной земельной собственности раскрывались ее экономическое содержание и ее эксплуататорская сущность. Правовое оформление указанной части структуры собственности строилось по-разному. При обработке земли кхньом-крау и каун кхмуои

отношения присвоения собственниками феодальной земельной ренты оформлялись не в земельном праве как таковом, а в правовых нормах, определяющих общие обязанности этих лично зависимых и коммендированных к их господам. При «аренде» земли нэак тьеа отношения присвоения собственниками прибавочного продукта, отчуждаемого у этих лично свободных производителей, оформлялись в земельном праве — посредством «арендных договоров». На землях, обрабатываемых нэак тьеа вместо несения трудовой повинности, отношения присвоения собственниками феодальной земельной ренты не имели юридического оформления ни в земельном праве, ни в регламенте о государственных отработках (установления о порядке выполнения которых в данном случае нарушались). На землях, возделываемых нэак тьеа на основе «приглашения», отношения присвоения собственниками прибавочного труда, отчуждаемого у этих лично свободных работников, оформлялись при посредстве обычного права.

Итак, методом комплексного анализа правовых и экономических отношений на частновладельческих землях Камбоджи середины XIX в. удалось установить, что в тождественной оправе низовой юридической собственности подданных на этих землях в сущности скрывались два принципиально отличных социально-экономических института: владение крестьян нэак тьеа на одной категории земель и частная феодальная собственность привилегированных лиц из высших сословий и чиновничества — на другой. Главной составной частью данного анализа было выявление специфически феодальных способов отчуждения прибавочного труда (или продукта) у непосредственных производителей, — как лично свободных (нэак тьеа), так и зависимых (кхньомы, кхньом-крау, каун кхмуои), — базирующихся на их экономическом и, особенно, внеэкономическом принуждении. Указанный комплексный анализ позволил не только определить самый феодальный характер собственности и ее формы как государственно-феодальную на первой категории земель и частнофеодальную — на второй, но и воссоздать структуру каждой рассматриваемой формы собственности.

С точки зрения методики и содержания основного подхода к изучению феодальной собственности на зем-

лю предпринятое исследование, как нам представляется, может быть отнесено к тому типу работ, который, согласно М. А. Баргу, характеризуется «выдвижением на первый план анализа феодальной собственности как общественно-экономического отношения, т. е. отношения феодалов не к земле, а к тем, кто эту землю обрабатывал» [112, с. 87]. Методический принцип, предусматривающий отведение центрального места политико-экономическому анализу отношений феодальной земельной собственности, не только не исключает, но и предполагает также и обязательность детального изучения правовых форм этих отношений, рассмотрению которых уделено весьма большое внимание и в данной работе.

Подход к изучению социально-экономического и юридического аспектов феодальной собственности на землю в их единстве был продемонстрирован во многих работах советских историков-медиевистов, в частности С. Д. Сказкина, указывавшего на опасность схематизации сути феодальной собственности, «если она не будет рассмотрена сквозь призму действующего права», и видевшего ключ к истолкованию отношений собственности «в диалектическом единстве содержательного и правового (волевого) начал» [см. 112, с. 88].

Однако при бесспорной правильности подхода С. Д. Сказкина и ряда других советских специалистов по истории средневековья к собственности как к единству содержательного и правового начал, точка зрения некоторых из них на феодальную земельную собственность, как отметил Е. М. Медведев, «в конечном итоге... сводится к тому, что феодальная собственность есть одновременно юридическая собственность феодала на землю» [143, с. 36—37], что верно далеко не всегда.

Поэтому при рассмотрении тех нередких случаев, когда феодальная — с точки зрения экономического содержания — и юридическая собственность на землю совпадают, такой подход является плодотворным. Однако он не достаточен при анализе феодальной собственности на землю, сущностное содержание которой отлично от юридического выражения собственности на эту землю в законах данного общества, когда они фиксируют принадлежность земли не тем, кто в действительности являлся субъектом феодальной собственности с точки зрения рентных отношений.

Осуществленный в настоящей работе подход, будучи направлен на решение проблем такого несоответствия путем раскрытия сущностных отношений феодальной земельной собственности в кхмерском обществе, правосознание которого выражало юридические формы собственности на землю преимущественно неадекватно выявляемому «содержательному началу» феодальной собственности, близок к той позиции, которую занимают по данному вопросу советские индологи-медиевисты, и, в частности, соответствует выраженному Е. М. Медведевым взгляду на то, что при определении феодальной земельной собственности «решающим фактором является реальное экономическое отношение (изъятие прибавочного продукта), которое может иметь различные формы... Противоречия и натяжки в толковании феодальных отношений и феодальной собственности, на наш взгляд, могут быть устранены только признанием того, что и при сформировавшейся юридической собственности, и без нее мы имеем дело с феодальными производственными отношениями и, следовательно, с феодальной собственностью» [143, с. 38, 43].

Задачу истолкования отношений феодальной земельной собственности как единства содержательного и правового начал мы решали на основе выявления реальных экономических, рентных отношений и тех юридических установлений, которые эти сущностные отношения оформляли. Причем к раскрытию каждой рассматриваемой в работе формы феодальной собственности на землю как единства сущностного (политико-экономического) и правового (юридического) начал мы стремились подойти с позиций раздельного (а затем комплексного) анализа рентных отношений непосредственных работников в земледелии с получателями феодальной ренты и юридического оформления именно этих отношений.

Рассматривая структуру форм феодальной собственности на землю как комплекс отношений, мы включали в нее две составные части, одна из которых (главная) реконструировалась на основе социально-экономических отношений производителей и получателей ренты, а другая (менее значимая, но без включения ее в структуру собственности последняя не содержала бы в себе отношения субъекта собственности к ее объекту) воссоздавалась на базе выявления действительного отношения к

земле как к объекту присвоения тех лиц, которые получали с нее ренту.

Раскрытие юридического оформления первой (главной) составной части структуры феодальной собственности было проведено в работе посредством выявления правовых норм, на основе которых отчуждаемый у непосредственных земледельцев прибавочный труд (или продукт) поступал рентополучателям (причем было установлено, что фиксирование правовых норм, в соответствии с которыми происходило изъятие ренты, часто имело место вне камбоджийского земельного права, как такового, относясь, например, к сословному статусу производителей-земледельцев). Анализ юридических аспектов отношения рентополучателей к землям, с которых они взимали ренту, т. е. раскрытие правового оформления второй из двух указанных составных структурных частей феодальной собственности на землю, был проведен путем последовательного (поэтапного) рассмотрения формальной принадлежности земель в соответствии с правосознанием изучаемого общества (кхмерской низовой юридической земельной собственности) и выявления того, чья фактическая собственность на землю оформлялась посредством зафиксированных правоотношений (при этом были показаны различные варианты совпадения и несовпадения юридической — в соответствии с земельным законодательством — и действительной — с точки зрения экономического содержания — собственности на землю).

Раскрытие основных форм собственности на землю в позднесредневековой Камбодже позволяет провести некоторые типологические сопоставления их с основными формами земельной собственности в Индии в эпоху средневековья. Согласно концепции Л. Б. Алаева, «в индийском средневековом обществе существовали две основные формы экономических отношений: отношения по сбору и перераспределению сумм, поступающих в виде налога, и внутриобщинная система эксплуатации, в которой переплетались, по существу, все известные формы соединения производителя со средствами производства... Им соответствовали две формы собственности, различающиеся как объектом, так и субъектом: 1) на территорию с подвластным населением — в руках господствующего служилого класса и 2) на землю как

условие производства — в руках класса мелких наследственных землевладельцев (деревенской аристократии)» [103, с. 119].

Основной общей чертой экономических отношений в сфере указанной первой формы земельной собственности в Индии и государственно-феодальной формы собственности на землю в Камбодже является то, что субъекты собственности в обеих системах получали ренту прежде всего в результате налоговой эксплуатации непосредственных производителей. Важнейшее сходство между двумя сопоставляемыми формами собственности в Камбодже и в Индии проявляется и в том, что субъекты собственности в той или иной мере переплетаются с иерархически организованным государственным аппаратом, осуществляющим по отношению к податному населению полномочия административно-фискальной и судебной власти, и эксплуатация непосредственных производителей происходит на основе как экономического, так и (в большей мере) внеэкономического принуждения.

Характеризуя государственную феодальную собственность на землю в средневековой Индии, Л. Б. Алаев отмечает, что она выражалась: «1) в судебном и административном суверенитете над населением и 2) в присвоении в форме налога значительной, часто подавляющей доли прибавочного продукта» — и добавляет: «Такая форма собственности, где слиты воедино внеэкономические (власть, верховенство) и экономические (изъятие и перераспределение доли продукта) характеристики, вообще присуща феодальному социальному строю» [103, с. 114]. Еще одной характерной чертой, свойственной как камбоджийской государственно-феодальной земельной собственности, так и государственной феодальной собственности на землю в Индии, было выявленное и сформулированное на основе анализа последней «разделение функций основного рентополучателя и организатора производства. Господствующий класс эксплуататоров был практически отделен от земли, не знал производственных нужд и почти никак не способствовал технологическому улучшению сельского хозяйства, а между тем потреблял подавляющую часть прибавочного продукта страны. Подчиненный ему класс деревенских землевладельцев действительно выполнял

функции организатора хозяйства, но не имел средств для его развития» [103, с. 125].

Типологически сближаемые в указанных отношениях, системы государственной феодальной земельной собственности в Камбодже и в Индии очень существенно отличались по другим признакам. Прежде всего в Камбодже субъекту государственно-феодальной собственности на землю в качестве производителя ренты противостоял более или менее однородный в социальном отношении класс экономически самостоятельных владельцев земли, которые возделывали ее своим трудом и часть прибавочного продукта которых отчуждалась в виде налогов и сборов субъектом этой собственности как феодальная рента. В Индии же субъекту государственной феодальной собственности в качестве налогоплательщиков противостояли категории населения, разнородные по своей социальной характеристике: 1) слой «наследственных деревенских землевладельцев», которые являлись «полноправными общинниками»; они хотя и обязаны были платить налог государству, но вместе с тем обычно сами выступали как субъект собственности в другой, подчиненной форме индийской феодальной земельной собственности, основанной на внутриобщинной эксплуатации «категорий населения, стоявших ниже общинников-землевладельцев» [103, с. 121], и 2) слой невладельческого трудового сельского населения, состоявший из «крестьян, посаженных на землю государством, плативших земельный налог» [103, с. 118]. «Полноправные общинники» в целом находились в довольно благоприятном экономическом и социальном положении, но их классовое положение было «неустойчивым, промежуточным между трудовыми и нетрудовыми классами общества. Представителей некоторых высших каст, выступавших в роли общинников, мы можем, — отмечает Л. Б. Алаев, — безоговорочно отнести к мелким и мельчайшим помещикам... Но даже беднейшие представители этого слоя, вынужденные трудиться сами, обычно хотя бы часть средств существования получали от эксплуатации низших слоев деревни» [103, с. 116].

Таким образом, если в системе государственно-феодальной собственности на землю в Камбодже взимаемая с непосредственных производителей рента поступала только субъекту данной собственности, то в Индии про-

исходил раздел ренты, изымаемой у непосредственных работников в сфере подчиненной собственности, между субъектами обеих форм феодальной земельной собственности — государственной (налог, составлявший часть феодальной ренты) и подчиненной (остальная часть этой ренты). Кроме того, непосредственно субъекту государственной феодальной собственности в Индии поступал налог с относительно небольшого невладельческого слоя земледельцев, посаженных на землю государством (в этом последнем случае рента, очевидно, была эквивалентна налогу). Согласно характеристике Е. М. Медведева, «в средневековой Индии... происходил раздел прибавочного продукта между господствовавшим слоем феодалов (государство, иктадары, джагирдары и др.), обычно обладавшим ограниченным правом распоряжения землей, и подчиненным слоем феодалов, обладавшим правом распоряжения землей, но имевшим возможность получения ренты для себя только за счет разницы между объемом прибавочного продукта и налогом-рентой в пользу господствовавшего слоя» [143, с. 40].

Прослеживая разноступенчатое движение ренты от непосредственных производителей к субъектам камбоджийской и индийской государственной феодальной собственности на землю и различный характер распределения ренты в этих сопоставляемых системах собственности, мы раскрываем типологическое различие между формами государственной феодальной собственности Камбоджи и Индии. Хотя «тяжесть всех податей, в том числе и налога, в конечном счете лежала на непосредственном производителе», подчеркивает Л. Б. Алаев, «однако для типологии социальных отношений весьма важно, являлась ли налоговая система формой эксплуатации непосредственного производителя или же способом перераспределения ренты между группами господствующего класса» [105, с. 77].

Выявленное типологическое различие форм государственной феодальной земельной собственности Камбоджи и Индии существенно важно для характеристики других (тесно связанных между собой и взаимообусловливаемых) отличий сравниваемых систем. Это — отсутствие (или наличие) верховного — с точки зрения рентных отношений — характера государственной феодальной

собственности на землю; те или иные параметры данной собственности в масштабе общества: либо ограниченной экономическими отношениями субъекта собственность с непосредственными производителями, рента с которых изымалась именно в сфере этой формы собственности, либо охватывающей также и другие формы феодальной земельной собственности — верхнеслойной по отношению к ним системы.

Анализируя сущностные отношения земельной собственности в Камбодже середины XIX в., мы не нашли в них места для категории верховной государственной феодальной собственности на землю, так как выделенная нами государственно-феодальная форма земельной собственности являлась отдельной формой собственности, не носящей верховного характера по отношению к какой-либо другой форме камбоджийской феодальной собственности. Действительно, рассмотренная в настоящей работе частная феодальная форма собственности на землю в Камбодже была наделена полным налоговым иммунитетом, экономически полностью обособлена от государственной, и рента, изымаемая в сфере этой собственности, а также и в остальных, не исследованных еще формах кхмерской феодальной земельной собственности (на домениальные земли, на земли пагод и на должностные поля), как мы знаем, субъекту государственно-феодальной собственности не поступала. Что же касается средневековой Индии, то верховный — с точки зрения экономического содержания — характер существовавшей в ней государственной феодальной земельной собственности по отношению к подчиненной частной феодальной форме собственности на землю, вследствие раздела ренты между субъектами обеих этих форм собственности, сомнению не подлежит.

Применительно к позднесредневековой камбоджийской собственности на землю мы пользовались термином «верховная» лишь в юридическом аспекте, отвлекаясь от непосредственного анализа отношений земельной собственности в их реальной форме. Заметим, что при всех отличиях действительных отношений феодальной земельной собственности в Камбодже и Индии в системах юридической собственности на землю этих стран в эпоху средневековья обнаруживается явное типологическое сходство: камбоджийская верховная и ни-

зовая юридическая собственность на землю вполне соотносимы с индийской верховной и подчиненной юридической земельной собственностью.

Не являясь — с точки зрения экономических, рентных отношений — верховной, кхмерская государственно-феодальная собственность на землю не была всеохватывающей системой в масштабе всего общества, ее параметры ограничивались определенной частью общественно-производственных отношений, существующих в сфере только этой формы феодальной земельной собственности между ее субъектом и землевладельцами сословия нэак тьеа, являвшимися непосредственными производителями в системе данной собственности, и изымаемая у них рента в полном объеме присваивалась субъектом именно этой формы собственности. Правда, поскольку нэак тьеа составляли преобладающую часть земледельческого населения страны, данная форма феодальной земельной собственности имела в Камбодже позднего средневековья доминирующее значение. Государственная феодальная собственность на землю в Индии эпохи средневековья также имела сектор прямых (не через подчиненных собственников) экономических отношений субъекта этой собственности с непосредственными производителями, представленными относительно незначительным слоем налогоплательщиков — крестьян, посаженных на землю государством, весь объем ренты с которых взимался субъектом данной собственности только в виде налога. Но не этот сектор отношений индийской государственной феодальной собственности на землю определял ее облик, ибо доминирующую роль в ней играли двухступенчатые экономические отношения субъекта государственной собственности с непосредственными производителями, часть изымаемой у которых ренты поступала субъекту подчиненной формы феодальной собственности, а другая часть ренты — субъекту государственной феодальной собственности на землю.

Поэтому, констатируя наличие в системе государственной феодальной земельной собственности в Индии сравнительно узкого сектора производственных отношений, близкого к тем отношениям, которые в сфере государственно-феодальной собственности в Камбодже являлись единственно функционирующими и всеобъемлющими, мы проводим типологическое сопоставление

форм государственной феодальной собственности на землю в обеих странах прежде всего по доминирующим в них экономическим отношениям. По преобладающим в ней отношениям индийская государственная феодальная собственность, в отличие от камбоджийской, была верховной, движение ренты, поступающей ее субъекту, было двухступенчатым и проходило через субъект подчиненной ей собственности. Этим определялись параметры государственной феодальной собственности в Индии, которая охватывала верхний слой в указанной двухступенчатой системе производственных отношений, а также полностью включала в себя сектор прямых экономических отношений субъекта данной собственности с крестьянами, эксплуатируемыми посредством взимания ренты, эквивалентной налогу, т. е. сектор, в котором государственная феодальная собственность, не сочетаясь с подчиненной, была лишена верховного характера.

Стремясь увидеть, какие из феодальных обществ сходны с позднесредневековым кхмерским обществом по типу доминирующих в их государственной феодальной земельной собственности отношений, мы должны обратиться не к тем системам, где, подобно средневековой индийской, преобладающую роль играла двухступенчатая форма движения ренты через подчиненную собственность к верховной и раздела ренты между субъектами обеих этих форм собственности, а к таким системам отношений государственной феодальной земельной собственности, в которых форма изъятия ренты с непосредственных работников в сфере данной собственности исключительно в пользу ее субъекта была преобладающей не только в рамках государственной собственности, но и в масштабе всего феодального общества в целом.

Попытаемся взглянуть на подобные системы эпохи средневековья, где существовали такие экономические отношения, когда господствующие социальные группы, тесно переплетающиеся с государственным аппаратом, в централизованном порядке взимали ренту преимущественно в виде налогов и сборов с эксплуатируемого ими относительно однородного в социальном смысле слоя непосредственных производителей, хозяйственно самостоятельных и не состоящих в личной или поземельной зависимости от отдельных частных феодалов типа полных собственников-иммунистов или подчиненных соб-

ственников. Такие системы, как нам кажется, имели место в сопредельном с Камбоджей и близком ей по ряду социальных черт Таиланде, а также в удаленной от Камбоджи и весьма далекой от нее по общественному устройству Норвегии.

Интересующее нас типологическое сходство с государственно-феодальной собственностью в Камбодже середины XIX в. в определенной мере просматривается в том анализе социально-экономических и правовых отношений в позднесредневековом тайском обществе, который дает Э. О. Берзин: «Юридически король был верховным собственником всей земли в государстве... Традиционной формой ренты-налога, которую платили феодальному государству крестьяне... была шестимесячная барщина... Со временем к ней прибавился ряд других натуральных и денежных налогов... Крестьяне, не отработавшие государственной барщины (в окраинных и частично центральных районах страны), должны были платить государству натуральный оброк (рисом... и др., в зависимости от района)» [113, с. 8, 9].

Государственных крестьян, обязанных отрабатывать ежегодную шестимесячную (позднее трехмесячную) трудовую повинность, которая в периферийных и в части центральных районов страны трансформировалась во взимаемую государством натуральную ренту, Э. О. Берзин определяет как наиболее значительную «категорию феодально-зависимого крестьянства» [113, с. 9]. Данная характеристика относится к Таиланду середины XVII в., когда помимо слоя государственных крестьян имелась еще одна категория «пожалованных» крестьян, которые были предоставлены «вместе со своими наделами чиновникам-феодалам за службу» [113, с. 9]. Система их эксплуатации частными феодалами была тождественна эксплуатации государственных крестьян: «Крестьяне, пожалованные феодалам, были обязаны нести в их пользу шестимесячную барщину или платить эквивалентный оброк, натуральный либо денежный... феодальная рента с крестьян данной категории взималась главным образом в форме оброка» [113, с. 10]. Разница состояла в том, что субъектом присвоения этой феодальной ренты в данном случае было уже не государство, а частные условные (ненаследственные, временные, — на период несения службы) феодальные собственники земли. Эта форма

частной условной феодальной земельной собственности, связанная с системой сакдина — наделением земельными участками в зависимости от ранга (должности) чиновника — была присуща Таиланду XVI—XVIII вв., и она, видимо, сопоставима с формой собственности на «поля должностей» в Камбодже позднего средневековья.

При рассмотрении экономического положения разных слоев крестьян в тайском обществе на рубеже XVIII—XIX вв. Э. О. Берзин также отмечает наличие особенно интересующего нас «сектора свободного (государственного) крестьянства» [114, с. 138] и констатирует, что численность входящего в данный сектор «формально свободного крестьянства» составляет по крайней мере две трети общего количества крестьян в стране [114, с. 195] По своему удельному весу в земледельческом населении номинально свободное тайское крестьянство трай лыонг приближалось к соответствующему ему слою кхмерского общества — лично свободным земледельцам нэак тьеа; обе эти категории непосредственных производителей были экономически (хозяйственно) самостоятельны, социально однородны, не находились в личной или в поземельной зависимости от отдельных феодалов и эксплуатировались феодальным государством — субъектом присвоения изымаемой у них ренты.

Типологическое сходство с отношениями государственно-феодальной собственности в позднесредневековой Камбодже в некоторой мере можно увидеть и в Норвегии, где, как показал А. Я. Гуревич, «крестьянин (бонд) оставался свободным от личной зависимости на протяжении всего средневековья» [120, с. 247] и «часть бондов не держала землю от крупных вотчинников, подчиняясь лишь фискальному и судебно-административному аппарату государства» [120, с. 251], причем данный слой крестьян «был относительно велик» [120, с. 25]. Статус этой части норвежских бондов, лично свободных и не находящихся в поземельной зависимости от отдельных частных феодалов, в указанных отношениях похож на положение камбоджийских нэак тьеа. Личная свобода норвежских бондов была «сопряжена» с их определенными обязанностями, предусматривающими «поборы и службы, исполняемые в интересах господствующего класса, а сплошь и рядом даже и непосредственно в пользу отдельных его представителей, уполномоченных

королем на их присвоение» [120, с. 24, 25]. Эта «эксплуатация крестьянства» господствующим классом Норвегии, которая «носила не частноправовой, сеньориальный, а публичноправовой (государственно-правовой) характер» [120, с. 30], такая «система феодально-государственной эксплуатации» [120, с. 31] в определенной мере напоминает эксплуатацию крестьян нэак тьеа в сфере государственно-феодальной собственности на землю в Камбодже позднего средневековья.

Выявленное сходство феодальных обществ Камбоджи, Таиланда и Норвегии по характеру доминирующих в них отношений (значительного в масштабах каждого общества слоя непосредственных производителей, свободных от личной и поземельной зависимости от отдельных феодалов, но находящихся в административной, фискальной и судебной зависимости от феодального государства, взимавшего с них ренту, с субъектом присвоения этой ренты) позволяет увидеть также и типологическое отличие таких феодальных систем от других феодальных обществ, характеризующихся почти всеобъемлющим закрепощением крестьянства и преобладанием частных форм феодальной земельной собственности и эксплуатации.

Как нам представляется, на необходимость подобного типологического различения феодальных обществ указал М. Б. Свердлов, сравнивая феодальную собственность на землю во Франции и Германии с системой феодализма на Руси, включавшей в себя отношения собственности, сложившиеся на «черных» общинных землях, занятых черносошными крестьянами, эксплуатируемыми непосредственно государством путем изъятия у них особого вида феодальной ренты в виде податей: «Дело в том, что определение собственности феодалов как монопольной, иерархической, условной совершенно справедливо, но оно было сформулировано на примере прежде всего Франции и Германии, где земельная собственность приобрела эти черты в результате полного исчезновения свободного крестьянства и раннего формирования крепостнических отношений. В странах же, в которых крепостничество сложилось позднее, или охватило лишь часть государственной территории, или вообще не сложилось, где существовал на всем протяжении феодальной формации значительный слой лично свободного кре-

стьянства, владеющего земельными участками, характеристика феодальной земельной собственности должна учитывать эти особенности» [165, с. 47].

Выявление черт сходства и различия феодальных систем в позднесредневековой Камбодже и в ряде других стран эпохи средневековья по типу доминирующих в них отношений собственности на землю должно быть дополнено соответствующей сравнительной характеристикой кхмерской и некоторых иных форм частной феодальной земельной собственности, прежде всего индийской. Как уже было отмечено при первоначальном общем сопоставлении основных форм феодальной собственности на землю в Камбодже и в Индии, свойственная последней форма частной феодальной земельной собственности основывалась на «внутриобщинной системе эксплуатации», в процессе которой «полноправные общинники», представляющие собой слой сельских «наследственных землевладельцев», изымали ренту у различных категорий трудового деревенского населения, «стоявших ниже общинников-землевладельцев» [103, с. 119, 121].

Раскрывая социальный состав этого эксплуатируемого сельского населения, Л. Б. Алаев называет членов «низших земледельческих» каст, а также разорившихся членов «высших» каст [103, с. 118]; расчленяя же это трудовое население деревни по экономическому признаку, он выделяет категории «арендаторов отдельных общинников, ведущих самостоятельное крестьянское хозяйство», «арендаторов-издольщиков, частично лишенных средств производства», «лично свободных наемных работников (поденщиков и батраков)», «несвободных работников, находящихся в личной долговой или традиционной зависимости от хозяина. В этой последней категории встречались все оттенки как крепостнических, так и рабских отношений» [103, с. 118].

Хотя по своей социальной организации частная феодальная собственность на землю в Камбодже позднего средневековья, не базируясь на общинной структуре и будучи лишена каких-либо примет кастовости, резко отличается от частной феодальной земельной собственности в средневековой Индии, но с точки зрения экономической характеристики эксплуатируемых в сферах этих форм собственности категорий непосредственных производителей и методов отчуждения у них прибавоч-

ного труда (или продукта) обе формы частной феодальной собственности обнаруживают черты сходства. Определяя систему внутриобщинной эксплуатации в средневековой Индии как «в целом феодальную» [103, с. 121], Л. Б. Алаев указывает на наличие в этой системе трех видов эксплуатации и в то же время подчеркивает, что «невозможно выделить» соответствующие им «более или менее самостоятельные уклады наемных, крепостнических или рабовладельческих отношений. Почти в каждом хозяйстве все они переплетались. Юридически свободный работник часто находился в долговой кабале. Раб (в юридическом смысле) нередко эксплуатировался феодальными методами, т. е. получал от хозяина участок земли, за который платил трудом и продуктом» [103, с. 118].

В отличие от Индии, в позднесредневековой Камбодже наемных работников типа поденщиков и батраков не было и вида эксплуатации, соответствующего таким наемным отношениям, не существовало. В рассматриваемое время в сфере кхмерской феодальной частной земельной собственности, сравнительно с формой индийской частной феодальной собственности на землю, еще более ограниченные размеры имело применение вида эксплуатации, основанного на рабовладельческих (по своему политико-экономическому содержанию) отношениях, когда лично зависимые кхньомы, лишенные самостоятельного хозяйства и живущие при доме своего господина, обрабатывали принадлежавшую ему землю, от которой они были полностью отделены как от средства производства. Наиболее характерным для камбоджийской частной феодальной земельной собственности был вид эксплуатации лично зависимых непосредственных производителей кхньом-крау, ведущих свое самостоятельное хозяйство на отдельных участках земли, выделенных господином или занимаемых ими с его разрешения. Изъятие у этих кхньом-крау продуктовой (реже — отработочной) ренты очень напоминает указанный выше крепостнический способ эксплуатации, при котором индийский лично зависимый работник, получая от хозяина участок земли, «платил трудом и продуктом». Функционирование в системе кхмерской частной феодальной собственности на землю также и «арендного» способа изъятия продуктовой ренты у номинально сво-

бодных, но фактически находящихся в отношениях зависимости земледельцев-арендаторов, существенно дополняет сходство сравниваемых форм частной феодальной собственности на землю.

Основной чертой типологического сходства форм кхмерской и индийской частной феодальной земельной собственности является, таким образом, наличие «широкого спектра» феодальных методов отчуждения прибавочного труда (или продукта) непосредственных производителей «от крепостничества до „свободной“ аренды» [103, с. 121].

Типологическое различие обеих сопоставляемых форм частной феодальной собственности на землю определяется тем, что существующие в сфере кхмерской частной феодальной собственности экономические отношения, в отличие от соответствующей формы индийской собственности, были полностью обособлены от государственной феодальной собственности на землю, субъекту которой рента, взимаемая частными феодальными собственниками с непосредственных работников-земледельцев, ни в какой мере не поступала. Такое функционирование камбоджийской частной феодальной земельной собственности как отдельной формы экономических отношений, ее выход за рамки государственной феодальной собственности, не являвшейся верхнеслойной по отношению к ней системой, выражались в полных налоговых иммунитетах частных феодальных земельных собственников в Камбодже. Они взимали в свою пользу весь объем ренты — в противоположность частным феодальным подчиненным собственникам в Индии, которым после уплаты налога оставалась только часть ренты, изымаемой с непосредственных работников в сфере данной собственности.

С точки зрения типологии правового оформления «низовая» юридическая собственность частных феодальных земельных собственников в позднесредневековой Камбодже и «подчиненная» юридическая собственность субъектов частной феодальной собственности на землю в Индии в эпоху средневековья весьма сходны друг с другом и в определенной мере с такими формами отчуждаемой земельной собственности феодалов, как вотчина в России, сёэн в Японии, мюльк в странах Ближнего и Среднего Востока.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Труды основоположников марксизма-ленинизма *

1. Маркс К. Нищета философии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Т. 4.
2. Маркс К. Британское владычество в Индии.— Т. 9.
3. Маркс К. К критике политической экономии.— Т. 13.
4. Маркс К. Наброски ответа на письмо В. Засулич.— Т. 19.
5. Маркс К. Капитал.— Т. 23, 24, 25, ч. 1—2.
6. Маркс К. (Письмо) Анненкову, 28 декабря (1846).— Т. 27.
7. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству.— Т. 46, ч. 1.
8. Маркс К. Конспект книги М. М. Ковалевского «Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения».— «Советское востоковедение». 1958, № 3, 4, 5; «Проблемы востоковедения», 1959, № 1; «Народы Азии и Африки». 1962, № 2.
9. Маркс К. Конспект книги Дж. Фира «Арийская деревня в Индии и на Цейлоне».— «Народы Азии и Африки». 1964, № 1; 1965, № 1; 1966, № 5.
10. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии.— Т. 7.
11. Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Т. 20.
12. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— Т. 21.
13. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Т. 3.
14. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов.— Т. 1.
15. Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Т. 3.
16. Ленин В. И. Рабочая партия и крестьянство.— Т. 4.
17. Ленин В. И. Аграрная программа русской социал-демократии.— Т. 6.
18. Ленин В. И. Замечания на второй проект программы Плеханова.— Т. 6.
19. Ленин В. И. Пересмотр аграрной программы рабочей партии.— Т. 12.
20. Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов.— Т. 16.
21. Ленин В. И. Крепостное хозяйство в деревне.— Т. 25.
22. Ленин В. И. Речь по аграрному вопросу 22 мая 1917 г.— Т. 32.
23. Ленин В. И. Государство и революция.— Т. 33.
24. Ленин В. И. О государстве.— Т. 39.

* Труды К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изд. Сочинений, работы В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

25. Aymonier E. Dictionnaire français-cambodgienne. Saigon, 1874.
25a. Aymonier E. Dictionnaire khmer-français. Saigon, 1878.
26. Aymonier E. Notice sur le Cambodge. P., 1875.
27. Aymonier E. Géographie du Cambodge. P., 1876.
28. Aymonier E. Le Cambodge. Vol. I, II, III. P., 1900.
29. Bastian A. Die Volker des Oestilichen Asien. Studien und Reisen von Dr. Adolf Bastian, t. 4. — Reisen durch Kambodja nach Cochinchina. Jena, 1868.
30. Bissachère (de la) État actuel du Tunkin, de la Cochinchine, et des royaumes de Cambodge, Laos et Lac-tho. Vol. I, II. P., 1812.
31. Bois D. Les plantes utiles de la Cochinchine et du Cambodge.— «Bulletin du Comité de l'Asie Française». P., 1906, mai.
32. Bonard (Vice-Amiral) Exploration du grand fleuve.— «Revue Maritime et Coloniale». T. 7. P., 1863.
33. Bouillevaux C. E. Voyage dans l'Indo-Chine 1848—1856 avec carte du Cambodge. P., 1858.
34. Bouillevaux C. E. L'Annam et le Cambodge. Voyage et notices historiques accompagnés d'une carte géographique. P., 1874.
35. Bouillevaux C. E. Ma visite aux ruines cambodgiennes en 1850.— «Mémoires de la Société Académique Indo-Chinoise de France», t. 1, P., 1879.
36. Bouinais A. et Paulus A. Le Royaume du Cambodge.— «Revue Maritime et Coloniale», t. 82. P., 1885.
37. Bouinais A. et Paulus A. L'Indo-Chine française contemporaine (Cochinchine, Cambodga, Tonkin, Annam). P., 1885.
38. Bouinais A. et Paulus A. La France en Indo-Chine. P., 1886.
39. Bowring J. The Kingdom and People of Siam; with a Narrative of the Mission to that Country in 1855. Vol. I, II. L., 1857.
40. Branda P. (Réveillère) Çà et Là, Cochinchine et Cambodge, l'âme khmère, Ang-Kor. P., 1892.
41. Campbelle J. Notes... of Cambodia, Compiled from Manuscripts of the Late J. Forrest.— «Journal of the Royal Geographical Society». L., 1860, c. 182—198.
42. Carné L. Le Royaume du Cambodge et le protectorat français.— «Revue des Deux Mondes». T. LXXIV. P., 1869.
43. Carné L. Voyage en Indo-Chine et dans l'empire chinois. P., 1872.
44. Corbigny B. De Saigon à Bangkok par l'intérier de l'Indo-Chine; notes de voyage janvier-février 1871.— «Revue Maritime et Coloniale», t. 33—34. P., 1872.
45. Cordier H. La politique coloniale de la France au début du Second Empire (Indo-Chine, 1852—1858).— «T'oung Pao» ou Archives concernant l'histoire... de l'Asie Orientale, vol. X. Leide, 1909.
46. Croizier (Marquis de). Les Explorateurs du Cambodge.— «Bulletin de la Société Académique Indo-Chinoise», vol. 1, P., 1878—1879.
47. Delaporte L. Le Cambodge et les régions inexplorées de

L'Indo-Chine Centrale.— «Bulletin de la Société de Géographie». Sixième série, vol. 9, P., 1875.
48. Delaporte L. Voyage au Cambodge, architecture khmer. P., 1880.
49. Delaporte L. Le Cambodge, vol. 1, par E. Aymonier.— «Revue de Géographie», т. XLVII. P., 1900.
50. Detroyat L. La France dans l'Indochine. P., 1886.
51. Doumer P. L'Indo-Chine Française (Souvenirs). P., 1903.
52. Feer L. La question du fleuve Rouge.— «Bulletin de la Société Académique Indo-Chinoise», vol. 1. P., 1878—1879.
53. Garnier F. Chronique royale du Cambodge.— «Journal Asiatique». T. XX. P., 1872.
54. Garnier F. Voyage d'exploration en Indo-Chine.— «Revue maritime et coloniale». P., 1869, avril.
55. Garnier F. Voyage d'exploration en Indo-Chine.— «Tour du Monde», t. XXII. P.—L., 1870—1871.
56. Garnier F. Voyage d'exploration en Indo-Chine effectué par une Comission française présidée par Doudart de Lagrée... Vol. I, II. P., 1873.
57. Garnier F. Voyage d'exploration en Indo-Chine effectué par une Comission française présidée par Doudart de Lagrée... Relation emprunté au journal «Tour du Monde», revue et annoté par L. Garnier. P., 1885.
58. Harmand J. Voyage au Cambodge. P., 1876.
59. Harmand J. Notes de voyage en Indo-Chine.— «Bulletin de la Société Académique Indo-Chinoise», vol. I. P., 1878—1879.
60. Janneau G. Le Cambodge d'autrefois.— «Revue Indochinoise», Hanoi, 1914, t. XXI, №№ 3—6.
61. Julien F. Lettres d'un précurseur Doudart de Lagrée au Cambodge et en Indo-Chine. P., 1886.
62. Kennedy H. Report of an Expedition made into Southern Laos and Cambodia in the Early Part of the Year 1866.— «Journal of the Royal Geographical Society». Vol. XXXVII. L., 1867.
63. King D. O. Travels in Siam and Cambodia.— «Journal of the Royal Geographical Society», vol. XXX. L., 1860.
64. Lagrillère-Beauclerc E. A travers l'Indo-Chine Cochinchine—Cambodge—Annam—Tonkin—Laos. P., 1900.
65. Lanessan J. L'Indo-Chine Française (étude politique, économique et administrative sur la Cochinchine, le Cambodge, l'Annam et le Tonkin). P.. 1889.
66. Lanessan J. Le colonisation française en Indo-Chine. P., 1895.
67. Lanessan J. Principes de colonisation. P., 1897.
68. Leclère A. Recherches sur Législation cambodgienne (Droit privé). P., 1890.
69. Leclère A. Moeurs et coutumes des Cambodgiens. — «Revue scientifique». P., 1893. LI, № 3, 4.
70. Leclère A. Droit cambodgien (le régime de la communauté; les donations; les successions).— «Nouvelle Revue Historique de Droit Français et Étranger», P., 1894, XVIII.
71. Leclère A. Recherches sur la législation criminelle et la procedure des Cambodgiens. P., 1894.
72. Leclère A. Recherches sur le droit public des Cambodgiens. P., 1894.

73. Leclère A. Recherches sur les origines brahmaniques des lois cambodgiens.— «Nouvelle Revue Historique de Droit Français et Étranger». P., 1898—1899.
74. Leclère A. La culture du riz au Cambodge.— «Bulletin economique du l'Indo-Chine». 1899, juin, juillet.
75. Leclère A. Le Bouddhisme au Cambodge. P., 1899.
76. Leclère A. Histoire de Kampot et de la rebellion de cette province en 1885—1887.— «Revue Indo-Chinoise», Hanoi, 1907, t. 5, № 61.
77. Leclère A. L'insurrection de Kampot en 1885.— «Etudes cambodgiennes». Phnompenh, 1967, № 9.
78. Lemire Ch. Cochinchine française et Royaume de Cambodge. P., 1869.
79. Lemire Ch. Etablissement du protectorat français au Cambodge. P., 1879.
80. Lemire Ch. Indo-Chine — Cochinchine Française — Royaume de Cambodge — Royaume d'Annam et Tonkin. P., 1884.
81. Les codes cambodgiens, vol. I, II. P., 1898.
82. Lettres sur le Cambodge (traduits du cambodgien).— «Revue maritime et coloniale». P., 1865, juin.
83. Meyniard Ch. Le Second Empire en Indo-Chine (Siam, Cambodge, Annam). P., 1891.
84. Montano J. Cochinchine française, Royaume du Cambodge, Royaume d'Annam et Tonkin par Ch. Lemire.— «Revue d'etnographie», vol. 3. P., 1884.
85. Mouhot H. Voyage dans les Royaumes de Siam, de Cambodge, de Laos et autres parties centrales de l'Indo-Chine 1858—1861.— «Tour du Monde», VIII. P.—L., 1863.
86. Mouhot H. Voyage dans les Royaumes de Siam, de Cambodge, de Laos et autres parties centrales de l'Indo-Chine. P., 1972.
87. Moura J. Le royaume du Cambodge, vol. I, II. P., 1883.
88. Nicolas P. Notice sur l'Indo-Chine — Cochinchine, Cambodge, Anname... publiées a l'occasion de l'exposition Universelle de 1900.
89. Notice sur le Cambodge.— «Bulletin économique de l'Indochine». Hanoi, 1902.
90. Paulus A. L'esclavage dans l'Indo-Chine et en particulier au Cambodge et dans l'Annam (Extrait du Bulletin des sciences économiques et sociales, 1885).
91. Pavie A. Mission Pavie en Indo-Chine. 3 vol. (Vol. II: Recherches sur l'histoire du Cambodge, du Laos et du Siam). P., 1898.
92. Pavie A. Mission Pavie. 9 vol. (vol. I: Recherches sur la litterature du Cambodge, du Laos, du Siam; vol. II: Recherches sur l'histoire de ces même pays). P., 1898—1903.
93. Postel R. Le réception royale au Cambodge.— «Bulletin de la Société Académique Indo-Chinoise», vol. II. P., 1879—1880.
94. Reinach L. Recueil des traités conclus par la France en Extrême Orient, vol. I, II. P., 1902.
95. Taboulet G. La geste française en Indochine. Histoire par les textes de la France en Indochine des origines à 1914, vol. I, II. P., 1956.
96. Testoin E. Le Cambodge passé, présent, avenir. Tours, 1886.

97. Thorel C. Notes medicales du voyage d'exploration du Mékong et de la Cochinchine (de 1862 à 1868). P., 1870.
98. Thorel C. Agriculture et horticulture.— Garnier F. Voyage d'exploration en Indochine effectué par une Commission française presidée par Doudart de Lagrée..., vol. II. P., 1873.
99. Villemereuil A. B. Doudart de Lagrée chef de l'exploration du Me-Kong et de l'Indo-Chine et ses manuscrits relatifs au Royaume du Cambodge.— «Mémoires de la Société Académique Indo-Chinoise de France», t. I. P., 1879.
100. Villemereuil A. B. Explorations et Missions de Doudart de Lagrée. Extraits de ses manuscrits. P., 1883.

Литература

101. Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. М., 1974.
102. Алаев Л. Б. Южная Индия, социально-экономическая история XIV—XVIII вв. М., 1964.
103. Алаев Л. Б. О характере общественного строя средневековой Индии.— Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973.
104. Алаев Л. Б. Социальная структура индийской деревни (территория Уттар-Прадеша, XIX век). М., 1976.
105. Алаев Л. Б. К типологии феодализма на Востоке.— «Народы Азии и Африки». 1977, № 4.
106. Антонова К. А. Аграрные отношения в Индии накануне английского завоевания.— «Известия АН СССР». Серия истории и философии. Т. VI. 1949, № 5.
107. Антонова К. А. Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605 гг.). М., 1952.
108. Ашрафян К. З. Аграрный строй Северной Индии. XIII — середина XVIII в. М., 1965.
109. Ашрафян К. З. Проблемы развития феодализма в Индии.— «Народы Азии и Африки». 1969, № 4.
110. Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма (XI—XIII вв.). М., 1963.
111. Барг М. А. Проблемы социальной истории в освещении современных западных медиевистов. М., 1973.
112. Барг М. А. О природе феодальной собственности.— «Вопросы истории». 1978, № 7.
113. Берзин Э. О. Борьба европейских держав за сиамский рынок (30—80-е годы XVII в.). М., 1962.
114. Берзин Э. О. История Таиланда. М., 1973.
115. Бессмертный Ю. П. Феодальная деревня и рынок в Западной Европе в XII—XIII вв. М., 1969.
116. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. М.—Л., 1948.
117. Ганковский Ю. В. Народы Пакистана. М., 1963.
118. Горский А. Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М., 1960.
119. Губер А. А. Индонезия. Социально-экономические очерки. М., 1933.

120. Гуревич А. Я. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М., 1967.
121. Гуревич А. Я. Проблемы земельной собственности в дофеодальных и ранне-феодальных обществах Западной Европы.— «Вопросы истории». 1968, № 4.
122. Гуревич Н. М. Некоторые проблемы коммутации поземельного налога в странах Азии.— «Народы Азии и Африки». 1974, № 1.
123. Гутнова Е. В. Сословная монархия и крестьянство в Западной Европе XIII—XV веков.— «Вопросы истории». 1978, № 8.
124. Дембо Л. И. Юридическая природа феодальной земельной собственности.— Тезисы докладов по секции юридических наук на научной сессии ЛГУ 16—30 ноября 1945 г. Л., 1945.
125. Дембо Л. И. Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. Л., 1954.
126. Дементьев Ю. П. Политика Франции в Камбодже и Лаосе (1852—1907). М., 1960.
127. Дементьев Ю. П. Массовые движения в Камбодже (вторая половина XIX в.).— «Народы Азии и Африки». 1975, № 1.
128. Дементьев Ю. П. Политика Франции в Индокитае и образование Индокитайского Союза (1858—1907). М., 1975.
129. Деопик Д. В. Корпус имен рабов и представителей других категорий лично зависимых в Камбодже в V—VIII вв. (по данным эпиграфики).— Эпиграфика Восточной и Южной Азии. М., 1972.
130. Деопик Д. В. Камбоджа. Исторический очерк (до 1945 г.).— СИЭ. М., 1965, т. 6, стр. 878—882.
131. Жуков Е. М. Некоторые вопросы теории социально-экономических формаций.— «Коммунист». 1973, № 11.
132. Илюшечкин В. П. Рента как основная форма отчуждения прибавочного продукта в древних и средневековых обществах на примере Китая.— Научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы. Вып. 1. М., 1971.
133. Илюшечкин В. П. Рентный способ эксплуатации в добуржуазных обществах древности, средневековья и нового времени (на правах рукописи). М., 1971.
134. Каштанов С. М. Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте.— Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970.
135. Козлова М. Г. Бирма накануне английского завоевания (Общественный и государственный строй). М., 1962.
136. Колганов М. В. Собственность. Докапиталистические формации. М., 1962.
137. Комаров Э. Н. Бенгальская деревня и крестьянское хозяйство во второй половине XVIII в.— «Ученые записки Института востоковедения». Т. XVIII. М., 1957.
138. Конрад Н. И. Избранные труды. История. М., 1974.
139. Косминский Е. А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.—Л., 1947.
140. Котовский Г. Г. Аграрная политика английских колонизаторов в Индии в 60-е годы XIX в.— Народное восстание в Индии 1857—1859 гг. М., 1957.
141. Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.

142. Медведев Е. М. К вопросу о социально-экономическом строе древней Индии.— «Народы Азии и Африки». 1966, № 6.
143. Медведев Е. М. Рента, налог, собственность. Некоторые проблемы индийского феодализма.— Проблемы истории Индии и стран Среднего Востока. М., 1972.
144. Медведев Е. М. Генезис феодальной формации в Индии.— Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973.
145. Можейко И. В. О некоторых чертах феодализма в Бирме XI—XIII вв.— Очерки из истории Юго-Восточной Азии. М., 1965.
146. Назаров В. Д., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Проблемы общественно-политической истории феодальной России в новейшей историографии.— «Вопросы истории». 1976, № 4.
147. Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе XII—XIII вв. М., 1956.
148. Неусыхин А. И. Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв. М., 1964.
149. Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1975.
150. Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972.
151. Носов Н. Е. О двух тенденциях развития феодального землевладения в Северо-Восточной Руси в XV—XVI вв. (К постановке вопроса).— Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Дооктябрьский период. М., 1972.
152. О системе категорий и законов политической экономии. М., 1973.
153. Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.
154. Пак М. Н. Дискуссии по проблемам феодализма в Корее.— «Советское востоковедение». 1958, № 2.
155. Пак М. Н. О возникновении и утверждении феодализма в Корее (Некоторые проблемы современной корейской историографии).— Историография стран Востока. Проблемы социально-экономической истории феодализма в странах Востока (историографические очерки). М., 1969.
156. Переломов Л. С. Развитие стран Востока: общее и особенное.— «Проблемы Дальнего Востока». 1973, № 4.
157. Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.—Л., 1960.
158. Поршнев Б. Ф. Очерк политической экономии феодализма. М., 1956.
159. Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. М., 1964.
160. Преображенский А. А. Об эволюции феодальной земельной собственности в России XVIII — начала XIX века.— «Вопросы истории». 1977, № 5.
161. Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971.
162. Проблемы истории докапиталистических обществ. Т. I. М., 1968.
163. Рейснер И. М. Народные движения в Индии в XVII—XVIII вв. М., 1961.
164. Сапрыкин Ю. М. В. И. Ленин о феодализме и генезисе капиталистических отношений в земледелии.— «Средние века». Вып. XVIII, 1960.

165. Свердлов М. Б. Генезис феодальной земельной собственности в Древней Руси.— «Вопросы истории». 1978, № 8.
166. Седов Л. А. Социально-экономический и государственный строй ангкорской Камбоджи (IX—XIV вв.) (автореф. канд. дис.). М., 1964.
167. Седов Л. А. Собственность храмов ангкорской Камбоджи как форма собственности феодальных родов.— «Краткие сообщения Института народов Азии». № 75, 1965.
168. Седов Л. А. Ангкорская империя (социально-экономический и государственный строй Камбоджи в IX—XIV вв.). М., 1967.
169. Симоновская Л. В. Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII в. М., 1966.
170. Сказкин С. Д. Классики марксизма о феодальной собственности и внеэкономическом принуждении.— «Средние века». Вып. V, 1954.
171. Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М., 1968.
172. Смилянская И. М. Системы земельной собственности и социальная стратификация на Ближнем Востоке (позднее средневековье).— «Народы Азии и Африки». 1971, № 1.
173. Смирнов И. И. Заметки о феодальной Руси XIV—XV вв.— «История СССР». 1962, № 2.
174. Смолин Г. Я. К вопросу о крепостничестве в средневековом Китае.— Ленин и проблемы истории стран Азии. Л., 1970.
175. Смолин Г. Я. Особенности внеэкономического принуждения земледельцев в Китае X—XIII вв. (К вопросу о крепостничестве на Востоке).— «Народы Азии и Африки». 1970, № 1.
176. Сочевко Г. Г. Современная Камбоджа (1941—1965). М., 1967.
177. Сочевко Г. Г. Об аграрных отношениях в Камбодже.— Аграрные отношения в странах Юго-Восточной Азии. М., 1968.
178. Тверитинова А. С. К вопросу о крестьянстве и крестьянском землепользовании в Османской империи XV—XVI вв.— «Ученые записки Института востоковедения АН СССР». Т. XVII, 1959.
179. Тюрин А. Ю. К вопросу о формах эксплуатации земледельцев в Китае в III—VIII вв. (государственные подати и повинности).— «Вестник Московского Университета». Востоковедение. Сер. XIV, 1970, № 1.
180. Тюрин А. Ю. Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III—VIII вв. н. э. (к вопросу о надельной системе) (автореф. канд. дисс.). М., 1973.
181. Тюрин В. А. Социально-экономический строй малайских государств накануне английского завоевания.— Проблемы экономики стран Юго-Восточной Азии. М., 1959.
182. Хохлов А. Н. Аграрные отношения в Китае во второй половине XVIII — начале XIX в.— Краткие сообщения Института народов Азии. LIII. М., 1962.
183. Хохлов А. Н. О так называемой верховной собственности императора на землю в Китае (по материалам китайских источников XVIII—XIX вв.).— Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Вып. 1. М., 1974.
184. Черепнин Л. В. Основные этапы развития феодальной соб-

ственности на Руси (до XVII в.).— «Вопросы истории». 1953, № 4.
185. Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960.
186. Чеснов Я. В. Хозяйство и материальная культура кхмеров Восточного Индо-Китая (автореф. канд. дисс.). М., 1966.
187. Чеснов Я. В. Камбоджа.— Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1974.
188. Чеснов Я. В. Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
189. Чешков М. А. Очерки истории феодального Вьетнама. М., 1967.
190. Чешкова Э. С. Становление советской историографии Камбоджи.— Советская историография Юго-Восточной Азии. М., 1977.
191. Шапиро А. Л. О природе феодальной собственности на землю.— «Вопросы истории». 1969, № 12.
192. Шкредов В. П. Экономика и право (О принципах исследования производственных отношений в связи с юридической формой их выражения). М., 1967.
193. Шкредов В. П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. М., 1973.
194. Ajalbert J. L'Indochine par les Français. P., 1931.
195. Alberti J. Indochine d'autrefois et d'aujourd'hui. P., 1934.
196. Annuaire des États-Associés Cambodge—Laos—Vietnam. P., 1953.
197. Au Chhieng. Catalogue du fonds khmers. P., 1953.
198. Bériault R. Khmers. Montréal, 1957.
199. Blet H. Histoire de la colonisation française. Vol. I, II, III. Grenoble — Paris, 1947—1950.
200. Boisselier J. Le Cambodge. P., 1966.
201. Boudet P. Bibliographie de l'Indochine. P., 1967.
202. Boudet P. et Bourgeois R. Bibliographie de l'Indochine Française. Vol. I (1913—1926), vol. II (1927—1929). vol. III (1930). Hanoi, 1929, 1931, 1933.
203. Boudillon A. Le régime de la propriété foncière en Indochine. P., 1915.
204. Boudillon A. Le réforme du régime de la propriété foncière en Indochine. Hanoi, 1927.
205. Brébion A. Livre d'or du Cambodge, de la Cochinchine et de l'Annam (1625—1910). Biographie et bibliographie. Saigon, 1910.
206. Brébion A. Dictionnaire de bio-bibliographie... de l'Indochine. P., 1935.
207. Bruel H. Du régime aliénations domaniales en Indochine. Alger, 1920.
208. Bruel H. De la condition juridique des terres au Cambodge (protèctorat français). Poitiers, 1924.
209. Cabaton A. La vie domestique au Cambodge.— «Revue Indochinoise». Hanoi, 1910.
210. Cabaton A. Cambodge.— «France-Asie», № 37—38. Saigon, 1949.
211. Chastel G. Un siècle d'epopée Française en Indochine (1774—1874). P., 1947.
212. Coedès G. Essai du classification des documents historiques

cambodgiens.— «Bulletin de l'École Française ed'Extrême Orient». T. XVIII. Hanoi, 1918, № 9.
213. Coedès G. Les peuples de la péninsule indochinoise. P., 1962.
214. Collard P. Cambodge et Cambodgiens. P., 1925.
215. Cordier H. Bibliotheca Indosinica. Vol. IV (Cambodge). P., 1915.
216. Dannaud J. Cambodge. Lausanne, 1956.
217. Dauphin-Meunier A. Histoire du Cambodge. P., 1961.
218. Delhoumeaud P. Le propriété foncière et les concessions domaniales en Indochine. P., 1903.
219. Deloche de Campocasso. Les productions du Cambodge. Hanoi, 1922.
220. Deloche de Campocasso. Le Cambodge économique. Hanoi, 1923.
221. Delvert J. Géographie du Cambodge. — «France-Asie». № 114—115. 1955.
222. Delvert J. Le paysan cambodgien. P., 1961.
223. Dreyfus P. Le Cambodge économique. P., 1910.
224. Embrée and Dotson. Bibliography of Peoples and Cultures of Mainland Southeast Asia. New Haven, 1950.
225. Fabricius P. Prolegomenes à l'histoire khmère.— «France-Asie». Vol. XVII, № 164. Tokio, 1960.
226. Galembert J. Les administrations et les services publics indochinoises. Hanoi, 1924.
227. Ghosh M. A History of Cambodia from the Earlist Time to the End of the French Protectorat. Saigon — Gupta, 1960.
228. Gil M. Le régime juridique et économique de la propriété foncière en Indochine. Toulouse, 1926.
229. Girault A. Principes de colonisation et de législation coloniale. III Notions économiques. Deuxième partie: Les colonies françaises depuis 1815. P., 1930.
230. Giteau M. Histoire du Cambodge. P., 1957.
231. Gourou P. L'utilisation du sol en Indochine française. P., 1940.
232. Gourou P. L'Asie. P., 1964.
233. Henry Yv. Économie agricole de l'Indochine. Hanoi, 1932.
234. Heudebert L. L'Indo-Chine Française. P., 1909.
235. Imbert J. Histoire des institutions Khmères.— «Annales de la Faculté de Droit de Phnom-Penh», vol. 2. Phnom-Penh, 1961.
236. Jung E. Histoire d'un Colon. P., 1903.
237. Kleinpeter R. Le problème foncièr au Cambodge. P., 1937.
238. Le Cambodge. Préface d'Albert Guillaume. Cheminais, 1960.
239. Leclerc J. De l'Évolution et du developpement des Institutions annamites et cambodgiennes sous l'influence française. Rennes, 1923.
240. Le Gallen. Moeurs et coutumes de l'ancien Cambodge.— Maspero G. Un empire colonial français L'Indochine. Vol. I. P., 1929.
241. Le Thành Khôi. Histoire de l'Asie du Sud-Est. P., 1959.
242. Louis N. Les étrangers et le domaine cambodgien. P., 1934
243. Madrolle. L'Indo-Chine du Sud. P., 1926.
244. Maspero G. Un empire colonial français L'Indochine, vol. I, II. P., 1929—1930.
245. Maybon A. L'Indochine. P., 1931.
246. Meyer Ch. L'insurrection nationale de 1885—1886.— «Etudes cambodgiennes». № 9—15. Phnompenh, 1967, 1968.

247. Meyer Ch. Les chefs de l'insurrection nationale de 1885—1886.— «Etudes cambodgiennes». № 18. Phnompenh, 1969.
248. Migot A. Les khmers. Des origines d'Angkor au Cambodge d'aujourd'hui. P., 1960.
249. Monod G. Quelquels mots sur les Cambodgiens.— «Revue du Pacifique». № 7, 1923.
250. Monod G. Le Cambodgien. P., 1931.
251. Morizon R. Monographie du Cambodge. Hanoi, 1931.
252. Morizon R. L'immatriculation foncière de la propriété individuelle au Cambodge. P., 1934.
253. Pannetiers A. Notes Cambodgiennes. Au coeur du Pays Khmer. P., 1921.
254. Pinto R. Aspects de l'évolution gouvernemental de l'Indochine française. P., 1946.
255. Porée G. et Maspero É. Moeurs et coutumes des khmers. P., 1938.
256. Porée-Maspero É. Etudes sur les rites agraires des cambodgiens. T. I, II. P., 1962—1964.
257. Prom Tep Savang. Facteurs sociaux et religieux dans l'elevage au Cambodge. Toulouse, 1954.
258. Robequain Ch. L'Indochine française. P., 1935.
259. Rousseau A. Le Protectorat français du Cambodge. Organisation politique, administrative et financière. Dijon, 1904.
260. Russier H. Histoire sommaire du royaume de Cambodge des origines à nos jours. Saigon, 1914.
261. Salaun L. L'Indochine. P., 1902.
262. Silvestre A. Le Cambodge administratif. Phnom-Penh, 1924.
263. Steinberg D. Cambodia. Its People, its Society, its Culture. New Haven, 1957.
264. Sy H. Quelques traits relatifs à l'histoire du Cambodge.— «Revue d'Histoire des Missions». № 4. P., 1931.
265. Tan Kim Huon. Géographie du Cambodge et de l'Asie des Moussons. Phnom-Penh, 1957.
266. Thierry S. Les khmers. P., 1964.

Периодические издания

267. «Annales de la Faculté de Droit de Phnom-Penh». Phnom-Penh.
268. «Annuaire de la marine et de colonies». P.
269. «Bulletin de la Société Académique indo-chinoise». P.
270. «Bulletin de la Société de Géographie». P.
271. «Bulletin de la Société des Études Indochinoises». Saigon.
272. «Bulletin de l'Ecole Française d'Extrême-Orient». Hanoi — Paris.
273. «Bulletin des sciences économiques et sociales». P.
274. «Bulletin du Comité de l'Asie Française». P.
275. «Bulletin économique de l'Indo-Chine». Hanoi—Haiphons—Saigon.
276. «Cahiers de l'École Française d'Extrême-Orient». Hanoi.
277. «Etudes cambodgiennes». Phnom-Penh.
278. «France-Asie». Saigon — Tokio.
279. «Journal Asiatique». P.
280. «Journal of the Royal Geographical Society». L.
281. «Mémoires de la Société Académique Indo-Chinoise de France». P.

282. «Nouvelle Revue Historique de Droit Français et Étranger». P.
283. «Revue de Géographie». P.
284. «Revue d'Etnographie». P.
285. «Revue d'Histoire des Missions». P.
286. «Revue de l'Extrême-Orient». P.—L.
287. «Revue des Deux Mondes». P.
288. «Revue du Pacifique». P.
289. «Revue Indo-Chinoise». Hanoi.
290. «Revue Maritime et Coloniale». P.
291. «Revue scientifique». P.
292. «T'oung Pao ou Archives concernant l'histoire... de l'Asie Orientale». Leide.
293. «Tour du Monde». P.—L.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Объяснение кхмерских терминов, употребленных в работе *

Акара тьенда akara chenda [26, с. 29] — чиновник, ответственный за хранение денег, поступающих в казну первого королевского Дома ** в результате частичного взимания налога на падди в денежной форме

Ангкар бок тхвеа ângkâr bok thvéa [26, с. 41] — доля урожая падди, взимаемая по одной из статей налогообложения владельцев земли за «открытие дверей» амбаров главы королевского Дома, в которые ссыпали налоговый падди

Ангкар луп банhчи ângkâr lup banhchi [26, с. 41] — доля урожая падди, взимаемая по одной из статей налогообложения владельцев земли за «вычеркивание» из налоговых списков имени уплатившего налог на падди

Ангкар тьоэнг пон ângkâr choeûng pon [26, с. 41] — доля урожая падди, взимаемая по одной из статей налогообложения в пользу мелких должностных лиц, помогающих чиновникам, уполномоченным облагать владельцев земли налогом на падди

Баку (тж. преам) bakou [68, с. 9; 72, с. 34] — член сословия кхмерского индуистского духовенства

Балат balat [26, с. 32; 72, с. 202] — заместитель правителя округа

Баром баупит bârôm baupît [81, t. I, с. 2) — «высочайший государь, владыка земли» (один из титулов монарха Камбоджи)

Бомро bomro [72, с. 235] — чиновник с определенными полномочиями, посылаемый государем или правителем округа.

Бомро тьаувайкхэта bomro [72, с. 235] chauvai-khet [72, с. 203] — чиновник, посылаемый правителем округа, с полномочиями участвовать в обложении владельцев земли налогом на падди

Вореать-тьини voreach-chini [87, t. I, с. 228] — королева-мать — глава четвертого королевского Дома Камбоджи, включавшего в себя 3 из 50 округов страны.

Вэанг veang [26, с. 25; 37, с. 47] — государственный министр — главный казначей и управитель королевского дворца

Йок-дей yok-dey [74, с. 410] — взаимопомощь (в сельскохозяйственных работах)

---

* Кхмерские термины даются в той транскрипции, в которой они заимствованы из источника. В квадратных скобках приводится порядковый номер одного или нескольких источников, согласно месту в «списке использованной литературы», с указанием страницы источника.

** Главой первого королевского Дома, включавшего в себя 35 из 50 округов Камбоджи, являлся сам государь; остальные округа были предоставлены в управление (назначаемым им из числа его ближайших родственников) главам второго, третьего и четвертого королевских Домов (соответственно: 7, 5 и 3 округа).

Йоумареать ioumreach [37, с. 474], youmréach [72. с. 71] — государственный министр — главный королевский судья

Каун кхмуои kâun khmuôi [60, с. 413] — зависимые, сохраняющие принадлежность к сословию лично свободных подданных

Комланг komlang [60, с. 414; 68. с. 19] — контингент лично свободных подданных, состоящих в персональной зависимости от определенного привилегированного лица

Комнап komnap [81, t. II, с. 281] — предметы, вещи, найденные в земле

Кралапеас kralapéas [26, с. 32] cralapéas [72, с. 203] — местный чиновник низкого ранга, состоящий в подчинении правителя округа

Кралахом kralahom [26, с. 25; 37, с. 474] — государственный министр, ведающий водным транспортом

Крам кбатх соек krâm kbath soek [81, t. II, с. 233] — «закон о предательстве в военное время»

Крам мородак krâm morodâk [81, t. I, с. 339] — «закон о наследовании (имущества)»

Крам окня луонг krâm achnha luong [81, t. II, с. 250] — «закон о посланных государя»

Крам похулла теп krâm pohulla tép [81, t. II, с. 357] — «сельский закон (о сельских правонарушениях)»

Крам прохмотонт krâm prohmotont [81, t. I, с. 374] — «закон о дарениях»

Крам прэах реатьеа кхант krâm préas réachéa khant [81, t. II, с. 611) — «закон из отдельных пунктов (разрозненных законоположений)»

Крам прэах реатьеа прапданхисек krâm préas réachéa prapdâphisêk [81, t. I, с. 37] — «закон о коронации (о посвящении в государи)»

Крам пуок [*саупхэа*] krâm puok [sauphéa] [81, t. II, с. 557] — «закон о группе судей»

Крам реать нити саттх krâm réach niti satth [81, t. I, с. 65] — «закон об искусстве управления»

Крам теаса камокар krâm téasa kamokar [81, t. I, с. 386] — «закон о работе теаса (лично зависимых работников)»

Крам тоух пирийеа krâm tous pîriyéa [81, t. I, с. 235] — «закон о провинностях жён»

Крам тьор krâm chôr [81, t. II, с. 287] — «закон о злоумышленниках»

Красуонг krasuong [81, t. II, с. 406] — чиновник, присутствующий при замере земельных участков, занимаемых лично свободными подданными

Кром krôm [26, с. 27], krom [72, с. 71] — ведомство (возглавляемое чиновником высшего или среднего ранга)

Кром алак krôm alahk [26, с. 29] — ведомство счетоводов, состоящее в подчинении чиновника, ответственного за хранение денег, поступающих в казну первого королевского Дома в результате частичного взимания налога на падди в денежной форме

Кром кхлэанг поутьнеа krôm khleang poûchnéa [26, с. 30] — ведомство, состоящее в подчинении главных хранителей амбаров с очищенным рисом первого королевского Дома и осуществляющее

надзор за работниками, обязанными очищать поступивший туда падди

Кром кхлэанг пхоуть салэй krôm khleang phouch saley [26, с. 30] — ведомство, состоящее в подчинении главных хранителей амбаров с падди первого королевского Дома и занимавшееся получением налогового падди в амбары и передачей его в распоряжение главных хранителей амбаров с очищенным рисом

Кромокар kromokar [26, с. 32; 72, с. 203] — местный чиновник (любого ранга), состоящий в подчинении правителя округа

Кхньом khnhom [87, t. I, с. 330] — зависимый, утративший принадлежность к сословию лично свободных подданных (вследствие непогашенного в срок долга или невыплаченного штрафа)

Кхньом-крау khnhom-crau [87, t. I, с. 330] — зависимый (кхньом), отпущенный жить и работать вне дома своего господина

Кхсок khsok [26, с. 41] — мера сыпучих тел: 1 кхсок составлял около 2,2 кг падди

Кхэт khet [28, с. 70; 72, с. 193] — округ (основная административно-территориальная единица в Камбодже середины XIX в.)

Ме-канг mé-kang [72, с. 234] — чиновник, посылаемый государем в качестве носителя указа, предписывающего порядок взимания налога на падди с подлежащих обложению владельцев земли (в округах первого королевского Дома)

Ме-комланг mé-comlang [72, с. 122] — привилегированное лицо, являющееся главой комланга, т. е. контингента зависимых персонально от него лично свободных подданных

Ме-компонг mé-kompong [72, с. 245] — чиновник таможенной береговой заставы, уполномоченный взимать десятину с падди, провозимого в пределах страны со времени жатвы до обложения владельцев земли налогом на падди

Ме-срок mé-srok [37, с. 488], me-sroc [72, с. 222] — староста сельской округи (территориальной единицы, обычно включавшей в себя несколько пхумов — деревушек)

Мук монтрэй muhk montrey [26, с. 30] — чиновник, являющийся одним из главных хранителей амбаров с очищенным рисом первого королевского Дома

Мэнух-комланг menus-comlang [72, с. 122] — лично свободный подданный, состоящий в персональной зависимости от определенного привилегированного лица

Намэн namoeûn [26, с. 24], namoeun [60, с. 271; 72, с. 66] — чиновник, облеченный определенными полномочиями и наделенный рядом привилегий в соответствии с занимаемым им должностным положением (чиновничество формировалось из числа лично свободных подданных и формально не было конституировано в отдельное сословие)

Неай комланг néey kâmlang [26, с. 43] — заместитель привилегированного лица в каждом из подразделений, составляющем часть контингента персонально зависимых от данного лица людей из числа лично свободных подданных

Нэак-нгэар neak-ngéar [26, с. 45], néac-ngéar [72, с. 94] — лично зависимый от государя или от других глав королевских Домов Камбоджи

Нэак тьеа neac chéa [26, с. 45], néac chéa [68, с. 15; 72, с. 95] — лично свободный подданный — обычно владелец земли,— подлежа-

щий налогообложению и обязанный отбывать ежегодную государственную трудовую повинность

Оббайуреать obbaiouréach [37, с. 474] — отец (или старший брат) царствующего государя, глава второго королевского Дома Камбоджи, включавшего в себя 7 из 50 округов страны

Оббареать obbaréach [37, с. 474; 72, с. 49] — младший брат царствующего государя, глава третьего королевского Дома Камбоджи, включавшего в себя 5 из 50 округов страны

Окня вонгса тхуппедэй oknha vongsa thuppedey [26, с. 26] — чиновник первого королевского Дома, являющийся одним из главных держателей списков лично свободных подданных, обязанных отбывать ежегодную государственную трудовую повинность

Окня луонг oknha-luong [72, с. 128; 87, t. II, с. 179] — чиновник, посылаемый государем в какие-либо округа страны, с определенными полномочиями

Окня луонг кот пон срэу ocnha-luong cot-pon-srôu [72, с. 234] — главный чиновник, посылаемый государем в какие-либо округа первого королевского Дома, с полномочиями устанавливать квоту налога на падди с подлежащих обложению владельцев земли

Окня пипхэак салэй oknha pipheak saley [26, с. 26] — чиновник, являющийся одним из главных хранителей амбаров с падди первого королевского Дома

Окня похулла теп oknha pohule tép [26, с. 26], pohulla tép [81, t. II, с. 16] — чиновник, являющийся одним из главных хранителей амбаров с падди первого королевского Дома

Окня сэрэй тхубес реатьеа oknha serey thubes réachéa [26, с. 26] — чиновник первого королевского Дома, являющийся одним из главных держателей списков лично свободных подданных, обязанных отбывать ежегодную государственную трудовую повинность

Пон срэу pon srôu [72, с. 234] — налог с урожая падди, взимаемый с подлежащих обложению лично свободных владельцев земли

Пон суос pon suos [81, t. II, с. 266] — термин, обозначающий совокупность налогов

Похулла теп (тж. кром похулла теп) pohulla tép, krom pohulla tép [81, t. II, с. 16] — сельское ведомство, ведомство сельских правонарушений

Преам pream [37, с. 504], préam [68, с. 9; 87, t. I, с. 213) — член сословия кхмерского индуистского духовенства

(Прэах) борохет borohet [87, t. I, с. 213] — каждый из главных десяти священнослужителей кхмерского индуистского духовенства

Прэах вонг brah van [28, с. 62], prea-vong [37, с. 504; 87, t. I, с. 325] — член сословия отдаленных королевских родственников, выходящих за пределы пятой степени родства с ним

Прэах вонгса brah vansa [28, с. 62], préa-vongsa [72, с. 59] — член королевской семьи — сословия близких родственников государя Камбоджи по пятую степень родства с ним

Прэах реать самбат préas réach sâmbat [81, t. I, с. 48] — термин, обозначающий «имущество государя»: землю, воду, леса, горы и подданных Камбоджи

Пхнэак-нгэар phnéak-ngéar [72, с. 140] — специальный местный

уполномоченный столичного чиновника (посылаемый в какие-либо округа страны для выполнения вверенных ему определенных функций)

Пхум phum [60, с. 408] — селение из небольшого числа домов, расположенных близко друг к другу, деревушка

Реатьеа-ка préach-chéa-car [72, с. 284] — ежегодная государственная трудовая повинность

Реатьеа-кру réachéa krou [81, t. I, с. 48] — первосвященник кхмерского индуистского духовенства

Роунг roûng [26, с. 40] — подмостки, сооружаемые для омовений чиновников, посылаемых государем в какие-либо округа первого королевского Дома, с полномочиями облагать владельцев земли налогом на падди

Самрап samrap [26, с. 41; 37, с. 475], sâmrap [60, с. 271] — штат, контингент (чиновников, закрепленных за каждым из четырех королевских Домов Камбоджи)

Сатра satra — рукописи текстов законов

Сдать, sdach [26, с. 21; 72, с. 186] — государь, суверен Камбоджи, непосредственный глава первого королевского Дома, включавшего в себя 35 (из 50) округов страны

Смиен smien [72, с. 236] — мелкое должностное лицо — писарь, участвующий в процедуре обложения владельцев земли налогом на падди

Снанг snang [37, с. 488; 72, с. 202; 87, t. I, с. 254] — местный чиновник среднего ранга, состоящий в подчинении правителя округа

Срок sroc [72, с. 218] — сельская округа (территориальная единица, обычно включавшая в себя несколько деревушек)

Срэ пранг sre prang [81, t. I, с. 375], sré préang [72, с. 252] — поля для выращивания риса в сухой сезон

Срэ праса sre prasa [81, t. I, с. 375], sré prasa [72, с. 252] — поля для выращивания риса в сезон дождей

Срэ-трап-а sré-trâp-a [72, с. 251] — рисовые поля, оставленные родственнику умершего владельца или какому-либо другому лицу, но наследуемые государем (в качестве наследства владельца, умершего без правомочных наследников)

Срэ-трап-пхот sré-trâp-phot [72, с. 251] — рисовые поля из наследства лиц, умерших без прямых наследников,— наследовались государем

Срэу баку srau bakou [26, с. 41] — доля урожая падди, взимаемая по одной из статей налогообложения владельцев земли, в пользу главных десяти священнослужителей кхмерского индуистского духовенства

Срэу баи кандор srau bai kandor [26, с. 41] — доля урожая падди, взимаемая по одной из статей налогообложения владельцев земли, в качестве предусматриваемого возмещения за ущерб при хранении налогового падди в амбарах главы королевского Дома

Срэу праса srau [26, с. 41], prasa [72, с. 252] — рис, выращиваемый в сезон дождей

Сэрэй акереть serey akerech [26, с. 30] — чиновник, являющийся одним из главных хранителей амбаров с очищенным рисом первого королевского Дома

Теаса (тж. кхньом) teasa [81, t. I, с. 388] — зависимый, утративший принадлежность к сословию лично свободных поддан-

ных, вследствие непогашенного в срок долга или невыплаченного штрафа.

Тханг thang [26, с. 41] — мера сыпучих тел; 1 тханг составлял около 22 кг падди

Тхипдэй thîpdey [81, t. I, с. 2] — «верховный владыка земли» (один из титулов государя Камбоджи)

Тхлай сбат thlay sebât [26, с. 40] — плата, взимаемая с налогоплательщиков в пользу чиновника, посылаемого государем с полномочиями облагать владельцев земли налогом на падди, за принятие им у старосты сельской округи клятвы о том, что от посланных не будет скрыт ни один из облагаемых

Тьакрэй chakrey [26, с. 35; 37; с. 474; 72, с. 71] — государственный министр, ведавший наземными средствами передвижения

Тьамкар chamcar [60, с. 410] — плодородные прибрежные земли Меконга, принадлежащие лично государю Камбоджи (одна из категорий домениальных земель)

Тьангроук chang-rouk [72, с. 236] — амбар владельца рисовых полей, в котором хранился собранный урожай риса

Тьаувайкхэт chauvai-khet [72, с. 203] — правитель округа

Тьаува chauvéa [72, с. 71] — первый государственный министр, председательствующий на советах министров

Тьбап кхон сала chbap khon sala [81, t. II, с. 31] — «закон о главных судьях»

Тьек креас ои тьаувайкхэт chéc créac oi chauvaisrok [60, с. 414] chauvai khet [72, с. 203] — передача лично свободных подданных правителю округа для отработок непосредственно в его пользу определенного числа дней ежегодной трудовой повинности, причитающихся ему за мобилизацию их на отбывание всего остального срока государственных работ

Тьоэнг пон choeung-pon [72, с. 236] — мелкое должностное лицо — помощник по сбору налога, прикрепляемый к каждому из чиновников, уполномоченных облагать владельцев земли налогом на падди

Тьумтоп chum-top [72, с. 222] — помощник старосты сельской округи

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3
Глава I. Источники и литература 10
Характеристика источников по аграрным отношениям . . 10
Правовые источники 10
Нарративные источники 16
Анализ литературы по проблеме земельной собственности 24
Выдвижение трех типов концепций французскими авторами второй половины XIX в. . . 24
Разработка трех типов концепций во французской историографии XX в. 32
Глава II. Правовой статус земель, занятых лично свободными подданными 41
Земельные прерогативы государя 41
Характер прав подданных на занимаемые ими частные земли 51
Глава III. Система государственно-феодальной собственности на категории частновладельческих земель сословия нэак тьеа 71
Глава IV. Частнофеодальная собственность на категории крупных и средних земельных владений высших сословий и чиновничества 95
Заключение 128
Список использованной литературы 150
Приложение: Объяснение кхмерских терминов, употребленных в работе 162

Леонид Давыдович Спекторов

ФЕОДАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КАМБОДЖЕ НАКАНУНЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОТЕКТОРАТА

(основные формы земельной собственности в середине XIX в.)

Редактор *В. Н. Кюзаджян.* Младший редактор *С. П. Какачикашвили.* Художественный редактор *Б. Л. Резников.* Технический редактор *В. П. Стуковнина.* Корректор *В. В. Воловик*

ИБ № 13637

Сдано в набор 03.05.79. Подписано к печати 05.09.79. А-13047. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 8,82. Уч.-изд. л. 9,45. Тираж 1150. Зак. № 292. Цена 1 р. 40 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

1р. 40 к.